

Учредитель:

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный университет»

Серия «Философия. Психология. Социология» издается философско-социологическим факультетом Пермского государственного университета с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований. Приоритетным правом на публикацию пользуются статьи молодых ученых.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles. The papers of young scientists use the priority right to the publication.

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охране культурного наследия
(ПИ № ФС77-39902 от 19 мая 2010 г.)

Территория распространения —
Российская Федерация

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ**

Главный редактор

А.Ю. Внутских, профессор, докт. филос. наук

Заместитель главного редактора

А.Ю. Бергфельд, канд. психол. наук

Редакционный совет:

В.Н. Железняк (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *В.В. Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *М.И. Ненашев* (профессор, докт. филос. наук, Киров), *В.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *С.В. Орлов* (профессор, докт. филос. наук, Санкт-Петербург), *А.В. Перцев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Д.И. Широканов* (профессор, докт. филос. наук, акад. Национальной академии наук Беларуси, Минск), *В.Д. Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *А.Г. Исмаилова* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Е.В. Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Н.А. Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *И.А. Мироненко* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Л.А. Мосунова* (профессор, докт. психол. наук, Киров), *А.О. Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Е.Е. Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Тула), *А.Г. Антипов* (профессор, докт. социол. наук, Пермь), *В. Б. Житенев* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Е.А. Козай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Г.И. Осадчая* (профессор, докт. социол. наук, Москва), *В.Г. Попов* (профессор, докт. социол. наук, Екатеринбург), *Т.Н. Юдина* (профессор, докт. социол. наук, Москва)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. +7(342) 2396-617, +7(342) 239-834
E-mail: abergfeld@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site: <http://www.psu.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Проблема смысла жизни: современное состояние и перспективы*	4	The problem of human life essence: the current state and the prospects
<i>Ю.В. Маслянка</i>		<i>J.V. Maslyanka</i>
Проблема категорий в свете новейшей философии*	12	The problem of categories in the light of contemporary philosophy
<i>В.Н. Железняк, С.В. Пономарева, Я.Э. Цырлина</i>		<i>V.N. Zhelezniak, S.V. Ponomareva, Y.E. Tsyrlina</i>
Проблематика истинной и ложной свободы в политико-философской концепции Э. Фромма	19	The problem of true and false liberty in the context of Erich Fromm`s politico-philosophical conception
<i>Д.А. Зарипов</i>		<i>D.A. Zaripov</i>
Ценностная модель жизни человека в эпоху Средневековья	26	The value model of human life in the Middle Ages
<i>О.А. Гинатулина</i>		<i>O.A. Ginatulina</i>
Софисты и политическая справедливость: «Существует закон о том, что глаза должны видеть, и чего не должны»	34	The sophists and political justice: "There is legislation about the eyes, what they must see and what not"
<i>Л. Омладич</i>		<i>L. Omladič</i>
Истина возврата Бадью к искусству модерна	44	The truth of Badiou`s return to modern art
<i>В. Х. Сорчан</i>		<i>V. H. Sorčan</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Социальные эффекты страха смерти: защитный механизм или когнитивная нагрузка?	52	Social effects of mortality salience: Defence mechanism or cognitive load?
<i>С.А. Щебетенко</i>		<i>S.A. Shchebetenko</i>
Проявление разных форм активности педагога в стиле общения	59	The manifestation of various forms of pedagouge`s activity in communication styles
<i>А.Г. Исмаилова</i>		<i>A.G. Ismagilova</i>
Представления студентов о профессионально важных качествах преподавателя	65	Conceptions of professionally important skills and qualities of a teacher among students
<i>В.А. Толочек, С.Ю. Жданова</i>		<i>V.A. Tolocek, S.Y. Zhdanova</i>

Объективация психического опыта <i>Д.Г. Трунов</i>	71	Objectification of mental experience <i>D.G. Trunov</i>
Об измерении черт личности посредством времени реакции (часть 1: постановка проблемы) <i>С.А. Щебетенко, С.В. Вайнштейн</i>	82	On the measurement of personality traits by means of reaction times (Part I: Defining the problem) <i>S.A. Shchebetenko, S.V. Weinstein</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Препятствие на пути модернизации «архаичного» российского общества <i>А.Г. Антипов</i>	96	The obstacle on the way of modernization of “archaic” russian society <i>A.G. Antipov</i>
Феномен корпоративной социальной ответственности в странах Запада <i>К.А. Петухов</i>	104	Phenomenon of corporate social responsibility in the West <i>K.A. Petoukhov</i>
Концепция интеллигенции В.П. Воронцова <i>А.Г. Истомина</i>	120	Intelligentsia conception by V.P. Vorontsov <i>A.G. Istomina</i>

ФИЛОСОФИЯ

УДК 128

**ПРОБЛЕМА СМЫСЛА ЖИЗНИ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ*****Ю.В. Маслянка**

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail:

В статье исследуется вечная проблема смысла человеческого существования, современное состояние и перспективы ее осмысления. Особое внимание уделяется анализу субъективной архитектуры смысла и смысла жизни, исследованию механизмов порождения смысла.

Ключевые слова: смысл жизни; онтология субъективности; архитектура субъективности; порождение смысла

Современная ситуация цивилизационного кризиса отличается рядом особенностей. Одна из них заключается в том, что главные философские вопросы и проблемы не только выдвигаются на первый план, но и имеют принципиальное решение, в значительной степени ассимилированное общественным сознанием. Это справедливо и в отношении проблематики смысла человеческого существования. Всестороннее свободное развитие человека является высшей ценностью, имманентно наполнено смыслом. Сам человек как уникальное родовое существо бесконечно генерирует и реализует смысл, формируя осмысленный, человеческий мир. Однако в действительности жизнь человека, ее наполненность, содержательность, чело-

вечность, зависит от множества случайных, неуправляемых, деструктивных факторов. Особенно остро эта ситуация наблюдается в современной России и на постсоветском пространстве, где на месте прежних высоких социальных смыслов все явственнее обнаруживается грандиозный провал. Само понимание, переживание этого глубокого социального разлома между действительной ценностью и смыслом жизни и их конкретными проявлениями в окружающем нас расколотом социальном пространстве является источником тяжелейшей психологической травмы современного человека. Такое психологическое состояние В.Франкл назвал «экзистенциальным вакуумом». Дезориентируя индивидов и общество в целом, воспро-

---

© Маслянка Ю.В., 2010

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ЕЗН Минобрнауки «Создание концепции развития современной науки на основе теории единого закономерного мирового процесса» (грант № 1.5.08)

изводя социальную аморфность, подобное состояние обладает тенденцией «закручивания на себя». И теперь уже экономисты, политики и другие деятели культуры оправдывают бездуховность, деструктивность своих теорий, произведений, проектов якобы бессмысленностью самой реальности. Хронический экзистенциальный невроз как диагноз нашего времени [7] проявляется не только в неуклонном росте суицидов как невозможности найти себя в мире, но и в неуклонном росте числа людей, которые «мертвы психологически», т.е. безразличны, равнодушны к окружающей действительности, крупнейшим мировоззренческим вопросам, борьбе мировоззрений и ценностей, что неизбежно ведет к утрате себя... Обратная сторона социальной пассивности, аморфности — социальная гиперактивность, широко пропагандируемая в сферах бизнеса, массовой культуры. Этот стиль жизни так же не позволяет догнать себя, остановиться, ответить на важнейшие вопросы человеческого существования, оценить собственные цели и реальные потребности. Такой стиль жизни сопровождается катастрофической нехваткой времени, характерной для эпохи господства капитала.

Глубинные деформации объективного «социального тела» человека неминуемо искажают и всю систему смыслов, генерируя целые соцветия виртуальных реальностей. Причем искаженной оказывается и сама сердцевина субъективного образа реальности — самопонимание, образ «Я» и смысл собственного существования. Современная российская действительность демонстрирует грандиозный спектр виртуальных, ущербных смыслов и стилей жизни — от пропагандируемого элитой успешного эгоиста до человека-функции, который постепенно вымещает традиционно смыслогенные образы и стили жизни учителя, врача, полити-

ка. Значительный интерес в данном случае представляет особый срез виртуальной реальности и смысла — религиозная виртуальная реальность, значение которой в нашем обществе неуклонно растет по мере продвижения страны к точке невозврата. Неизбежный спутник «разорванного сознания», предистории человечества, — религия с ее абстрактной системой смысла и абстрактным гуманизмом продолжает хранить сон спящего народа.

Непосредственный, феноменальный анализ современной системы смыслов очевидно беспомощен: сколько бы слоев реальности мы таким образом ни снимали, ниже вновь окажется некая неподлинная реальность, генерируемая искаженным самосознанием, «больным сознанием». Только объективный подход к анализу смысла, учитывающий и в известном смысле снимающий пороки непосредственного восприятия и оценки действительности, позволяет реконструировать подлинный смысл, смыслогенные возможности развития и управления реальностью.

Исследуя действительность более детально, во всем многообразии ее сторон и аспектов, современная философия тем не менее не пошла дальше основной, исходной установки классической философии, строящейся на диалектике двух основных парадигм исследования реальности — материалистической и идеалистической. Анализируя современные наработки в области проблематики смысла жизни и, шире смысла, мы выявили три основных подхода — онтологический, феноменологический, постмодернистский [2]. Последний, с нашей точки зрения, не может претендовать на роль полноценной смысловой и научной парадигмы вследствие слабой теоретической проработанности, низкой эвристической и практической ценности. Далее, даже поверхностный анализ

онтологии и феноменологии смысла позволяет понять, что их различие в современной философии — это лишь менее явно выраженное противоречие двух основных парадигм классической философии. Противоречие между этими парадигмами не надумано и не устранимо, в конечном счете, как не устранимо противоречие между двумя предельно широкими классами реальности — объективной и субъективной реальностями, где первая есть субстанция, а вторая представляет собой свойство ее наиболее сложной области. Можно говорить и об относительном единстве, взаимопроникновении этих парадигм. Обе строят свою логику и, соответственно, картину мира на базе категорий материальное/идеальное и их диалектике. Однако трактуют эти категории и их диалектику далеко не одинаково содержательно и глубоко.

Как уже неоднократно нами ранее отмечалось, феноменология смысла (фактически, субъективный идеализм, явно или не вполне явно, опирающийся на объективный идеализм) трактует смысл как самодовлеющую, самодостаточную, субстанциальную реальность. При этом смысловая реальность существенно теряет в содержательном плане, оказывается принципиально не прогнозируемой и не управляемой. Страдает и материя, которая превращается в нечто предельно тощее, в некий намек на реальность, вещь в себе, необходимую только для того, чтобы подпереть логически несостоятельную конструкцию непознаваемости мира. Собственное качество сознания при этом не раскрывается, «идеальность» сознания так и остается мнимой в теоретическом смысле и держится только на постоянных отсылках к нашим непосредственным переживаниям, в которых, кстати, свернуто и объективное содержание человека. Как видим, в классическом и современном идеализме примитивно трактуется не толь-

ко материя (бесформенное нечто, или ничто, вещь в себе, неопределенное вещество), но и сознание, смысл и его внутренняя диалектика.

Сопровождая материализм на протяжении всей истории человеческого интеллекта, идеализм весьма не существенно изменяется в плане содержания, содержательного наполнения базовых категорий и приведения их в систему. О категории материи мы уже сказали, сознание же на каждом новом витке развития интеллекта наполняется за счет неявной, бессознательной апелляции к тем реальным знаниям, которые уже прошли практическую проверку и достаточно глубоко усвоены общественным сознанием. История материализма, напротив, представляет собой неуклонное содержательное усложнение диалектики материи и сознания, неуклонное прорастание этих категорий в различные сферы знания. Вся так называемая предыстория научного материализма представляет собой поиск адекватного понятия, выражающего субстанциальное единство мира. Данное понятие материи и сам принцип его абстрагирования были предложены в рамках марксизма. Этот принцип абстрагирования сущности материи и, одновременно сознания, задает, с одной стороны, логику развития научного знания в целом (включая диалектику философии и частных наук), с другой, метод решения конкретных проблем науки. В рамках философии данный принцип позволяет продуктивно анализировать материал науки, бесконечно концептуально углубляя архитектуру объективной и субъективной реальности, материи и сознания. Не случайно именно в рамках научной философии задолго до явного, очевидного начала этого процесса было предсказано великое объединение науки, новейший процесс интеграции естествознания и гуманитарных наук. Очевидными признаками этого процесса служат: форми-

рование системы общенаучных понятий, взаимопроникновение объективных и субъективных методов исследования, выдвижение на первый план проблематики смысла, адекватности реальности, значимости, ценности наших открытий.

Объективно-реальный подход к анализу смысловой реальности, смысла и его концептуального ядра — смысла человеческого существования, сегодня как никогда востребован и значим. Смысл в данном контексте трактуется как элемент, «клеточка» субъективной реальности человека, по своему сущностному содержанию совпадающая с последней. Как представляется, в отличие от родственных фундаментальных категорий — сознание, субъективная реальность, идеальное, — понятие смысл в большей степени связано с конкретно-всеобщим уровнем философской теории, носит конкретно-всеобщий характер. Смыслы генерируются материальным субстратом человека, они внутренне рефлексивны, т.е. несут в качестве своего ядра целостное миро- и самоотражение человека (самосознание в классической науке). В наших предыдущих работах было показано [3], что сложное социальное отражение действительности не может не иметь в качестве своего ядра или основания целостного образа «Я», сущности человека как предельной и целостной всеобщности. В свою очередь, самоотражение человека, смысл его собственной жизни, так же выявляется в отношении к бесконечному содержательному богатству материи, т.е. в некой бесконечной системе смыслов. Таким образом, проблема смысла человеческого существования и, шире смысла, вновь поднимает проблему соотношения объективной и субъективной реальности, но на новом уровне, на уровне анализа конкретных механизмов генерирования смысла.

В современной отечественной и зарубежной литературе проблематика смысла жизни все больше приобретает некий прикладной характер, распадается на фрагменты, выражая этические и эстетические предпочтения авторов. С одной стороны, движение данной проблемы в сторону анализа конкретной исторической ситуации, особенных, уникальных стилей жизни и представлений о ней, оправдано, с другой, подобное развитие проблемы, ее конкретизация предполагает хорошо разработанную систему фундаментальных абстракций, работающих на уровне конкретного. Если этого не наблюдается, то предлагаемые выводы лишаются какой бы то ни было научной значимости, оставаясь на уровне индивидуальных/групповых стереотипов и предпочтений. Разработка наиболее фундаментального общепhilosophического плана проблематики смысла сегодня, безусловно, выходит на первый план. Отсутствие принципиальной позиции по основному вопросу философии и теоретических возможностей его решения в рамках неклассического дискурса — основная причина широко распространенного в современной философии теоретического и нравственного плюрализма. Кризис традиционной абстрактно-всеобщей материалистической теории в СССР и за рубежом так же выявил необходимость постоянного концептуального углубления фундаментальной философской теории, ее постоянной работы на уровне конкретного анализа действительности.

Современный конкретно-всеобщий подход к анализу смысла позволяет не только выявить глубинную объективно-субъективную архитектуру смысла (генеалогию смысла), но и раскрыть конкретные механизмы смыслообразования. Данный подход, с одной стороны, углубляет аргументацию материалистической теории, с другой, наталкивает на интересные

выводы относительно конкретных механизмов функционирования сознания и человеческой психики в целом.

Вопреки догмам классического и современного идеализма мы обнаруживаем единую логику в развитии и функционировании материи и механизмах формирования и структурирования субъективной реальности, выявляем параллели между объективной и субъективной архитектурами действительности. Данное утверждение не означает, что мы отождествляем эти реальности в субстанциальном плане.

Весьма перспективным представляется параллельный анализ развития и содержания высших психических функций человека (памяти, речи, мышления) и закономерностей развития материи, выявляемых на уровне конкретно-всеобщей теории развития. Так, память (которую А.Бергсон связывает с длительностью, как важнейшей характеристикой субъективной реальности, отличающей последнюю от материального мира), с нашей точки зрения, по-своему дублирует аккумулятивную закономерность развития материи. Механизм языка как важнейшая сущностная сила человека [1] действительно глубоко раскрывается на основе системы конкретно-всеобщих закономерностей развития материи и, прежде всего, на основе диалектики высших и низших содержаний целостной социальной предметности. В свою очередь, конкретно-всеобщий анализ комплекса языко-мышления (от физического, феноменального уровня языка до собственно социальной сверхчувственной предметности человека и идеального содержания, свернутого в языковой коммуникации) дополнительно характеризует картину развития материи в целом. На основе анализа языкового механизма функционирования социальной предметности мы получаем еще один аргумент в пользу представления о

развитии материи и ее сущностных свойств в глубь себя, «закручивания развития на себя» [4]. Мышление как необходимый момент преобразовательной деятельности человека так же дублирует весь комплекс объективных закономерностей развития материи. Как оперирование абстрактными сущностями предметного мира мышление возникает на основе непосредственного чувственного восприятия действительности и предполагает его определенное отторжение за счет знаковой коммуникации. Заметим, что генерирование сущностной копии действительности возможно лишь на базе высшего цвета материи, интегральной социальной предметности. Возникая в сущностной сердцевине мира и являя собой всеобщее содержание субстанции как целое, человек оказывается способным оперировать и в известном смысле управлять всеобщими моментами действительности.

Обратимся далее к анализу одного из самых поразительных свойств человеческой психики (остающемуся по большому счету последним и единственным аргументом идеализма), к анализу самосознания, образу «Я», который мы переживаем непосредственно. Заметим, однако, что под этим переживанием, а точнее, в нем скрывается объективное содержание социальной предметности, человек как материальное существо, раскрывающееся в системе объективной деятельности и, как следствие, в непосредственной длительности нашего «Я». По своей странности, грандиозности феномен «Я» может сравниться лишь с феноменом окружающего нас объективного мира, с миром в целом. Сам факт существования самосознания, целостного образа «Я», бесконечного многообразия уникальных родовых существ, представляет собой мощный аргумент в пользу выводов конкретно-всеобщей теории развития, ее сис-

темы законов и закономерностей развития материи. Сам феномен самосознания, переживания смысла действительности, т.е. выявления ее сущности (рефлексивность непосредственно данного), может возникать и возникает, с нашей точки зрения, лишь на базе высшей, интегральной материальной предметности.

Обратим внимание на несколько конструктивных особенностей смысла. Смысл внутренне противоречив, весь соткан из противоречий, в концентрированном виде несет в себе и выражает противоречия действительности. Одним из важнейших внутренних конфликтов смысла является конфликт (противоречие) между сознательным и бессознательным уровнями отражения действительности, так же выражающий одну из сторон, особенностей развития объективной реальности. В философской и психологической литературе, а так же в общественном сознании интерес к проблематике бессознательного возникает в XIX в. и заметно усиливается в XX в. Сегодня мы имеем множество исследований на эту тему, ряд парадигм и даже направлений практической психологии. Однако принципиальное решение данная проблема может получить лишь на базе целостной конкретно-всеобщей теории развития материи. Так, одной из слабых сторон современных исследований бессознательного — это проблема выявления собственной специфики бессознательных явлений, границы между сознанием и бессознательным и собственно критерия выделения бессознательных феноменов. В данном случае феноменальный подход (к которому в силу специфики предмета тяготеет психология), безусловно, необходим, важен, но, очевидно, не достаточен. Сама формулировка критерия выделения бессознательных явлений требует привлечения категориального аппарата философии и обобщенного ей материала науки, включая

психологию. Смысл, с нашей точки зрения, представляет собой сознательный феномен, включающий в себя в снятом виде бессознательное, т.е. потенциальное, неразвернутое отражение действительности в целом. Бессознательное содержание психики человека постоянно оттормаживается [6] сознанием и канализируется в определенные востребованные действительностью более или менее сознательные формы поведения. Заметим, что наше непосредственно воспринимаемое «Я» чревато своим бессознательным прафеноменом, постоянно усложняется, длится как противоречивое целое, отражая объективное усложнение действительности. Постоянное диалектическое движение друг в друга бессознательного и сознания, с одной стороны, ведет к постоянному расширению сферы сознательного, ассимилированного «Я», с другой — к расширению объема и роли некоторых квазисознательных переживаний (интуиции, предчувствий, инсайтов и пр.). Впрочем, без канализирующей деятельности сознания, гасящего подавляющую часть импульсов бессознательного, направленная деятельность человека оставалась бы невозможной. Особый научный интерес здесь связан с тем, какие формы канализирования бесконечного потенциала человека предлагает сегодня социальная реальность и как эти формы влияют на внутреннее самоощущение человека, образ «Я», полноценное и всесторонне развитие человека в целом. Здесь мы выходим в сферу социальной онтологии. Сознательный пласт смысла, с нашей точки зрения, формируется образом жизни, а в конечном счете историческим типом труда (самого индивида), т.е. актуализированным содержанием материи и самого человека. Всеобщее содержание субстанции на каждом историческом витке отливается в особые формы, в рамках которых оно посте-

пенно разворачивается и актуализируется. Сложная структура психики человека, выражающая постоянное движение друг в друга бессознательного и сознания, дублирует логику развития материи в плане столкновения актуального и потенциального содержания субстанции, действительности и бесконечных возможностей развития.

Далее важно проследить, как фундаментальная картина смысла проявляется в рамках социальной онтологии. Сложная система абстракций научной философии, включающая абстрактно-всеобщий и конкретно-всеобщий уровни, позволяет и здесь выявить особую генетическую структуру смысла. Базовым каркасом для нее здесь служит разработанная марксизмом структура общественно-экономической формации. Последняя не только представляет генетический срез общества, фактически, социального тела человека как родового существа, но и выявляет глубинные истоки его развития. В первом приближении смысл выступает как всецело надстроечное образование, некая сердцевина, или стержневая структура в системе форм общественного сознания. В данном контексте мы предлагаем использовать термин смысловая матрица, обозначающий ту идеальную основу, на которой выстраивается вся сложная духовная архитектура того или иного общества, его «физиономия», его моральный облик. Однако более глубокий подход заставляет рассматривать смысл вместе с его объективным основанием, выводя смысловую матрицу общества из более фундаментальной — объективной матрицы социальной предметности человека как высшего цвета материи. Опорой анализа в данном случае являются объективные проявления сверхчувственной социальной предметности в системе производственных

отношений, прежде всего, отношений собственности и стоимости.

Роль феномена собственности в формировании различных социальных структур общества и надстроечных образований довольно глубоко была исследована классическим марксизмом. Анализ под этим углом зрения современной российской действительности показывает, что неэффективная форма собственности [7] приводит к серьезным деформациям социальной системы, катастрофическим изменениям в духовной сфере общества.

Особый научный интерес представляет сегодня анализ феномена стоимости, размывания стоимостного отношения в связи с кризисными трансформациями смысловой матрицы эпохи капитала и предьстории человечества в целом. Заимствованное из экономической науки понятие стоимости в философии марксизма приобретает конкретно-всеобщий характер, позволяя, с одной стороны, фундировать экономическую теорию, с другой, поднять социально-философскую теорию до уровня конкретно-всеобщего анализа действительности. Тенденция к формированию объективного стоимостного отношения в предьстории человечества имеет под собой реальный фундамент — глубинное равенство человеческих индивидов как родовых существ и, соответственно, глубинное равенство продуктов их труда. Однако в предьстории человечества предполагаемое равенство индивидов и эквивалентный обмен деятельностью возможны лишь в примитивной абстрактной форме — в форме стоимостного отношения, лежащего в основе товарной экономики, рынка. В сфере духовного производства такое равенство достигается и максимально реализуется в предполагаемом, виртуальном равенстве людей перед Богом, т.е. в религиоз-

ном сознании, носящем в предыстории общества некий универсальный характер.

Смысловая матрица общества капитала (и предыстории человечества в целом) носит преимущественно абстрактно-всеобщий характер. Фундаментальные представления о сущности человека, его сущностных силах, смысле и перспективах существования остаются крайне бедными, абстрактными, бесплодными в реальной жизни. А те смысловые узлы, которые в различных сферах и формах общественного сознания отвечают за реальное всестороннее творческое развитие каждого индивида, остаются пока в зачаточном состоянии.

Современный феномен ломки прежних объективных механизмов эквивалентного обмена сигнализирует о становлении нового типа человека и общества в целом. В духовной сфере это выражается в ломке традиционной абст-

рактно-всеобщей смысловой матрицы и развертывании в ее недрах отдельных элементов и подсистем новой конкретно-всеобщей системы смыслов.

Список литературы

1. Береснева Н.И. Язык и реальность. Пермь, 2004.
2. Маслянка Ю.В. Смысл и «бес-смысленное время» // Проблема смысла жизни в современной философии. Пермь, 2009.
3. Маслянка Ю.В. Онтология субъективности, смысла жизни и конкретно-всеобщая теория развития // Новые идеи в философии. Пермь, 2009. Т. 1, вып. 18.
4. Орлов В.В. Фундаментальные проблемы философской антропологии // Новые идеи в философии. Пермь, 1997. Вып. 6. С. 9.
5. Орлов В.В., Васильева Т.С. Философия экономики. Пермь, 2006.
6. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М., 1974.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 24.

THE PROBLEM OF HUMAN LIFE ESSENCE: THE CURRENT STATE AND THE PROSPECTS

J. V. Maslyanka

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The article deals with the eternal problem of the meaning of human existence, its present state and prospects. Particular attention is paid to the analysis of the subjective architecture of the sense and the human life essence, the study of mechanisms for generating of the meaning.

Key words: human life essence, ontology of subjectivity, the architecture of consciousness, the generation of meaning.

УДК 165.22

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЙ В СВЕТЕ НОВЕЙШЕЙ ФИЛОСОФИИ****В.Н. Железняк, С.В. Пономарева, Я.Э. Цырлина***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15

e-mail: shlezo@newmail.ru

В статье прослеживается судьба одной из самых фундаментальных проблем теории познания — проблемы категорий. В качестве герменевтических инструментов используются подходы К. Ясперса, Э. Кассирера и Ж. Делеза. Ясперс исходил из невозможности категориальной характеристики экзистенции, тем не менее именно система категорий является формальной матрицей для негативного определения экзистенции, в которой основным моментом является наличное мгновение. Кассирер, объективно занимая промежуточную позицию между неокантианством и феноменологией, исходил из общего темпорального условия абстрагирования — «теперь-точки». Делез также придерживается сугубо критического подхода к мышлению, заменяя тождество различием и перенося категориальные маркеры в стихию языка.

Ключевые слова: гносеология; рассудок; категории; экзистенция; «теперь-точка»; различие

Категории как особого рода феномен, объясняющий функционирование рассудка и мышления в целом, были впервые систематически описаны Аристотелем. Введение категорий мышления (и связанной с ними бытийной проблематики) в философскую логику было осуществлено в классической философии (нового времени), прежде всего, Кантом, Фихте, Шеллингом и Гегелем. В новейшей философии таблица и «дедукция» категорий Канта (и ее спекулятивные «розыгрыши» в последующих немецких идеалистических системах) подвергались жесткой критике, в которой так или иначе отражались исторические перемены в логической структуре человеческого интеллекта. Обобщенная критика классических представ-

лений о категориальных основаниях мышления была дана Ясперсом во втором томе его «Философии». Это в высшей степени важный и счастливый для исследователя текст [7], в котором цельно и концентрированно выражена современная (антиспекулятивная) рецепция одной из центральных проблем философской гносеологии и метафизики.

1. Экзистенциальный «взлом» категориальной структуры рассудка

Ясперс утверждал, что мышление бытия парит на двух крыльях: экзистенции («я сам») и всеобщем. Всеобщее целиком принадлежит наличному бытию в мире; описывая его свойства и признаки, оно вполне понятно и не заключает в себе никакой тайны. «Я сам», напротив, есть

© Железняк В.Н., Пономарева С.В., Цырлина Я.Э., 2010.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ЕЗН Минобрнауки «Категориальная структура рассудка» (грант № 1.4.10)

нечто, принадлежащее экзистенции и составляющее сплошную тайну. Каким образом при этом экзистенция может быть выражена в общих понятиях и суждениях, постичь сложно. Значение проблемы мышления бытия, таким образом, состоит в том, чтобы актуализировать вопрос о пересмотре старой метафизики на новых экзистенциальных основаниях.

Известно, какое большое значение для понимания онтологии Хайдеггера имеет его интерпретация главы о схематизме из «Критики чистого разума». Аналогичное значение имеет дедукция Ясперсом основных характеристик экзистенции путем зеркального обращения кантовских категорий и их временных схем. Ясперс сравнивает две реальности: «объективную», о которой, якобы, речь идет у Канта (и во всей классической традиции), и экзистенциальную. Но если появление на свет второй более или менее ясно излагается самим Ясперсом, то, что такое первая, остается непонятным. Объективная реальность подчиняется правилам — экзистенциальная вне всяких правил (она абсолютно исторична, событийна и представляет собой чистую спонтанность явления). Объективная действительность, благодаря правилам, каузальна и осуществляется во временной последовательности причин и действий, экзистенциальная действительность, благодаря свободе, проявляется во времени из собственного истока. Из этих констатаций становятся понятными некоторые характеристики экзистенции, но не понятно, что такое «объективная действительность», которая приписывается Канту. Ведь и категории, и их временные схемы суть трансцендентальные формы, и в этом смысле они совершенно идеальны. Движение к действительности может быть понято только как долгая и сложная процедура проекции этих трансцендентальных форм «на» явление здесь-

бытия (никакое другое явление, кроме явления здесь-бытия, вообще невысказуемо). Ясперс приписал свою экзистенцию сугубо человеческому существованию, следовательно, он должен сослаться на ту часть учения Канта о категориях и схемах, которая выражает фундаментальную основу *человеческого* существования, а именно ситуацию свободы, где разум и подчиненный ему рассудок используются в качестве активных причин, реализующих себя в феноменальном мире и представляющих собой не просто временные схемы, а само время, посредством воли входящее в медиальное поле совершаемого поступка. Совершенно очевидно, что все эти многосложные звенья кантовской системы не принимаются Ясперсом во внимание. Грубая зеркальная схема, которую он выстраивает, упрощает кантовскую систему до искусственного препарата. Ясперс не видит экзистенциально-волевой природы кантовского учения о схематизме. Но если бы человеческий интеллект был лишен воли к бытию, то он не мог бы и мыслить бытие. И если сам Ясперс все-таки способен размышлять над «прорывом к экзистенции», то возникает вопрос, каким образом в таком случае устроен его собственный рассудок. Ясперс вряд ли бы возражал относительно того, что его рассудок устроен вполне по-кантовски (он мог бы сказать, что просто использует его иначе, чем Кант). Освобождая место для «высвечивания экзистенции», Ясперс отодвигает интеллект в сторону (хоть и не очень решительно, и не очень далеко). Но если некая экзистенциальная «самость» приписывается не интеллекту, а воле, то кто же тогда мыслит? Если зеркальная противоположность мыслящего рассудка и экзистенции, на которой настаивает Ясперс, действительно имеет место, то никакая встреча генерализирующего интеллекта и структуры «Я сам» решительно невоз-

можно (кстати, сводить интеллект, или даже только категории, к общим понятиям является чудовищным упрощением). Во времена возникновения и расцвета экзистенциальной философии подобного рода парадоксы не замечались. Увлечение первооткрывателей заставляло противопоставлять выдвигаемые принципы «укоренившимся предрассудкам» традиции, заставляло на каждом шагу демонстрировать революционность нового метода. Тогда как современность выдвинула противоположную задачу — восстановить традицию на базе открывшегося нам экзистенциального опыта.

Субстанция, рассуждает далее Ясперс, существует во времени, не увеличиваясь и не уменьшаясь. Экзистенция же пребывает и убывает во времени. Здесь опять-таки вполне понятна характеристика экзистенции и непонятна имплицитная ссылка на Канта и традицию. Прежде всего придется учесть, что упомянутая устойчивость во времени представляет собой трансцендентальную схему. О действительности речь может идти только тогда, когда эта схема будет объективирована в материале явления. Если такая онтологическая проекция возможна, то устойчивая субстанция окажется бытием, которое непосредственно явлено в нашем наличном существовании и ничем не отличается (ни по смыслу, ни терминологически) от явления ясперсовской экзистенции.

Следующая констатация, относящаяся к заключительным категориям третьей рубрики, столь же показательна: взаимодействие (общение) субстанций противоположно коммуникации экзистенций. Но экзистенциальная коммуникация есть человеческое отношение, а упомянутые категории описывают взаимодействие абстрактных тел, поскольку речь идет о чисто априорных конструкциях. Здесь не может быть противоречия, так как отсутствует какая-либо

связь. Экзистенциальную коммуникацию, если проводить аналогию с Кантом, следовало бы поискать в соответствующей рубрике категорий свободы (личностная коммуникация), а также в единстве и единственности закона свободы, действующего в людях и восстанавливающего в их повседневном существовании подлинно бытийную волю. Вне выбора для Канта не существует никакой заслуги, никакой вины и никакой вменяемости. Следовательно, то, что Ясперс называет экзистенцией, действительно никак не связано с априорно-рассудочной категорией субстанции. Такая связь может быть осуществлена только по отношению к закону свободы, в котором зашифрована императивность существования. Получается, что дедуцируемые Ясперсом характеристики экзистенции — только тонкие срезы многосложного мира человеческой духовности. Экзистенциальный опыт описывается и осмысливается за счет потери всех других горизонтов человеческого духа.

Объективная реальность соответствует чувству и ощущению, а экзистенциальная — *безусловности решающего мгновения*. Но то, что можно было бы назвать объективной реальностью, появляется у Канта после того, как останется позади решающее мгновение выбора и будет решена проблема интеллекта, состоящая в его антиномичной раздвоенности (а решена она будет лишь в процессе выхода за пределы трансцендентального медиума — к самому феномену мира). Эффект мгновенности выбора, а также особый эффект *наполнения* временем ситуации выбора также присутствуют в классической традиции, другое дело, что они не выявлены и не развиты. И пока они остаются таковыми, мы не можем использовать мощь традиции. Но открытие мгновенности выбора и феноменальности времени, которые предполагают, что

время «втекает» в здесь-бытие, а не течет «мимо», не должно совершаться за счет отрицания логики рассудка.

Величина количественного отношения прямо противоположна уровню и рангу экзистенции (величина — определима, экзистенция — нет). Но и здесь Ясперс должен был иметь в виду модификацию этих категорий в кантовском учении о свободе (равно как и в его учении о прекрасном). Если мы сравним первую и вторую рубрики категорий свободы, то увидим, что ни в коем случае нельзя сказать: «величина свободы», но вполне можно говорить об уровне или, если угодно, «ранге» свободы. Нельзя, конечно, сказать, что Ясперс «ломится» в открытую дверь, ибо тот опыт, который он пытается осмыслить, у Канта не представлен. Однако дедукция экзистенциального схематизма, предпринятая Ясперсом, не может опереться на Канта даже в чисто отрицательном смысле, поскольку имеет дело не с живой традицией, но с искусственным препаратом. Она является следствием и одновременно причиной рокового разлома между мышлением и волей. Эта ложная дедукция показывает и доказывает отхождение новой онтологии от классической традиции, причем именно тогда, когда она пытается сформулировать свое отношение к ней.

Далее Ясперс переходит к четвертой рубрике категорий. Объективная возможность, представляющая собой согласование представления с условиями времени, контрастирует с возможностью выбора, укорененной в неопределенности нашего будущего (такой возможностью и является, по Ясперсу, экзистенция). Но согласование представлений со следованием во времени никак не может быть объективной возможностью (если только под объективностью не понимать априорность, что часто бывает у

Канта). Если же, говоря о категориях и схемах модальности, не забывать о соответствующих основоположениях, а также о тех сложнейших процедурах, которые мы называем экзистенциальными проекциями (благодаря им трансцендентальная форма соединяется с явлением здесь-бытия), то в результате мы откроем бытийное отношение, ориентированное на трансцендентные границы явления. Такое отношение мы называем экзистенциальной модальностью, потому что у Канта (и во всем догегелевском рационализме) в этой универсальной форме явления совмещаются горизонты *Dasein* и *Existenz*.

Категория необходимости, толкуемая как здесь-бытие предмета в отношении ко всему времени, противопоставляется Ясперсом «сбывшемуся времени мгновения» (*erfüllte Zeit des Augenblicks*). Но понятие экзистенциальной модальности, являющееся сквозной темой для всего старого рационализма, наиболее полно сформулировано у Канта в последней рубрике категорий свободы: необходимость есть исполненный долг (а это значит, что интеллигибельное бытие в известном смысле восстановлено в явлении здесь-бытия). «Все время» заключено в бытии, которое открыто нам в форме должностования, бесконечного будущего, из которого «временится» время каждой конкретной бытийной ситуации (например, время нашего поступка).

Констатации Ясперса, таким образом, некорректны, они демонстрируют и доказывают, что *высвечивание бытия* не может быть «мыслящим», хотя и пытается быть таковым. Мышление в процессе экзистенциального «просветления» оказывается столь же необъяснимым и фатальным, как и прорывы экзистенциальных переживаний в старой метафизике.

2. Переосмысление проблемы основания

Начиная с Декарта — его процедуры сомнения (ориентированной на субъект) и правил метода (основанных на возможности чистого восприятия) — непосредственное, свободное от предрассудков восприятие лежало в основе дерева познания, которое логично увязывало в единое целое метафизику, физику и этику. В основе всей системы научного знания лежала очевидность, доступная автономному субъекту, обосновывающая эту систему, но отличающаяся от неё в своей близости к непосредственному, объективному и даже физическому бытию вещей. Вопрос о достоверности познания, таким образом, можно рассмотреть в двух разных аспектах: во-первых, это вопрос о подлинности и непредвзятости изначальной позиции, из которой исходит мышление, во-вторых, — проблема перехода от непосредственного всегда личного восприятия субъекта к понятийной интерсубъективной картине мира.

В такой постановке эта проблема сохраняется до начала XX в. Вопрос о непосредственном основании логического ряда фактически в той же постановке, что и у классических эмпириков (Локка и Юма), при всех возможных оговорках, повторяет, например, Кассирер. Кассирер тем значим для нашего исследования, что, будучи, с одной стороны, неокантианцем, а с другой, обратившись к разработанной и известной на тот момент феноменологии Гуссерля, он пытается установить некий средний, промежуточный вариант между старыми схемами познания и новым, входившим в общественное сознание и в моду феноменологическим способом мысли.

Естественно, что такой же промежуточный вариант он ищет и в отношении физического мира и психической реальности, с одной стороны, и текучести психической жизни, связанной

с непосредственно воспринимаемой реальностью, которая в своей текучести непосредственных переживаний мало соотносится с выделенными из них абстракциями, — с другой. «Ни один содержательный момент сознания не возвращается в строго определённой тождественности после того, как однажды ему на смену пришёл другой. Он остаётся тем, чем он был, одним и тем же раз и навсегда, — лишь в том случае, если покидает сознание» [6].

Очевидно, что Кассирер согласен с классической теорией абстрагирования, по которой в основе восприятия лежит всё та же очевидность, которая характеризуется понятиями «здесь» и «сейчас». Это выражается в акцентировании неповторимости моментов сознания, что близко юмовскому *impression*. А с этим различием между восприятием и анализом этого восприятия возникает и вся классическая проблематика основания системы наук, которая, как очевидно из этого примера с Кассирером, оставалась актуальной для многих исследователей.

Эта теперь-точка лежит в основе нескольких классических идей, находясь с ними в дедуктивной связи. И потому для Кассирера, как и для большинства его современников, наука так и остаётся связью дедуктивных положений, выводимых из одного начала.

3. «Различие» Ж. Делёза между событием и представлением

В 26-й серии парадоксов «Логика смысла» Жиль Делёз вводит различие между порядком языка и порядком речи. Событие — это то, что делает язык возможным, говорит Делёз. Но язык не начинается с события. Фактически ничто не начинается в порядке языка, все начинается в порядке речи, «всегда есть кто-то, кто начинает речь» [2]. Здесь Делёз отсылает нас к известному изречению из «Критики чистого ра-

зума», где Кант говорит, что наше познание может начаться с опыта, но «отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [5].

Однако еще большее значение для Делёза имеет то, как Бергсон критикует методологические различия Канта (между тем, что *de-facto* дано эмпирически, тем, на что *de-jure* претендует трансцендентное суждение): «что здесь перед нами — законодательная власть судьи, выносящего приговоры, или же способность суждения, юриспруденция судьи рефлексивного?» [4]

Делёз маркирует то, как Бергсон вносит изменения в философскую терминологию, когда тот противопоставляет не трансцендентное эмпирическому, а виртуальное актуализируемому. Делёз ссылается на этот сдвиг, когда он объясняет невозможность начинать с языка. Он пишет: «Мы всегда начинаем в порядке речи, а не в порядке языка, где все должно быть дано одновременно» [2].

Делёз интерпретирует «чистое прошлое», которое было представлено Бергсоном в «Материи и времени» как трансцендентно-виртуальный синтез времени, которое заключает в себе априори как настоящее (не имеющее психологического существования), так и представление [3. С.109].

В «Различии и повторении» Делёз маркирует «оппозицию» виртуального порядка события и реального порядка репрезентации (представления). Это предполагает (в том числе) различие между смыслом и значением. Делёз отходит от догматического «постулата о предположении» (шестой постулат в главе «образ мышления»: постулат предположения как место истины, а смысл — как нейтрализованный двойник). Он пишет, что «возможно, *Cogito* — имя, не имеющее смысла и другого объекта, кроме

неопределённой регрессии как силы представления (я мыслю, что я мыслю, что я мыслю...). Любое предположение сознания включает бессознательное “чистого мышления” [...]» [3. С.194].

Философская традиция, как пишет Делёз, наделяла представление правом бесконечного ограничения *различия*. В системе репрезентации *различия* могло быть представлено только как *отсутствие*: 1) тождества понятия, 2) сходства в восприятии, 3) аналогии суждения; или могло быть опосредовано *присутствием*, 4) оппозиции предиката. Эти четыре аспекта представления являются режимами подчинения *различия* «недостатку» или ошибочным понятиям репрезентации.

Различие и *повторение* являются объектами представления, когда они выступают «негативом» понятия тождества. *Повторение*, как пишет Делёз, предстает «голым», механическим повторением, а не «комплексом» интенсивности повторений, включающим в себя разницу, несходство, маскировку, перемещение и изменчивость; *различие* не может быть представлено или утверждено в понятии, которое по своей природе: 1) идентично, 2) подобно, 3) аналогично, 4) отлично от другого концепта или качества.

«Комплекс» (напротив) включает в себя повторение элементов (или сингулярностей), которые мультиплицируют друг друга. *Повторение* может быть переменной, следовательно, может содержать различие в себе самом, тогда как персеверация является неизменной формой выражения, которая (в режиме презентации) имеет тождество, а не *различие*.

Как пишет Делёз, *различие* состоит в самой интенсивности различения. *Различие* (как интенсивность) эксплицируется в режиме расследования его экстенсивности. Интенсивность

эксплицируется с помощью экстенсивностей, которые были различены.

Различие может быть внешним или внутренним, реальным или виртуальными. Делёз использует термин «дифференциация» для определения виртуального содержания идеи, в то время как он использует термин «дифференциация» по отношению к актуализации содержания идеи (в дивергентных частях и видах). Чтобы реализовать что-то, надо его дифференцировать. Именно с этой процедурой Делёз связывает *различие* между значением и смыслом. *Значение* обозначает отношения между понятиями и объектами в данной области представления, в то время как термин *смысл* обозначает план выражения концептуального объекта, который не обязательно находится в поле репрезентации. Таким образом, концептуальный объект, который является внутренне противоречивым, может иметь смысл «без смысла и значения».

Ален Бадью находит предпосылку мысли Делёза в «однозначности бытия», которое открывается лишь «молчаливой надкогнитивной или мистической интуицией» [1], о котором

можно сказать не более чем: «Бытие — едино». О чем остается возможным говорить, так это о формах или «симулякрах» Единого и импликации модальных сущностей. Событие — это то, что делает различие возможным.

Критика, которую предпринимает Делёз, связана с «упразднением мира сущностей и мира видимости». Как пишет Делёз, главное заключается в том, чтобы увидеть само различие, открыть систему, в которой «различное соотносится с различным посредством самого различия» [3. С.334], выйти от представления к событию симулякра.

Список литературы

1. Бадью А. Делёз. Шум Бытия. М., 2007. С. 30.
2. Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. Т.4. С. 240.
3. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. Т.8. С. 109, 334.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. СПб., 1998. С. 95.
5. Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998. С. 100.
6. Кассирер Э. Философия символических форм // Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. Т.1. С. 30.
7. Jaspers K. Philosophie. Berlin: Heidelberg, New York: Springer-Verlag, 1973. P. 17–18.

THE PROBLEM OF CATEGORIES IN THE LIGHT OF CONTEMPORARY PHILOSOPHY

V.N. Zhelezniak, S.V. Ponomareva, Y.E. Tsyrlina

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

This article focuses on one of the most fundamental problems of epistemology — the problem of categories. The hermeneutical tools used in the article are approaches of K. Jaspers, E. Cassirer and G. Deleuze. 1) Jaspers came from the impossibility of the categorical characteristics of existence, though he used the category system for the negative definition of existence which basis is a “present moment”. 2) Cassirer occupies the intermediate position between the Neo-Kantianism and phenomenology and proceeds from the total condition of temporal abstraction — “point of the now”. 3) Deleuze also hold the critical approach to the thought, he replaced the identity by the difference and translated the categorical markers to the elements of language. Keywords: epistemology, mind, categories, existence, point of the now, difference.

УДК 316.257:123.1

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТИННОЙ И ЛОЖНОЙ СВОБОДЫ В ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Э. ФРОММА

Д.А. Зарипов

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, 119991, Москва, ГСП-1,

Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4.

e-mail: 3829255@gmail.com

Анализируются особенности понимания феномена свободы одним из ярчайших представителей западной интеллектуальной традиции XX в. Э. Фроммом. В качестве основополагающего тезиса берется принципиальное для мыслителя разделение понятия свободы на негативную и позитивную, или «свободу от» и «свободу для», соответственно в терминах самого Фромма. На основе указанной дихотомии мыслителем выстраивается всесторонняя критика концепции негативной свободы и основанного на ней капиталистического способа производства, описываются такие его негативные характеристики, как отчужденность, роботизированность и атомизированность. В качестве альтернативы философом предлагается лишь вкратце затрагиваемая в статье концепция здорового общества, основанного на позитивной концепции свободы.

Ключевые слова: негативная свобода; позитивная свобода; критичность; отчуждение; конформизм; роботизм; гуманизм; коммунитарный социализм

Проблема человеческой свободы занимает одно из центральных мест в творческом наследии Э. Фромма. При этом она не стоит особняком, а плотно переплетена с прочими теоретическими построениями мыслителя (это прежде всего идея эволюции социального характера и проблема человеческого отчуждения). Основопологающим моментом является тот факт, что развитие непосредственно свободы, представлений о ней и связанной с ней проблематики прямо вытекает из процесса исторического развития человека, эволюции представлений человека о мире, его отношения к миру и, как следствие, развития общества в его материальной, культурной, политической и духовной составляющих. Иными словами, свобода есть одна из

характеристик процесса эволюции человека как вида. Фромм далек от понимания свободы в виде некоего статичного, раз и навсегда данного идеала, некоей совокупности правил и характеристик, дающих свободе исчерпывающую дефиницию и четко ограждающую ее от «несвободы».

В качестве отправной точки рассуждений по поводу проблематики истинной и ложной свободы можно, на наш взгляд, взять принципиальное, по мнению мыслителя, разделение свободы на «свободу от» и «свободу для», различие между которыми выражается, как нетрудно догадаться, в негативном и позитивном содержательном наполнении соответственно. Именно в развитии деструктивной и репрес-

сивной, по мнению Фромма, «свободы от» и преуспела современная западная цивилизация. «Свобода для», наоборот, некий идеальный конструкт, наполненный позитивным и креативным содержанием, от которого человек, вероятно, сознательно ушел, но к которому, в той или иной форме, должен прийти.

Наиболее полно проблематика свободы освещается Фроммом в контексте его рассуждений, направленных на критический анализ современного мыслителю этапа развития капитализма, его исторических предпосылок, а также осознание местоположения человека в новых исторических условиях и связанных с этим проблем отчуждения и одиночества.

Итак, современная капиталистическая система, по Фромму, является неким дуальным образованием. С одной стороны, она — результат многовекового развития западной цивилизации, доминирующим вектором которого был полный уход человека от природы, разрыв с ней, а впоследствии — стремление полностью объяснить и, что более важно, подчинить ее. Человек «порвал узы, связывающие его с природой и матерью, и поставил перед собой новую цель — полностью родиться, полностью проснуться, стать полностью человеческим и свободным» [3. С.321]. Как итог — создание системы (прежде всего, экономической), в которой человек больше не подчинен императиву биологического выживания. Иными словами, человек не должен прикладывать хоть сколько-нибудь значительных усилий для выживания, практически все его потребности (как материальные, так и духовные) удовлетворяются именно в рамках этой системы. Что более важно, одним из результатов такого развития явилось рождение подлинного индивида, индивидуализма как такового.

С другой же стороны, эта система в сущности своей тотальна и репрессивна. Она охватывает практически все стороны жизнедеятельности человека, изменяя, трансформируя саму личность. Она порождает индивида и одновременно делает его все более беспомощным. «Структура современного общества воздействует на человека одновременно в двух направлениях: он все более независим, уверен в себе, критичен, но и все более одинок, изолирован и напуган» [2. С. 115].

Таким образом, Фромм призывает именно к такому — диалектическому пониманию и трактованию свободы: говоря об одной ее количественной стороне, нельзя забывать и о другой качественной. Именно количественная свобода — пресловутая «свобода от» — является свободой в ее обыденном понимании. История развития западной цивилизации, развития либерального проекта как инструмента ее политико-философской легитимации есть в том числе и история обретения все большего количества свобод, преодоления все новых препон на пути к построению истинно независимого, свободного (от воли внешних сил) и уверенного индивида. В качестве примера можно привести такие «свободы», как свобода слова, свобода вероисповедания, наконец, свобода политическая. Все они, в той или иной степени, являются собой попытки осуществления индивидом относительной независимости от каких-либо внешних факторов: церкви, государства, общества или чего-то еще.

Качественная свобода — субстанция несколько иного порядка, определить которую намного сложнее, поскольку она не имеет внешних проявлений, не даруется кем-то сверху, а имманентно присуща человеку. Сам Фромм не дает четкого определения такого рода свободе, характеризуя ее как «свободу ново-

го типа, которая позволит нам реализовать свою личность, поверить в себя и в жизнь вообще» [2. С.117]. Об этом, позитивном, типе свободы речь пойдет несколько позже.

Каковы же исторические предпосылки и условия формирования настолько, с одной стороны, свободного и обособленного, а с другой — подавленного, одинокого и закрепощенного индивида? Как упоминалось ниже, эти условия и предпосылки Фромм пытается выявить, анализируя капитализм как общественно-экономическую формацию. Причем анализу подвергаются не только экономические, или «базисные», но и политические, культурные и прочие, т.е. «надстроечные» явления.

Генезис капитализма Фромм прослеживает начиная с XVII в. Несмотря на большие количественные и, что более важно, качественные изменения, произошедшие в этой системе за столетия ее существования, мыслитель выделяет несколько базовых свойств, характерных для капитализма на протяжении всей его истории. Эти черты, по сути, сводятся к следующему: наличие экономически, политически и юридически независимого индивида; наличие рынка труда, на котором человек продает свою рабочую силу владельцу капитала; наличие товарного рынка, который выступает в качестве механизма, регулирующего обмен и распределение общественного продукта; основного принципа взаимодействия, «согласно которому каждый индивид действует, стремясь добиться пользы для себя лично; при этом предполагается, что конкуренция многих должна приносить максимальную выгоду всем» [3. С.84].

Наряду с универсальными характеристиками можно выделить ряд особенностей, характерных для капитализма на определенной ступени его исторического развития.

Так, для капитализма XVII-XVIII вв., т.е. непосредственно на начальном периоде существования, была характерна неразвитость материально-технической базы, и, что более важно с точки зрения проблематики нашего исследования, тот факт, что экономическая деятельность человека была детерминирована идеями, обычаями и ценностями еще докапиталистической, средневековой культуры. Иными словами, человек действовал исходя из принципа, согласно которому экономика работает для него, а не он для экономики. Еще существовало нравственное мерило прогресса: прогресс не считался таковым, если причинял вред человеку.

В XIX столетии ситуация меняется. Традиционализм, свойственный предыдущему периоду, начинает постепенно исчезать. Место слабого и уязвимого человека занимает производство и прибыль. «Человек перестает быть «мерой всех вещей» [3. С.85]. Отныне рынок, освободившись от сдерживавших его ранее традиционных уз, становится независимым и единственным регулятором. Так как функционирование рынка немислимо без механизма конкуренции, относительно статичное ранее общество становится непривычно мобильным, что, в свою очередь, приводит к нарушению старых социальных связей и, что более важно, к уничтожению устаревших моральных норм, основанных на принципах человеческой солидарности. Отсюда и главная примета эпохи — безжалостная эксплуатация рабочих в обмен на сверхприбыли. По Фромму, эта эксплуатация человека человеком, точнее, капитала человеком, полностью отражает сформировавшуюся при капитализме иерархию ценностей, где капитал занимает более высокую позицию по отношению к труду. Конфликт труда и капитала, по мнению мыслителя, не исчерпывается ис-

ключительно классовым противостоянием. Это конфликт двух ценностных систем: «между миром вещей и их накоплением, с одной стороны, и миром жизни и ее продуктивностью — с другой» [3. С.95].

К середине XX в. капитализм претерпевает коренные изменения. Меняется производственно-техническая база, меняется как структура экономики, так и социальная структура. Усиливается концентрация капитала. В экономике роль мелких компаний уменьшается прямо пропорционально росту роли компаний крупных. Меняется качественный состав среднего класса: если раньше он состоял в основном из собственников — фермеров и мелких предпринимателей, то теперь — это менеджеры, наемные рабочие, представители сферы оказания услуг. Происходит постепенное удаление управления от собственности, т.е. непосредственные владельцы предприятий предпочитают доверять управление ими специалистам. Меняется роль внутреннего рынка: происходит переориентация с господствовавшего ранее принципа накопления и воздержания на принцип тотального потребления. Наступает, по меткому выражению Лебона, «век масс», где теряется смысл в какой-либо социальной структуре, исчезает традиционная власть авторитета, все становятся равными и свободными, а отношения господства–подчинения отныне регулируются договорными отношениями купли-продажи. Человек впервые за всю свою историю сталкивается с «Чудом производства», которое ведет к «Чуду потребления»: налицо изобилие товаров и услуг, которые, при наличии денег, можно приобрести. И со временем уже потребление начинает стимулировать производство. «Триединство неограниченного производства, абсолютной свободы и безбрежного счастья составило ядро новой религии — Про-

гресса, и новый Земной Град Прогресса должен был заменить Град Божий» [4. С.30].

Данная социально-экономическая ситуация порождает определенные требования к конкретному человеку, его внутренней структуре, его поведению: «...нужны люди, которые легко взаимодействуют в больших группах, стремятся потреблять все больше и больше, чьи вкусы стандартизированы, легко поддаются влиянию и чьи реакции легко предвидеть, ...нужны люди, чувствующие себя свободными и независимыми, не подчиняющиеся авторитетам, принципам или совести, — и все же готовые к тому, чтобы ими командовали, делающие то, что от них ожидают, легко приноравливающиеся к общественному механизму» [3. С.107]. Налицо феномен псевдосвободы, конструирования новой системы управления без принуждения и управляющего.

В данном контексте необходимо упомянуть о феномене отчуждения как главном результате того воздействия, которое капитализм, в конечном счете, оказывает на личность. Именно понятие отчуждения, по мнению Фромма, наиболее полно объясняет связь социально-экономической структуры и глубинных характеристик индивида.

Прежде чем анализировать сущность и последствия отчуждения, необходимо вкратце рассмотреть процесс, порождающий отчуждение, коим, по мнению Фромма, является сведение всего к неким абстракциям. Данный процесс есть результат развития производства, достигшего такой стадии, когда предприниматель не может иметь дело непосредственно с производством, его конкретным продуктом и рабочими ввиду их огромного масштаба. Для него больше не существует конкретно данного покупателя, а существует лишь неопределенная, зафиксированная исключительно символи-

чески, условная покупательная единица. Точно таким же образом дело обстоит и с другими элементами производства: они иллюзорны и абстрактны. Результатом самого труда является, по сути, своего рода абстракция — деньги. Именно деньги в качестве универсального эквивалента являются количественным, а значит, и абстрактным, выражением всего и вся. И данный процесс активно экстраполируется на все другие сферы жизнедеятельности человека, перестающего соотносить себя с конкретными вещами и их фундаментальными свойствами. Человек как мера всех вещей исчерпал себя. Конструируется своеобразная квазиреальность, отрицающая какую-либо конкретику. А раз ничего конкретного — нет ничего реального. Все дозволено как практически, так и морально.

В этом и коренится глобальная, по мнению мыслителя, для современного общества проблема отчуждения, хотя, точнее, не только и даже не столько в этом. Фромм действительно анализирует феномен человеческого отчуждения в основном в контексте воздействия на индивида капиталистической системы. Но дело в том, что отчуждение в принципе понимается им несколько шире рамок данного контекста. Мыслителю присуща своеобразная экзистенциалистская ориентация в объяснении данного феномена. Отчуждение изначально понимается как некая глобальная метафизическая трагедия человека, берущая свое начало с момента разрыва человека с природой. Это своего рода интерпретация библейского первородного греха. Роль общества, по большому счету, заключается в том, что оно трансформирует, облегчает либо же усугубляет уже имеющееся естественное отчуждение [1. С.121].

Для раскрытия проблематики свободы необходимо тем не менее вернуться к взаимоотношениям человека и социальной системы и

проинтерпретировать явление отчуждения именно в данном контексте. Итак, суть отчуждения, как было указано ниже, заключается в том, что человек создал целый предметный универсум, «мир рукотворных вещей», сотворил сложный социальный механизм в надежде управлять им с помощью определенных технологий. Но вышло все иначе. Система подчинила человека и главенствует над ним, индивид превратился в определенную ее функцию, он стал, по меткому выражению философа, «службой Голема, сделанного своими руками». Система и человек в данном случае находятся в отношениях обратной пропорциональности, т.е. чем могущественнее первая, тем слабее вторая. Отчуждение, таким образом, понимается Фроммом как такая ситуация, при которой «человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, но лишенной индивидуальных качеств «вещью», зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную субстанцию» [3. С.120].

Рассмотрение проблемы отчуждения необходимо с точки зрения проблематики данного исследования, так как именно этот феномен по большей части формирует специфические характеристики современного человека. Для нас, в первую очередь, важна специфика отношений современного человека с властью как таковой. Фромм в данном случае рассматривает проблему самого механизма властвования в связи со сменой характера авторитета с явного на анонимный. Необходимо пояснить, что авторитет явный, или традиционный, характеризуется четко очерченным субъектом авторитета или субъектом применения власти, а также явными и прямыми механизмами реализации этой власти. Авторитет анонимный, или современный, наоборот, характеризуется размытостью субъек-

екта и неявными механизмами реализации власти. Иными словами, мы не можем определенно сказать, кому и почему мы подчиняемся, но тем не менее продолжаем подчиняться, как и все другие. Автоматизирующий конформизм — вот сущность новой анонимной власти по Фромму. Потерявший в хаосе современного мира свою индивидуальность человек судорожно пытается добыть новый статус из непрерывного одобрения и признания других, он пытается идентифицировать себя путем отождествления с всепоглощающей неконфликтной средой. «Поэтому он готов подчиниться новой власти, предлагающей ему уверенность и избавление от сомнений» [2. С.213]. Происходит подмена подлинной личности псевдоличностью.

Конформизм также имеет определенный набор характеристик. Это, во-первых, пластичность и динамичность — ведь суть конформизма заключается в постоянной адаптации к изменяющимся условиям. Во-вторых, нивелирование индивидуальности, в том числе в ее эстетическом измерении, т.е. человек не только действует как все, но и отказывается даже от неординарных вкусовых суждений. Еще одним аспектом конформизма является сужение сугубо личного пространства, невозможность уединения, тотальная публичность. Конформизм, таким образом, ведет к роботизму, который, по мнению Фромма, и является наиболее актуальной проблемой и угрозой. Роботизм — своего рода потенциальный пик развития ложной свободы.

В этой связи интересно упомянуть о проблеме демократии, которая, по мнению мыслителя, не сводится более к проблеме права участия в выборах, а скорее к проблеме реализации этого права. Дело в том, что демократия как акт свободного волеизъявления потеряла

смысл ввиду того, что индивид стал «отчужденным автоматом» с отсутствующей собственной волей. Акт выражения воли в отчужденном обществе приравнивается к акту выбора товара. Сама политическая система в основополагающих моментах своего функционирования приравнивается к системе экономической, она становится политическим рынком.

Итак, в творчестве Фромма мы попытались выявить и проанализировать сформулированную ниже проблему соотношения свободы истинной и свободы ложной, «свободы для» и «свободы от» соответственно. Данная проблема имеет свое конкретное воплощение в парадоксе видимости наличия у человека практически неограниченной сферы внешней свободы с одной стороны и его фактической внутренней несвободы, закрепощенности, подчиненности и деструктивности с другой. Этот парадокс, как было указано ниже, непосредственно связан с развитием капитализма вообще и его современным состоянием в частности. Специфика данной стадии капитализма заключается в порождении им такого феномена, как отчуждение, в рамках которого происходит процесс превращения человека из управляющего в управляемого. Индивид встраивается в созданную им же систему и становится несамостоятельной ее частью. Он становится одним из множества себе подобных. Таким образом, отчужденность ведет к конформизму и роботизму как основным поведенческим моделям. При этом сохраняется видимость внешней свободы и независимости индивида. Человек, по Фромму, достиг «свободы от», или свободы ложной, но не достиг свободы истинной или «свободы для».

Что же понимается под истинной свободой? Для Фромма она — синоним возможности человеческой самореализации, помноженной на спонтанность проявлений. «Позитивная свобо-

да состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека» [2. С.262]. Спонтанность в данном случае является важным моментом, она понимается философом в некотором экзистенциальном контексте как акт искренности, творчества, труда, любви и единения. Эти принципы обретают свое продолжение в проекте «коммунитарного социализма», цель которого заключается в «создании такой организации промышленности, в которой каждый работающий индивид был бы ее активным и ответственным участником, где работа была бы привлекательной и осмысленной, где не капитал нанимал бы труд, а труд — капитал» [3. С.259]. Именно в рамках такой системы человек может наконец стать хозяином социальной

системы, хозяином своего труда и самого себя. Только в таких условиях возможно построение подлинной демократии, основанной на волеизъявлении свободного человека.

Итак, вкратце рассмотрена Фроммовская альтернатива отчужденному, атомизированному и роботизированному обществу. В этом и заключается разница между свободой истинной и свободой ложной.

Список литературы

1. Добренко В.И. Неофрейдизм в поисках «истины». М., 1974. 280 с.
2. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2004. 300 с.
3. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2007. 330 с.
4. Фромм Э. Иметь или быть. М., 2004. 240 с.

THE PROBLEM OF TRUE AND FALSE LIBERTY IN THE CONTEXT OF ERICH FROMM'S POLITICO-PHILOSOPHICAL CONCEPTION

D.A. Zaripov

Moscow State University, Russia

The article is devoted to the analysis of the main features of human liberty understood as one of the basic terms of Erich Fromm's intellectual heritage. The complex understanding of liberty is based on fundamental differentiation of that phenomenon into two parts — the negative liberty and the positive liberty. Criticizing the concept of the negative liberty Fromm is trying to construct a complex critic of capitalism as an economic, social and political system based on that concept. That system according to Fromm is fully alienated, atomized and robotized. As an alternative way of human cooperation Fromm is proposing a concept of "sane society", based on the attempts of developing the principles of the concept of the positive liberty.

Key words: negative liberty, positive liberty, criticalness, alienation, conformism, humanism, communitarian socialism.

УДК 128.129

ЦЕННОСТНАЯ МОДЕЛЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

О.А. Гинатулина

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: kylikbitva@mail.ru

Рассматривается проблема ценности человеческой жизни в период средневековья. Анализируются взгляды на указанный вопрос наиболее ярких представителей религиозной мысли: Августина и Фомы Аквинского. Выявляются реальные, объективные основания философских построений относительно ценностной модели жизни человека.

Ключевые слова: ценность жизни; человек эпохи средневековья; Августин; Фома Аквинский

Проблема ценности человеческой жизни, намеченная в античной философии, нашла своеобразное продолжение в христианской теологии уже в период ее становления. Средневековье по сравнению с античностью характеризуется более пристальным вниманием к проблеме человека, смысла и ценности его жизни. Это связано с существованием реальных социальных противоречий того периода.

Раскол единого государства, междоусобные войны, массовые истребления, постоянные гонения способствовали формированию в общественном сознании взгляда на человека как на существо бесконечно слабое, незащищенное, малозначимое, а его жизнь в этом мире — пустое, жалкое, бесценное существование. Ощущение полной зависимости человека от господствующих над ним высших социальных сил способствовало возникновению идеи Бога как владыки вселенной, как всемогущего и всеильного Господина [7.С.33]. Бог является предельно антропоморфным существом, воплощением родовой универсальной сущности человека, при-

шедшим взамен космосу античности. Бог, в отличие от космоса, не просто является воплощением мира, но также выступает как творец, создатель всего сущего. Человек, созданный по образу и подобию Бога, занимает центральное место в его творении. Антропоцентризм как исходный принцип миропонимания религии достаточно четко выражен. Неживая и живая природа сотворены лишь потому, что должен был быть человек. Человек — это цель и смысл творческой активности (и существования) творца [7.С.36].

Человек в качестве образа и подобия Бога выходит за пределы природы, становится как бы над нею. И в этом состоит существенное отличие от античной антропологии, где человек рассматривался в общей системе существующего, не имея в ней первенства. Для средневековых же философов между человеком и всей остальной Вселенной лежит непроходимая пропасть [10.С.9].

Благодаря христианству меняется значимость внутренней жизни человека: она стано-

вится предметом пристального внимания, приобретает первостепенную религиозную ценность. Именно потому, что человеческая душа оказывается вознесенной над всем космическим бытием и незримыми нитями связанной с трансцендентным Богом, возникает особая ее глубина. Для античного грека душа человека соотнесена с душой космоса. Религиозная же философия открывает «внутреннего человека», которому в космосе ничто не соответствует и который целиком обращен к надкосмическому Творцу [5.С.354].

Однако смещение ценностного отношения в сторону духовной жизни приводит к подмене действительной личности человека изолированным самосознанием. Если источник духовных ценностей – исключительно внутри человека, то для обогащения сущности не требуется активной социальной деятельности, а наоборот, чем человек более погружен в самосозерцание, чем меньше его отвлекает внешний мир, тем больше имеется возможностей для развития силы духа. А отсюда аскетизм, затворничество провозглашаются идеалами жизни человека, в то время как научная философия показала, что деятельность, созидание в обществе есть единственная сфера обогащения сущности человека, ибо труд создал не только все материальные и духовные ценности мира, но и самого человека.

Грехопадение первого человека предопределило ущербность природы всего человеческого рода, которая проявляется также и в смертности. В этом контексте ценность земной жизни нивелируется смертью, конечностью человеческого существования в противовес бессмертию, бесконечному существованию в загробном мире.

Согласно христианскому миропониманию, Бог сотворил людей, даровал им свободу воли. Свобода выступает как условие (возможность) проявления человеческой сущности. Реализуя свою свободу, каждый сам ответственен перед

Богом. Однако все историческое движение, все события строго предопределены, и сама свобода человека, а также выбор становятся, в конечном счете, зависимыми от Бога. Провиденциализм обесценивает идею индивидуальной ответственности человека [7.С.51]. Другими словами, земная человеческая жизнь, по существу, оказывается лишенной смысла. Во-первых, потому, что цель жизни (спасение), в конечном счете, не зависит от самого человека. Во-вторых, эта цель (подлинная вечная жизнь после спасения) переносится на неопределенное далекое будущее. В третьих, жизнь для человека не обладает самоценностью, она выступает лишь средством реализации идей Бога [7.С.51].

Противоречия средневековой концепции ценности жизни человека обуславливаются тем, что христианство, возникнув как движение угнетенных, пыталось в извращенной абстрактно-гуманистической форме бороться против земного обесценения человеческого существования. Однако реальное неравенство на земле и ущербность бытия человека христианство преодолевало постулатом о равенстве в грехе, о равенстве возможности индивидов обрести вечную жизнь. В соответствии с этим христианство породило кодекс нравственных ценностей личности: покорность, осознание собственной беспомощности и греховности, самоунижение перед Богом. Как антипод идеалу униженного человека христианство создало всемогущего Бога, наделенного абсолютной волей и разумом.

Данные положения ярко проявляются в философской системе Августина. Проблема человеческой жизни находится в центре внимания мыслителя. Его учение о «граде Божиим» было разработано в качестве ответа на вопрос о причинах человеческого страдания как социально-религиозная утопия, иллюзорное обещание счастья и справедливости.

Нельзя не отметить новый взгляд Августина на положение человека в системе мироздания. Согласно естественному порядку вещей, который определен «Всесовершеннейшим», человек в иерархии ценностей занимает почти самое высокое место. Люди в соответствии с этим порядком стоят ниже только ангелов, хотя, по разумению справедливости, как пишет Августин, добрые люди могут оказаться даже выше ангелов, если последние злы.

Это согласно Августину — естественная, установленная Богом, а потому истинная шкала ценностей. Но существует также мирская ценностная иерархия, которая бытует в умах людей. Последнюю мыслитель критикует, так как ее критерий — полезность — зачастую идет вразрез с естественным установленным порядком, и низшее может оказаться более ценным. «Кто не предпочел бы иметь в своем доме хлеб, а не мышей, деньги, а не блох?» [1.С.535]. Августин подчеркивает нелепость того, что драгоценный камень ценится дороже, чем служанка, и конь, нежели раб. Однако, исходя из божественной воли, человек как чувствующее и разумное существо стоит выше, чем чувствующее неразумное (конь) или вообще нечувствующее (камень). Это, несомненно, прогрессивная позиция средневекового философа, но она касается лишь рассмотрения человека в качестве ценности; что же относится к пониманию человеческой жизни, здесь несколько иной подход.

Августин считает, что земную жизнь вообще не следует называть жизнью, поскольку это на самом деле есть «смерть», притом столь тяжкая, что настоящей смерти, освобождающей от нее, боятся только из любви к этой «смерти».

Сложившееся положение дел уходит своими корнями в историю сотворения мира и человека. Так, Августин пишет, что «бог — единый и всемогущий Творец и Создатель всякой

души и всякого тела» [1.С.233] создал и душу, и тело благими, затем вследствие греха тело стало тленным, и этого уже не изменить, поскольку греховная природа передается от поколения к поколению. По мнению Августина, душа представляет собой независимую от тела духовную субстанцию. Она хоть и заключена в теле, но, будучи непространственной, неслиянна с ним. Как нематериальная и совершенная, душа есть высшая субстанция, животворящая тело и управляющая им. Сущность человека сводится к душе.

Единственное средство спасения души — это смерть, освобождающая душу от тленного тела, и соединение с телом духовным. Но это ожидает не всех, а только людей праведных, для остальных смерть будет наказанием, ибо после соединения их душ с чувствующим телом их ждут вечные муки.

Развитие данного положения неизбежно должно привести к выводу о том, что человек сам выбирает жизненный путь: спасение или непреходящие страдания. Этот выбор предполагает наличие свободной воли. Действительно, оригинальность Августина заключается в том, что он усматривает сущность души не столько в ее разумно-мыслительной деятельности, сколько в деятельности волевой. Признается существование свободы воли. Последняя есть свобода выбора, неотчуждаемая от воли и данная человеку в момент его творения. И хотя Бог заранее знает, что выберет та или иная воля, из этого не следует, что воля не выбирает, ибо выбор детерминирован мотивами. Свобода — это возможность свободной воли выбирать наилучшее. Поэтому она не противоречит благодати, ведущей избранных к спасению, если это и осуществляется помимо их воли. В конечном счете все происходит по велению Бога, который не только предвидит, но и предопределяет любое действие человеческой воли. Таким образом, свобода человека оказывается иллюзор-

ной. Субъективно индивид действует свободно и ответственно (идея индивидуальной ответственности), но все, что он делает, в действительности делает через него Бог [4.С.31].

Отсюда, даже тот способ жизни, к которому призывает Августин, не гарантирует человеку спасение, ибо только всемогущий Бог решает, кто окажется в числе избранных.

Жизнь вечную Августин называет блаженной, жизнь настоящую – тленной и противопоставляет вечной блаженной жизни вещи телесные временные, изменчивые и смертные. Не означает ли это, что мы можем избавиться от бренной жизни, чтобы скорее перейти в жизнь вечную? Нет, поскольку каждый должен сам пройти путь очищения от первородного греха, пройдя испытания земной жизни во служение Господу. Вот почему существует жесткий запрет на убийство как другого человека, так и себя, поскольку «...заповедь “не убивай”», — поясняет Августин, — остается понимать в приложении к человеку: не убивай ни другого, ни самого себя. Ибо, кто убивает себя, убивает именно человека» [1.С.38], человека, как творения божьего. Последний же не вправе ставить себя вровень с творцом, решая самостоятельно вопросы о начале и конце жизни («Бог дал, Бог взял»).

«Впрочем, тот же самый божественный авторитет, — развивает мысль философ, — допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Это относится к тем случаям, когда убить повелевает сам Бог: или через закон, или же через распоряжение какого-либо лица. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему (ведь меч служит всего лишь орудием тому, кто им пользуется). И поэтому заповеди “не убивай” отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию, или, будучи в силу Его законов ..., представители общественной власти наказывают злодеев смертью. И Авраам не только не укоря-

ется в жестокости, а напротив, восхваляется за благочестие потому, что хотел убить сына своего не как злодей, а повинуюсь воле Божией» [1.С.38].

Согласно онтологии мыслителя, Бог создал мир и человека не по образу и подобию своему, а несходную с ним бесформенную материю из ничего, которая может приобрести форму, уподобляясь и возвращаясь к Господу, «насколько это возможно в меру тех способностей, которые определены каждому в ряду однородных созданий» [2.С.378]. Для человека этот путь лежит через определенный способ существования.

Августин различает два типа жизненных моделей человека, противоположных по содержанию и значимости: бытие «человека внутреннего» и бытие «человека внешнего». Первый тип единственно может представлять ценность и служит образцом достойной жизни человека, второй же является антиподом первому, осуждается философом и является неприемлемым способом существования.

Бытие «внутреннего человека» направлено на осознание своей интимно-личностной связи с Богом, погружено в глубины своей души, устремлено на поиски Бога как единственной точки опоры своего временного пребывания в зыбком, непрочном мире. «Настоящая счастливая жизнь в том, чтобы радоваться Тобой, от Тебя, ради Тебя: настоящая счастливая жизнь, и другой нет. Те, кто полагает ее в другом, гонятся за другой радостью — не настоящей» [2.С.268].

Праведная же жизнь, представляющая собой ценность, свойственна не всем. Ее воплощает «человек, довольствующийся своими малыми и скудными пожитками, милый для семьи, живущий в мире с родственниками, соседями и друзьями, религиозно благоговейный, приветливый характером, здоровый телом, бережливый в жизни, чистый в нравственном от-

ношении и спокойный в своей совести» [1.С.164].

Бытие «человека внешнего» включает в первую очередь психофизическое, на передний план выходят житейские функции как существа естественного, эмпирического, оторванного от божественных истоков. Это жизнь вне самого себя, погрязание в мирской суете, погоня за земными радостями и стремление к преходящим предметам — такая жизнь не может считаться достойной и положительно оцениваться, потому что счастливой делают жизнь не земные богатства, а Бог, который есть богатство души. Осуждение бытия «человека внешнего» есть осуждение социально-активной, деятельной жизни.

Смысл и ценность жизни человека, точнее, его души, состоит в поиске пути к вечному, неземному блаженству и счастью. Античной идее любви к земной жизни, которая могущественнее смерти, гармонии тела и души Августин противопоставляет культ бессмертной души и веру в загробное блаженство. Высшее проявление личности, как неповторимой индивидуальности, состоит в отказе от природно-человеческого, т.е. в аскетизме и монашестве. Противопоставляя телесное (конечное) духовному, высшему, бесконечному, теология ориентирует индивида на единение с миром, благодаря которому его душа обретет свободу. Однако такой способ единения с миром не есть истинно человеческий, так как он не превращает индивидов в существа самодостаточных, опирающихся на собственные силы в преодолении зла. Более того, человек не просто смиряется перед злом, но верит, что существующее зло не может быть действительно злом, поскольку оно находится в согласии с волей Божьей [4.С.32].

Поскольку все происходит по промыслу Божьему, то превращение свободного в раба не бывает без суда Божьего. Поэтому Августин категорически против отмены рабства, так как

порядки в обществе и природе устанавливаются одними и теми же божественными законами [7.С.66]. Он не только не осуждает рабство, но и утешает рабов: «... человек добродетельный, даже если он и находится в рабстве, свободен...» [1.С.214].

Аскетизм, смирение, довольствование малым как идеалы жизни, по существу, препятствуют развитию человека и общества в целом. «Истинно существует только то, что пребывает неизменным» [2.С.189], — пишет Августин. Неизменным же пребывает то, что остановилось в развитии. Реализация собственных творческих сил, вера в земной прогресс и самосовершенствование не представляют ценности для мыслителя.

Учение Августина соответствовало тем историческим условиям, когда разорванные социальные связи между людьми компенсировались иллюзорной связью человека с Богом, которая понималась как условие самого человеческого бытия.

Однако по мере созревания и стабилизации нового способа производства, формирования строго упорядоченной феодальной иерархии, заключающей человека в рамки сословия и дающей ему определенные гарантии порядка и самосохранения, августинианство должно было уступить место другой модели жизни, отражающей положение человека в феодальном мире. Аскетическая мораль и связанный с ней способ существования начинали терять «кредит» в условиях известного прогресса общества. Кроме того, воинствующий аскетизм становился мощным идеологическим орудием осуждения господствующих социальных порядков. Вот почему новая жизненная концепция нашла свое наиболее полное воплощение в философско-теологической системе Фомы Аквинского.

Философские взгляды Фомы Аквинского относительно ценности человеческой жизни были довольно точными по содержанию, хотя и

мистифицированными по форме, отражением положения человека в системе новых социальных отношений феодализма. В этот период возникла необходимость в философии, отвечающей потребностям тех, кто живет в мире и призван искать Бога в мире. В этой связи Фома Аквинский выстраивает онтологию таким образом, чтобы согласовать единство души и тела, поскольку из последовательного продолжения концепции Августина следовало, что душа не нуждается в теле, а отсюда пренебрежительное отношение к нему и к мирской активности в целом.

Необходимо отметить, что Фома Аквинский впервые делает попытку четко провести различия между категориями «сущность» и «существование», придавая второму понятию статус абсолютной ценности. Существование есть главный источник совершенства, поскольку наделяет бытием форму и сущность. Существование само по себе есть актуальность и не имеет ограничений. Сущность придает существованию конечность и ограничивает его бытием какого-то рода [б.С.185]. Например, «человечность» как сущность ограничивает существование тем, что существует именно человек, а не что-либо другое. Сущность Бога, в отличие от творений, есть существование, он не имеет такой сущности, которая являлась бы ограничением его существования каким-то родом или формой. Бог есть существование, а творение обладает существованием.

Если существует бытие, чья сущность заключается в существовании, то может быть только одно такое бытие. Если такое бытие существует, то оно должно быть бесконечным, так как его существование не ограничено видом.

Поскольку Бог является предельно антропоморфным существом, то характеристика в отношении Бога может быть применена по отношению к родовой сущности человека. В дан-

ном случае Фома Аквинский признает универсальный характер человеческой сущности, отрицает ее ограниченность мерками какого-либо вида.

Далее следует сказать о том, что Аквинский впервые к понятию существование стал применять глагол, а не существительное в отличие от предшественников, а это означает, что и жизнь носит процессуальный характер, заключается в действии, деятельности в том числе, а не только в пассивном созерцании.

Существование человеку обеспечивает его рациональная душа, выступая в качестве существенной формы человеческого тела, являющегося материей. Мыслитель различает два вида форм: существенные и случайные. Существенные привносят в материю нечто качественно новое, обеспечивая ее бытие, в отличие от случайных форм, которые придают материи ту или иную конфигурацию.

Концепция гилеморфизма позволяет Аквинскому отвергнуть тезис, согласно которому душа существовала до соединения с телом отдельно. А тело является темницей для души, наказание для души. Напротив, философ считает, что душа также нуждается в теле, как и тело в душе, тем самым утверждая положение о единстве души и тела.

Аквинский поясняет, что форма не может обойтись без соответствующего вида материи, как и скульптор не может сотворить шедевр из картона. Душа требует соответствующего вида тела, посредством которого она развивает свою основную способность — интеллектуальную [8].

Интеллект нуждается в теле как в своем инструменте, из-за способа которым он функционирует. Умственная душа содержит самую низкую степень интеллектуального совершенства, поскольку у нее нет непосредственного знания истины в том виде, как у ангелов. Вместо этого душа должна накопить такое знание через ор-

ганы чувств. Если бы человеческий разум работал как ангельский ум, то не было бы никакой потребности быть соединенным с телом. Действительно, Аквинат полагает, что после смерти человеческая душа будет отделена от тела и начнет функционировать как ангельская [8].

Тезис о единстве души и тела, а также отрицание возможности непосредственного познания Бога очень важен, поскольку естественный единственный путь к Богу лежит через материальный мир, а отсюда признание также и земной ценности жизни, а не только загробной, в отличие от взглядов Августина. Человек не может и не должен бежать от мира — материального, политического, мира в любом смысле за исключением мира греховного, — поскольку человек природно связан с миром. Следует отметить, что послабление в нестяжательстве способствовало активному развитию университетов в тот период.

Ценность земной жизни человека определяется исходя из занимаемого места в иерархической системе, которая обуславливается степенью сопричастности Богу, проявлением божественной сущности в конкретном существовании. В иерархии видов земного душа является самой совершенной формой, самостоятельной, способной существовать без материи, но она ниже чистых духов. Таким образом, человек оказался помещенным посередине между животным миром и ангелами [3.С.107].

Для философии Фомы Аквинского характерна именно мистифицированная форма отражения общественного строя. Это проявляется в том, что он выводит социальную структуру из общего принципа «градации бытий», хотя на самом деле этот принцип является отражением (и оправданием) феодальной иерархии. Социальное разделение, социальное неравенство рассматриваются как необходимое условие божественной гармонии, как благо.

Система Фомы освящает всю систему феодальных отношений, включая ее в иерархию земных и небесных сил. Рассматривая повиновение как всеобщую обязанность вассала, он провозглашает Бога всеобщим сеньором, уравнивая тем самым на словах все сословия. Фома фактически создает картину универсальных вассально-сеньорных отношений.

Жизнь человека в этой иерархии (человека вообще), несомненно, представляет ценность по сравнению с «тварной природой» и подчиняется небесным силам. Бытие же конкретного человека есть жизнь человека сословия, обязанного повиноваться своему сеньору. Крестьянин занимает самое подножие социальной пирамиды, но возвышение над «тварной природой» должно утвердить его достоинство. Получалась действительно целостная картина, в которую органически включались человек, природа, социум.

Эта картина в известной мере отвечала пусть и мнимому самоутверждению человека, подавленного мощной социальной иерархией, и давала массам надежду на лучшую жизнь, что снижало энергию их социального сопротивления.

Однако ограничение человеческой автономии, признание зависимости от Бога, обусловленности самой свободной воли Богом как причины человеческих решений свидетельствуют о том, что и философия Аквината была отражением отчужденного положения личности в феодальном обществе, а с точки зрения ее социальной функции — выражением стремления господствующих классов и церкви к закреплению социально-экономического отчуждения [9.С. 57].

Таким образом, в период средневековья по сравнению с античностью человеческое существо получает довольно высокую оценку сопричастности к Богу. Однако здесь обнаруживается противоречие между ценностью челове-

ческой сущности и существованием. Земная жизнь человека отвергается, обесценивается, осуждается ее истинно социальный характер. Идеалом изображается жизнь богоугодная, праведная. В религиозном сознании сущностные силы человека отчуждены от него и воплощены в Боге, который в силу этого и является подлинным носителем и источником творческой деятельности. Реализация же сущностных сил и есть способ существования человека. Итак, человек оказывается лишенным собственно социального характера бытия, что и приводит к обесценению земной человеческой жизни по сравнению с загробным существованием.

Список литературы

1. *Августин Блаженный*. О граде Божиим. Мн.: Харвест, 2000.
2. *Аврелий Августин*. Исповедь. М.: Гендальф, 1992.
3. *Боргош Ю.* Фома Аквинский. М.: Мысль, 1975.
4. *Васильева Т. С., Орлов В. В.* Социальная философия. Пермь, 2007.
5. *Гайденко П. П.* Понятие времени в Античности и в Средние века // *Космос и душа. Учение о вселенной и человеке в Античности в Средние века (исследования и переводы)* / общ. ред. П.П. Гайденко, В.В. Петров. М.: Прогресс-Традиция, 2005.
6. *Майкл Суини*. Лекции по средневековой философии. Вып. 1: Средневековая христианская философия запада. М., 2001.
7. *Мусаелян Л. А.* Научная теория исторического процесса: становление и сущность. Пермь, 2005.
8. *Robert Pasnau*. Thomas Aquinas on human nature: a philosophical study of Summa theologiae. 75-89. Cambridge, 2002. P. 75-89.
9. *Рунева Т. А., Колосницын В.И.* Проблемы антропологии в христианской теологии периода ее становления // *Историко-философские исследования*. Свердловск, 1978.
10. *Фролов Т.И.* Введение в философию. М., 2003.

THE VALUE MODEL OF HUMAN LIFE IN THE MIDDLE AGES

O.A. Ginatulina

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The article is about the problem of human existence's value in the Middle Ages. Views about this problem of the most famous religious thinkers are analyzed. Real, objective basis of philosophical constructions about the value model of human life is exposing.

Keywords: The value of human life, man of the Middle Ages, Aquinas, Augustine.

УДК 1(091)

THE SOPHISTS AND POLITICAL JUSTICE: “THERE IS LEGISLATION ABOUT THE EYES, WHAT THEY MUST SEE AND WHAT NOT”

L. Omladič

University of Ljubljana, Aškerčeva 2, 1000 Ljubljana, Slovenija
E-mail: luka.omladic@guest.arnes.si

For a certain stream of the theoretical thinking in Greece in 5th century B.C., there is typical dissolubility between natural and cosmological legitimating of morale, religion, policy, and culture. In the discussion, we follow the difference between texts which ground justice by natural and cosmological path, and others that describe the beginning of justice as political and cultural process. From this point of a view we read the Melian dialog by Thucydides, the speeches by Sophists in Plato's *The Republic* and Protagoras, and a fragment of the sophist Antiphon. The notions of the political justice, as formed by the Sophists, are in parts similar to the modern theories of democracy (in Protagoras), social contract (in *The Republic's* Glaucon), and the critique of authority (in Antiphon the Sophist).

Key words: Political philosophy, social philosophy, history of ideas, theory of justice, ethics, Sophists, Plato, ancient Greece.

I. *Origin of justice.* Justice (fairness) originates among approximately equal powers, as Thucydides (in the horrifying conversation between the Athenian and Melian envoys) rightly understood. When there is no clearly recognizable supreme power and a battle would lead to fruitless and mutual injury, one begins to think of reaching an understanding and negotiating the claims on both sides: the initial character of justice is barter.

F. Nietzsche, *Human, All-Too-Human*, I. 92

In the middle of the Peloponnesian War, in the year 416 B.C., the Athenians send to the island Melos (today's Milos) which maintained the neutral position in the conflict between Peloponnesian League under the authority of Sparta, and the Athenian Delian League, a military expedition under the Alkibiades's command. The Athenians de-

manded from the inhabitants of the island Melos to give up their impartiality and to submit to them, otherwise they would be faced with a military attack. The great chronicler of the war, Thucydides, did in his 5th book of *History of the Peloponnesian War* in dramatized form write a dialog which should take place a night before the attack between the inhabitants of the island Melos and the Athenian delegates, and which presents one of the most concrete documents of the “crisis” of the justice notion. Namely, the process of justice decomposition which Plato ascribed to his philosophical opponents that he summed up under the common name Sophists to distinguish them from in Socrates personalized figure of a true philosopher.

Thucydides's Athenian delegates announce the directness of their speech:

«Athenians: For ourselves, we shall not trouble you with specious pretences — either of how we have a right to our empire because we overthrew the Mede, or are now attacking you because of wrong that you have done us — and make a long speech which would not be believed; and in return we hope that you, instead of thinking to influence us by saying that you did not join the Lacedaemonians, although their colonists, or that you have done us no wrong, will aim at what is feasible, holding in view the real sentiments of us both; since you know as well as we do that right, as the world goes, is only in question between equals in power, while the strong do what they can and the weak suffer what they must». Thucydides, *The History of the Peloponnesian War* V.89.

The Athenians claimed that their political demands need not to be grounded with their justice. Therefore, they did not expect from the inhabitants of the island Melos to refer to the justice or injustice of the Athenian demands in the negotiations — that would simply be a waste of time. The justice is merely what is declared to be justly by the stronger by his own will. Therefore, the negotiations should take place at clear consciousness of the realistic circumstances, namely in this case, the fact of the strong Athenian military threat and much weaker Melos's defence.

The inhabitants of the island Melos still try to find at least one argument why the Athenians should not cast off the principles of honesty in the relationships towards the independent city-states.

«*Melians*: As we think, at any rate, it is expedient- we speak as we are obliged, since you enjoin us to let right alone and talk only of interest- that you should not destroy what is our common protection, the privilege of being allowed in danger to invoke what is fair and right, and even to profit by arguments not strictly valid if they can be got to pass current. And you are as much interested in this as any, as your fall would be a signal for the heaviest vengeance and an example for the world to meditate upon». *The History of the Peloponnesian War* V. 90.

The inhabitants of the island Melos aim at pragmatic reasons that one should be at least minimally just to the others in the situation when our power is much bigger. It could happen that once we will be in the opposite situation and then the justice we had shown to the weaker would be taken as the example how the stronger will treat us. But for the Athenians this argument did not prevail:

«*Athenians*: The end of our empire, if end it should, does not frighten us: a rival empire like Lacedaemon, even if Lacedaemon was our real antagonist, is not so terrible to the vanquished as subjects who by themselves attack and overpower their rulers. This, however, is a risk that we are content to take. We will now proceed to show you that we are come here in the interest of our empire, and that we shall say what we are now going to say, for the preservation of your country; as we would fain exercise that empire over you without trouble, and see you preserved for the good of us both.» *The History of the Peloponnesian War* V. 91.

The example we were giving as long we were winners is not vital. If the fortune of war changes, it would be naive to rely on pity of a country we ones had conquer. The will to revenge always ponders over the feeling of justice. One should act pragmatically and subdue the other country with the minimum effort; at the same time, the fear of its future revenge should not be the reason for not subduing it equally decisively. The mercy is by the Athenians, the same way as much later by Machiavelli, not the most effective means for conquering and retaining the power.

«*Melians*. So that you would not consent to our being neutral, friends instead of enemies, but allies of neither side.

Athenians. No; for your hostility cannot so much hurt us as your friendship will be an argument to our subjects of our weakness, and

your enmity of our power.» *History of the Peloponnesian War* V. 94-95.¹

II. If the Thucydides did place his dialog in the year 416 B.C. then a few years earlier, in Plato's fictive time of the dialogue *The Republic*, the same intense intellectual encounter had developed on the notion of justice between the "Sophists" and Socrates.² The stand point easily recognized as much related to the one by the Thucydides's Athenians, Plato's puts I the mouth of Sophist Thrasymachus in his first book *The Republic*. We are here quoting the entire passage where Plato tries in the as clear-est as dramatised way as possible to show the theory of the political justice of the Sophists:

«Listen, then, he [Thrasymachus] said; *I proclaim that justice is nothing else than the interest of the stronger*. And now why do you not me? But of course you won't.

Let me first understand you, I [Socrates] replied. Justice, as you say, is the interest of the stronger. What, Thrasymachus, is the meaning of this? (...)

¹ In a similar spirit, there is a known part in Machiavelli's *The Prince*: « Upon this a question arises: whether it be better to be loved than feared or feared than loved? It may be answered that one should wish to be both, but, because it is difficult to unite them in one person, is much safer to be feared than loved, when, of the two, either must be dispensed with. Because this is to be asserted in general of men, that they are ungrateful, fickle, false, cowardly, covetous, and as long as you succeed they are yours entirely; they will offer you their blood, property, life and children, as is said above, when the need is far distant; but when it approaches they turn against you...» (Machiavelli, *The Prince*, ch. XVII. Next to the numerous debates on comparison of Machiavelli and the Sophists, let us mention only the classical study by the Leo Strauss (Strauss; 1995) which on the contrary does not read Machiavelli as the Plato's Sophist.

² Plato has probably written *The Republic* round the year 375 before A.D, and has placed the happening round the dialog fifty years back in the past, in the year 422 before A.D. what is evident from the introductory sentences of *The Republic* which are about the first festival dedicated to Thracian goddess (Bendis). A true Socrates (469–399) was a Thucydides' (round 460–395) contemporary.

Well, he said, have you never heard that forms of government differ; there are tyrannies, and there are democracies, and there are aristocracies?

Yes, I know.

And the government is the ruling power in each state?

Certainly.

And the different forms of government make laws democratical, aristocratical, tyrannical, with a view to their several interests; and these laws, which are made by them for their own interests, are the justice which they deliver to their subjects, and him who transgresses them they punish as a breaker of the law, and unjust. And that is what I mean when I say that in all states there is the same principle of justice, which is the interest of the government; and as the government must be supposed to have power, the only reasonable conclusion is, that everywhere there is one principle of justice, which is the interest of the stronger.» *The Republic* 338c-338e (Trans. B. Jowett)

Thrasymachus' theory of justice (except the fact that a rhetorician with such name actually did live, the Sophist Thrasymachus is known only as a Plato's character) summarized in a formula *justice is nothing else than the interest of the stronger*, became the most explicit notion of "Sophistics" political morale which can be, regarding its directness, only compared with the Melian dialog. Thrasymachus equals the notion of justice with the notion of law: just or unjust person is the one acting in accordance with or breaking the laws.

This definition is extremely important, and places the Thrasymachus's theory of justice into the wider sphere of the Greece moral theories which got generally named as the "Sophists".

If the justice is only set with the law (*nomos*) then whatever was created and set by the men is "artificial", and not something given by the "nature" (*physis*) of the things, independent from the man and his will and interest. The attitude of Athenian by Thucydides is similar: he immediately warns the inhabitants of the island Melos about the

artificial justice, and tells them that is the stronger who prevails over that matters. But Thrasymachus is more subtle: he preserves the justice as such; he just adds that is the product of the stronger. But not stronger just like that, what Socrates is trying to foist upon him. “The stronger” is for him precisely the authority. The authority produces laws, and this way “produces” justice; but because it always makes the laws in such manner that the authority profits from them, consequently, the justice is something than only stronger, therefore the authority, benefits from.

The image of sophist theory of political justice by Plato — political because Thrasymachus’s debate on justice is always in the context of the relation towards the authority — is being supplemented by the second Thrasymachus’s thesis about the justice that he expresses in the debate a bit later. He claims that the justice is something that human does not profit from, and is actually bad for him. On contrary, the unjustness is useful by his opinion. While stating the numerous cases how an unjust man lives better than an honest man as long as he does not get caught, Thrasymachus concludes: «And thus, as I have shown, Socrates, injustice, when on a sufficient scale, has more strength and freedom and mastery than justice; and, as I said at first, justice is the interest of the stronger, whereas injustice is a man’s own profit and interest.» *The Republic* 344c. Thrasymachus adds to the statement that the *stronger benefits from the justice*, the statement that *injustice is more useful than justice*. To combine both seemingly opposing statements, we need to read them again in the political context: For the “prince” the justice is useful since the laws of which he is the author are functioning for his benefits. Contrary, for the “serf” the laws are harmful or useless; is better for him if he breaks them or acts unjust —

from his perspective the injustice is more useful than the justice.

III. To define Sophists as the intellectual flow of the 5th century B.C. for which the dissolving between natural and cosmological legitimating of the morale, religion, politics, and culture is typical, is simplified and a bit vocabulary like, as long as it connects very heterogeneous authors in a kind of a “philosophical school” — such a synthesis is of course to a large extent the result of the Plato’s image of the Sophistic negative of the philosophy. Yet still, we can from the point of a view of our discussion on political justice at authors from the 5th century find a difference in some legitimating justice in the natural or cosmological way, and the others which we technically do call the Sophists, who explain legitimation or at least the origin of justice as the political and the cultural process.

For example, we can find a case of the natural theory of justice in early medical theories. This way Alcmaeon of Croton defines health as a balance, and the sickness as the autocracy of one physical force above the other:

«Health is the equality of rights of the functions, wet-dry, cold-hot, bittersweet and the rest; but single rule among them causes disease; the single rule of either pair is deleterious. ... But health is the harmonious mixture of the qualities.» Alcmaeon, DK 24 B 4.

Health means that the component forces are in balance, and therefore equal between them. If the harmony breaks down, we get the sickness. We do have a political metaphor for the natural occurrences in the body but the metaphor can also act in the opposite direction: also the polis, its “health” is being preserved by the right extend of the equality of the opposing political forces and their balance, when no one should prevail over the other. If any of the forces would escape from the “composition” of the city and would stand on its own, it would

become too strong and would cause the “political disease”. Similarly, in the Hippocratic essays, the moderate climate is defined as the *equality* of the warm and cold, dry and moist. (cf. Guthrie; 1971: 58)

Similarly, we can see “the political cosmology” by Empedocles where the cosmological, physical, political and moral notions can be used mutually and alternating, for example:

«All these (Elements) are equal and of the same age in their creation; but each presides over its own office, and each has its own character, and they prevail in turn in the course of Time. And besides these, nothing else comes into being, nor does anything cease. For if they had been perishing continuously, they would Be no more; and what could increase the Whole? « Empedocles DK 31 B 17.

For Empedocles, all the substances are equal by “the origin” and, none of them can claim the origin due to its age; cosmos can not be a kind of a *hereditary monarchy* but instead it is organized by the almost democratic rules of the periodical “change of the authority”. The political charge we can also find in Empedocles’s topic of two natural forces, Love and Quarrel. Also here there is no prevailing over but instead there is certain equality. If the Love would not have its opposite in the Quarrel, the world would not appear of shapeless mixture (Sfairos) — it is the only the dynamics of two opposing forces that enables the cosmos to come into being.

Even more expressively “naturally” the justice is being legitimized by Parmenides. Firstly, in the poem to the philosopher, it’s the goddess Dike, personified justice, who reveals the truth:

«There (in the Palace of Night) are the gates of the paths of Night and Day, and they are enclosed with a lintel above and a stone threshold below. The gates themselves are filled with great folding doors; and of these Justice, mighty to punish, has the interchangeable keys. ... Welcome!—since no evil fate has des-

patched thee on thy journey by this road (for truly it is far from the path trodden by mankind); no, it is divine command and Right. Thou shalt inquire into everything: both the motionless heart of well-rounded Truth.» Parmenides, fr. 1.

According to Parmenides, the Being is necessary just, and it can not be unjust at all: if the injustice means violating “the right extend” of reaching over the boundaries set by your nature, this is impossible for the Being — “For powerful Necessity holds it in the bonds of a Limit, which constrains it round about, because it is decreed by divine law that Being shall not be without boundary. For it is not lacking; but if it were (spatially infinite), it would be lacking everything.” (Parmenides, fr. 8). Injustice as transgression of the boundary is metaphysically impossible.

If for the Parmenides the justice is defined as metaphysical identity of the Being and the Truth on one hand, on the other, Heraclitus defines the justice precisely through the “quarrel” of the constant origin:

«One should know that war is general and jurisdiction is strife, and everything comes about by way of strife and necessity.» Heraclitus Ephesius, fr. 80.

But the Heraclitus’s texts for certain can not be read as the texts of the “Sophist” in a sense of Plato’s Thrasymachus and his statement on justice as the benefit of the stronger. Regarding the justice, also at Heraclitus there arises a question of extend: the justice is “conflict” because during the becoming as a process of conflict of the opposites, the *entend* is always preserved. The same way as with Parmenides, the justice therefore legitimize cosmological and metaphysical. Also the opposites are bound together by certain equality:

«And what is in us is the same thing: living and dead, awake and sleeping, as well as young and old; for the latter having changed becomes the former, and this again having changed becomes the latter.» Heraclitus Ephesius, fr. 88.

The one, equality of the opposites, is what is *common* to all the universe; the common, divine cosmical law and guarantee of the justice:

«If we speak with intelligence, we must base our strength on that which is common to all, as the city on the Law (Nomos), and even more strongly. For all human laws are nourished by one, which is divine. For it governs as far as it will, and is sufficient for all, and more than enough.» Heraclitus Ephesius, fr. 114.

By Heraclitus the living is marked by the process of stopping, the process of eternal “conflict of opposites”. But behind this conflict there always lies something general, common and the One — namely, the Law that governs the process of stopping.

Such a metaphysical theory leads Heraclitus directly to certain political standpoint which is diametrically opposing the one by the “Sophists.” We can mark it as a strict *legalism*. The same way as the world is governed and preserved by the law, the Law is an absolute basis and a condition for the political community. «The people should fight for the Law (Nomos) as if for their city-wall,» (Heraclitus, fr. 44) is categorical Heraclitus in his sentence which is in the spirit a reminiscent of Socrates’ words in Crito dialogue:

«In the first place did we not bring you into existence? Your father married your mother by our aid and begat you. ... Well, then, since you were brought into the world and nurtured and educated by us, can you deny in the first place that you are our child and slave, as your fathers were before you?» , Crito 50d. (Transl. B. Jowett)

IV. The difference that separates these discourses from the discourses by the authors that are typically designated as the Sophists could maybe be drawn most distinctive through different legitimation of justice as typical for the theory of Heraclitus and Parmenides. Is this really “the crisis” or “the breakdown” of this legitimation, the disinte-

gration of the unified world on *physis* and *nomos* as the common textbook definition claims?¹ And what would therefore be its cause? Probably neither the seeking of the clear breakup point, neither its cause is not the question that would be put down in the right way. On the other hand, we can follow the texts that truly show the relativization of the belief on universality of the law of polis, through the experience that seems close to the experience of the “multiculturalism” as described in the known passage by Herodotus:

«When Darius was king, he summoned the Greeks who were with him and asked them for what price they would eat their fathers' dead bodies. They answered that there was no price for which they would do it. Then Darius summoned those Indians who are called Callatiae, who eat their parents, and asked them (the Greeks being present and understanding through interpreters what was said) what would make them willing to burn their fathers at death. The Indians cried aloud, that he should not speak of so horrid an act. So firmly rooted are these beliefs; and it is, I think, rightly said in Pindar's poem that *custom is lord of all*.» Herodotus of Halicarnassus, The Histories III.38 (Transl. A.D. Godley)

¹ In the latest histories of philosophy this antinomy is of course relativised. For example, Giovanni Reale: “In books, we often find a common statement that sophists counter *nomos* and *physis*, «law» and «nature», to diminish the value of the former and to make it a pure convention. But this is not entirely true. The differences between law and nature is not found neither in Protagoras or Gorgias or Prodikus; it is however present in Hippias and Antiphon, who belong to the line that was justifiably named naturalistic sophists. And we also found it in the so called political sophistic.” (“V učbenikih pogosto naletimo na že obrabljeno trditev, da je sofistika protipostavljala *nomos* in *physis*, to je «zakon» in «naravo», da bi prvemu odvzela veljavo in ga zvedla na čisti dogovor. Vendar je ta trditev le delno upravičena. Nasprotja med zakonom in naravo ne najdemo ne pri Protagoru ne pri Gorgiu, niti pri Prodiku ne; pojavlja pa se pri Hipiju in Antifonu, torej tisti smeri sofistike, ki je bila upravičeno imenovana naravoslovni tok sofistike, nato pa na drugi ravni pri političnih sofistih.” (Reale; 2002:218; Transl. L. Omladič).

Even the most sacred range of human laws, funeral customs and relationship towards dead is relative. What seems absolute to one culture is unthinkable to the other. Greeks are horrified when they hear about funeral customs by Indians but the reaction of the latter is the same. Herodotus takes up a distanced position of the modern anthropologist — that is how it is, customs and cultures are diverse in who has seen enough of the world will take note of diversity. To the cultural, the philosophical seeing can follow. Then, is it not inevitable the conclusion that the laws are product of a human and they depend upon the customs, and are not similar to Heraclitus's universal law which is one and remains the same through all the changes?

From this starting-point, let us return to narrower question of political justice and its "Sophist" theory on three passages where the question is formulated in a pure form: again at two Plato's Sophists, Protagoras and Glaucon, and in one of rarely preserved examples of authentic voice of the Sophists, the fragment of the philosopher Antiphon.

Protagoras's theory of justice (let us stress again that in the same way as in numerous other cases of the reconstruction of the "Sophist theory" the source is Plato, who gives the Sophist or his own reading of the Sophist's theory a word in the dialogue *Protagoras* — original Protagoras's wordings, except a few rare fragments, are not preserved) to a degree stands out from an "amoral" model of political justice we can come across on numerous passages of the Sophist discussion on society. Also Guthrie in his influential interpretation of the Sophists sets out the difference between Protagoras's epistemological relativism and rejection of "moral and political anarchy; but this was far from his thoughts, and morals and the social order were saved by this curious doctrine, typical of its period, whereby the standard of truth or

falsehood are abandoned, but replaced by pragmatic standard of better and worse." (Guthrie; 1971: 187) At the key spot of the description of the evolution of the mankind's cultural progress — a human who was not presented with the survival techniques like animals have, was forced to invent the technologies as domiciles, cloths, weapons, language and finally the *polis* — the young human society is faced with a fatal deficiency. Since the justice is not hereditary to human, human groups always when they unite, immediately degenerate: since people by their nature did not have the "art of government" they were unjust to each other and finally, they "were again in process of dispersion and destruction." (Protagoras 322b, transl. B. Jowett). In order for people to gain the art of government or *political skill* and thus enable the existence of the society, they must gain the two key moral virtues:

«Zeus feared that the entire race would be exterminated, and so he sent Hermes to them, bearing reverence (*aidos*) and justice (*dike*) to be the ordering principles of cities and the bonds of friendship and conciliation. Hermes asked Zeus how he should impart justice and reverence among men:-Should he distribute them as the arts are distributed; that is to say, to a favoured few only, one skilled individual having enough of medicine or of any other art for many unskilled ones? «Shall this be the manner in which I am to distribute justice and reverence among men, or shall I give them to all?» «To all,» said Zeus; «I should like them all to have a share; for cities cannot exist, if a few only share in the virtues, as in the arts. And further, make a law by my order, that he who has no part in reverence and justice shall be put to death, for he is a plague of the state"»
Protagoras 322b

Therefore, according to Protagoras, the two fundamental political virtues are not limited to just some people. Regarding the skills, like medicine, music etc. some do have a talents, and other do not. But the political virtue must be shared by eve-

rybody, since *polis* could not exist if only a minority would have it. And paradoxically, since we do not need a natural talent to be political, the minimal disposition necessary for the political is after all given to us “by the nature” (what illustrates the God’s intervention in the Protagoras’s speech). Is then Protagoras actually returning to the naturalistic argumentation of the political justice? Precisely the difference he establishes between the two principles of the distribution of the virtues — on one hand, the natural talent for professional skills which are unevenly distributed, and on the other hand, the shame and justice which are evenly and equally distributed — give evidence of the opposite. But this, seemingly paradox solution, is on balance similar to the modern one. In democracy, the political subject is not dependant on its natural references one hand — political rights are independent from physical characteristics, intelligence, health etc. But on the other hand, in the foundation of the political justice there is a kind of special natural legitimation: namely, the human is “born free” as is worded in the first axiom of the modern political subjectivity.

A different solution regarding the emergence of the political justice Plato puts in the words of Glaukon who takes over the representation of the Sophist theory against Socrates’s from Thucydides in Plato’s second book *The Republic*. With classical illustration of the Sophist amoralism in Gyges’s myth — Lydian shepherd Gyges finds a magic ring which makes him invisible; he takes an advantage of his chance, finally kills the king, and seize the authority — ¹he confirms the thesis already indi-

cated by Thucydides that the unfair act is indirectly useful for human as long as he manages to perform it without punishment, and he broads it with statement that anyone, no matter how just, gives up moral behaviour if being absolutely certain (as the invisible shepherd Gyges) that the violation will not be punished.

But Glaukon does not give up the justice the same way as Thrasymachus. Namely, he finds the circumstances in which the justice is despite its insubstantiality useful, and these are precisely the circumstances of the political life. Glaukon claims that the injustice as such is good for a man if it affects another person who takes advantages of it. On the other hand, the injustice is of course bad for a man if he himself suffers from it. If we put both on a scale, we discover that «good» presented by harming another without punishment does not weight out “bad” — being harmed by another without punishment. A surprising solution offered by Glaukon looks like an early version of the theory of the social contract:

«They say that to do injustice is, by nature, good; to suffer injustice, evil; but that the evil is greater than the good. And so when men have both done and suffered injustice and have had experience of both, not being able to avoid the one and obtain the other, they think that they had better agree among themselves to have neither; hence there arise laws and mutual covenants; and that which is ordained by law is termed by them lawful and just. This

¹ Otherwise, the Gyges’s myth involves numerous interesting aspects of the problem of morality against visibility and invisibility. Plato states the adultery with king’s wife as one of the first examples of Gyges’s benefits by invisibility (360b). In Herodotus’s version of a story another turn is added to this sexual drama: here, Gyges is king’s confidant, and the king wants to boast of his

wife’s beauty. There he convinces him (despite Gyges’s resistance) to hide in the evening in the bedroom and watch her taking her cloths off. The queen overlooks Gyges hidden behind the curtain but she does not say anything. But the next day she approaches him and puts him into dilemma “Now, Gyges, you have two ways before you; decide which you will follow. You must either kill Candaules and take me and the throne of Lydia for your own, or be killed yourself now without more ado; that will prevent you from obeying all Candaules’ commands in the future and seeing what you should not see.” I, 11. Poor Gyges chooses the first path.

they affirm to be the origin and nature of justice; --it is a mean or compromise, between the best of all, which is to do injustice and not be punished, and the worst of all, which is to suffer injustice without the power of retaliation; and justice, being at a middle point between the two, is tolerated not as a good, but as the lesser evil, and honoured by reason of the inability of men to do injustice. For no man who is worthy to be called a man would ever submit to such an agreement if he were able to resist; he would be mad if he did. Such is the received account, Socrates, of the nature and origin of justice.» *The Republic* 359a. (transl. B Jowett)

In the game of visibility and invisibility the pragmatism prevails. The ring of invisibility is just hypothetical; in reality, all the people are in a position when we are equally possibly perpetrators and victims of injustice. Decision based on an agreement on the establishment of laws is the consequence of the fact that a human always lives in a community, and that the political life without justice (laws) would not be bearable.

But perhaps the Sophist Antiphon has developed the theory of justice in the most radical direction. The fragment of the essay *On Truth* is one of the more rare indirect records of theories summarized by Plato. «Justice, then,» claims Antiphon, «is not to transgress that which is the law of the city in which one is the citizen.» (Antiphon, DK 87 B 44 fr. A): The justice is bind to lawfulness, political justice set by the laws of the state. He then continues with known topic of visibility and invisibility: «A man can therefore best conduct himself in harmony with justice, if when in the company of witnesses he upholds the laws, and when alone without witnesses he upholds the edicts of nature.» Glaucon and Thrasymachus would agree: pragmatical subordination to the laws to avoid punishment and outwitting them when you are “invisible” to punishment seems like a rational policy. But from here on, Antiphon develops his argument differently. Namely, he distinguishes two types of

“laws”; the one that are made by the society and are artificial, and the “necessary provisions of the nature” of which the human is not an author, but they absolutely do apply for him. The first finding of the Antiphon is that the game of visibility and invisibility can be played only with social laws, and not with nature: «So, if the man who transgresses the legal code evades those who have agreed to these edicts, he avoids both disgrace and penalty; otherwise not. But if a man violates against possibility any of the laws which are implanted in nature, even if he evades all men's detection, the ill is no less, and even if all see, it is no greater. For he is not hurt on account of an opinion, but because of truth.» (Antiphon, DK 87 B 44 fr. A) The morals can be outwitted, but not the nature: shall I act against my nature I will be punished in any case. (Let us imagine “Antiphon's” example of Robinson on a deserted island catching a fish. The sanctions, if he does not share it with even more starving Man Friday, will follow only if Man Friday knows he caught the fish. The sanctions of nature, if he does give the fish away instead eating it, will follow inevitably in a form of collywobbles in the Robinson's stomach.

Even more, for Antiphon does not stand the Glaucon's solution when justice and laws are accepted, despite their artificiality, for pragmatic reasons, since they enable coexistence in the community. Antiphon claims that the laws are not just artificial but they also act against nature, and are therefore harmful. They obstruct his natural freedom, they lock man in fetters, and do not bring anything good in return:

«For there is legislation about the eyes, what they must see and what not; and about the ears, what they must hear and what not; and about the tongue, what it must speak and what not; and about the hands, what they must do and what not; and about the feet, where they must go and where not. ... And the advantages laid down by the laws are chains upon nature, but

those laid down by nature are free.» Antiphon DK 87 B 44.

Let us risk the inevitable anachronism: Antiphon's word which embody Plato's so detestable Sophist contempt towards authority of Law and the state, are in spirit related to the words of prince Kropotkin: «All this we see, and, therefore, instead of inanely repeating the old formula, "Respect the law," we say, "Despite law and all its attributes!" In place of the cowardly phrase, "Obey the law," our cry is "Revolt against all laws!"

Only compare the misdeeds accomplished in the name of each law, with the good it has been able to effect, and weigh carefully both good and evil, and you will see if we are right.» (Pyotr Alexeyevich Kropotkin, *Law and Authority*)

Literature

1. Freeman Kathleen. The Pre-Socratic philosophers; a companion to Diels, *Fragmente der vorsokratiker*. Oxford : Basil Blackwell, 1946.
2. Guthrie W.K.C. The Sophists. Cambridge University Press, 1971.
3. Herodotus of Halicarnassus. The Histories, Pax Librorum, transl. A.D.Godley, 2010.
4. Machiavelli Niccolo. The prince, New York : Knopf, transl. W.K. Marriott, 1992.
5. Nietzsche Friedrich. Human, all-too-human. New York : Gordon Press, transl. Helen Zimmern, 1973.
6. Plato Protagoras. MIT Classics Archive, transl. Benjamin Jowett <http://classics.mit.edu/Plato/protagoras.html>.
7. Plato The Republic. MIT Classics Archive, transl. Benjamin Jowett, <http://classics.mit.edu/Plato/republic.html>.
8. Plato Crito, MIT Classics Archive, transl. Benjamin Jowett, <http://classics.mit.edu/Plato/crito.html>.
9. Reale Giovanni. Zgodovina antične filozofije I., prev. Matej Leskovar, *Studia Humanitatis*, Ljubljana, 2002.
10. Strauss Leo. Thoughts on Machiavelli, University of Chicago Press, 1995.
11. Tucydides The History of the Peloponnesian War, MIT Classics Archive, transl. Richard Crawley, <http://classics.mit.edu/Thucydides/pelopwar.mb.txt>.

СОФИСТЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: «СУЩЕСТВУЕТ ЗАКОН О ТОМ, ЧТО ГЛАЗА ДОЛЖНЫ ВИДЕТЬ, И ЧЕГО НЕ ДОЛЖНЫ»

Л. Омладич

Университет Любляны, 1000 Любляна, Республика Словения

Для определенного потока теоретического мышления в 5 в. до н.э. в Греции характерна типичная расогласованность между природной и космологической легитимацией морали, религии, политики и культуры. Обсуждаются различия между текстами, которые устанавливают справедливость посредством природных и космологических путей, а также теми текстами, которые описывают возникновение справедливости как политического и культурного процесса. С этой точки зрения мы рассматриваем «Мелосский диалог» (Melian dialog) Фукидида, Платоновские диалоги «Республика» и «Протагор», фрагмент текста Антифона. Определение политической справедливости, сформированное софистами, отчасти схоже с современными теориями демократии (в «Протагоре»), социального контракта (в «Республике» Глаукона), критики власти (у Антифона).

Ключевые слова: политическая философия; социальная философия; история идей; теория справедливости; этика, софисты; Платон; античная Греция

УДК 130.2:701

THE TRUTH OF BADIOU'S RETURN TO MODERN ART**V. H. Sorčan**

University of Ljubljana, Aškerčeva 2, 1000 Ljubljana, Slovenia

e-mail: Valentina.Hribar-Sorcan@guest.arnes.si

The article approaches the French philosopher Alain Badiou and his account of the present-day state of mind in art and aesthetics, turning away from the Lyotardian postmodernity and reaffirming modernity, while taking into account the insights of the last couple of decades. The main topic of the discussion is Badiou's critique of aesthetical and political status of truth in postmodernism, as well as its reaffirmation of crucial philosophical notions, especially a notion of truth. The article continues with an account of Badiou's attitude in view of a broader reflection on aesthetical and ethical aspects of the age we live in, the name of which is in philosophy a constant apple of discord.

Badiou's return to anti-romantic, unphysical and impersonal art, to somehow neoclassical vision, attracted a repulsing debate. Rather than the elimination of author's role, as some french structuralists already had suggested, we can attest a kind of revival of author, even if a writer's attention is just to seem authentic. On the other hand, a lot of contemporary texts are collage of intimate journal and philosophical essay with the expressive tendency to expose an author's existential subjectivity. The mixture of literature and philosophy undermines Badiou's key thesis of the need of separation between art/literature and philosophy.

Key words: Badiou, truth, modernism, postmodernism, existentialism, literature, crisis

Alain Badiou's key thesis on philosophy as a reflection of singular and immanent processes of truth, within the field of aesthetics, especially in the *Little Handbook of Inaesthetics* (1998), implies the claim which affirms the major part of art of the 20th century and onwards: art is immanent and singular thinking. Immanence refers to the following question: does art create its own truth or is it just a means for establishing truth, which is then something external, superior and transcendent, *i.e.* the truth which comes and is determined from the outside? Whereas singularity refers to this question: is truth, as testified by art, absolutely proper only to itself or is it present also in other fields of thought? On this ground Badiou advances his major thesis that art never creates truth other than proper only

to itself. Art is a procedure of truth of its own and therefore can not be reduced to other procedures of creation and disclosure of truth. Truth advocated by art thus essentially differs from scientific and political procedures of truth, as well as that of love. Philosophy doesn't create its proper truths but only reflects them. This Badiou's gesture is a slap in the face to philosophic narcissism and a caress to art. For the 21st century, Badiou demands a new paradigm of the interconnectedness of art and philosophy.

Contemporary philosophy, which attempts to contribute additional relevant reflections on the present-day situation by asking the question of its own whereabouts after postmodernity, sees Badiou as a crucial partner in its debates. He's namely highly critical of the elements of postmodernism as the aesthetical and artistic strand; and in a broader sense, we could describe his ontological, ethical and political views as the revived utopian expectation of the emancipating sting of egalitarian ideas. *Postmodern Condition*,¹ as established by Jean-Francois Lyotard, who grounds his famous thesis of the postmodern decline of modern grand narratives on the downfall of the idea of emancipation, according to Badiou leads to a non-critical indifference and to a resigned acknowledgment of liberal capitalism and parliamentary democracy, as if it is the final and global social and economic system. He sticks to a firm belief that philosophy is meaningful only if it reflects concrete life, politics, science, art and other forms of communications of the present. This is the question of philosophical engagement: what is contemporary is always what is live, and philosophy has to communicate this livelihood and immerse in it, however imperfect its creation is... "As a philosopher I shall respond to the essence of what is contemporary: I couldn't be not responsible for it."² But this is far from saying that philosophy is all about strengthening the prevailing thought. On the contrary, its power is in its subversion, in subtle detection and disclosure of what is coming about; philosophy is on the trail of every new event as the harbinger of the new truth, the coming about of which can only be a matter of contingency. Although truth is not immanently

philosophical, its role is nevertheless more than just of secondary importance; it is rather avant-garde: philosophy can detect and bring to the surface a certain truth. Badiou may acknowledge only immanent reflection to every singular process of truth; but he is nevertheless more inclined to the view that philosophy can help clarify the contingent coming about of a certain truth or even prevent an event from slipping by unnoticed. We can thus easily imagine the philosopher Badiou as a detector of truth on the ground of becoming familiarized with the contingent dimension of the present. Only in this way can philosophy be inventive, since it is after all nothing but the quest for the most relevant concept of reality. However, Badiou warns us of the shallowness of implications that his thought may have on the contingent empiricism, which is likely to disperse the realm of truth.

In his *oeuvre*, Badiou lays particular emphasis on devotedness, particularly to his own philosophical views. This is one of the reasons why he is not ready to give up the idea of political emancipation and absolute equality, not caring a straw for the fact that philosophy decades ago pronounced the epoch-making end of the utopia of hope, progress and meaning. Along this path he has remained faithful to his role models, beside Plato and Nietzsche also to his French predecessors Jean-Paul Sartre, Jacques Lacan and Louis Althusser, and others. In Sartre's existentialism he recognized his own tendency toward a unified view of philosophical conceptualization and existential choice and decision. He believes that philosophy is not worth a dime if it is not committed to life choices and decision. Lacan proved a decisive support in his own conceptualization of the theory of the subject. And he was primarily influenced by Althusser's thesis that philosophy is without its own reflective object. Philosophy is not a nebulous discourse on the totality or the general interpretation

¹ Compare especially Jean-Francois Lyotard: *La Condition postmoderne*, Minuit, Paris 1979 and *Le Postmoderne explique aux enfants*, Galilee, Paris 1988.

² Alain Badiou: «L'aveu du philosophe», in *La vocation philosophique*, Bayard Editions, Paris 2004, p. 140-141.

of the whole; rather, it must at all times pose itself the limit of specific knowledge. This is where Badiou's major thesis stems from, namely that philosophy is always only medial/mediating reflection of singular and immanent processes of truth which can be generic and universal only within its own singular field. But there is no truth about truth and every attempt in this direction eventuates the fall to transcendence.

The *Little Handbook of Inaesthetics* is a collection of texts published for the first time between 1993 and 1995 in various journals and later edited by the author for the book publication. The treatise on the necessity of a different paradigm of the relationship between art and philosophy in the 21st century is further elaborated in his book *Circumstances*, 2 (2004),¹ especially in the text »Troisième Esquisse d'un Manifeste de l'Affirmationisme« (»Third Outline of the Manifesto on Affirmationism«), in which he introduces the decisive critique of postmodern art and postmodern condition of mind as such. With visionary wrath he turns away from postmodern aesthetics of fragments and infinite deconstruction in the field of philosophy. He rejects postmodern proclamations of the end of art, metaphysic, representation, imitation, transcendence, artwork and spirituality and, contrary to the prevailing opinion, sides with determined proclamation of "the end of all ends, the possible beginning of all there is, as well as of all there was and will be."² He is convinced that philosophy must continue to reflect its main concepts, especially the concept of truth; only if it takes into account the reflection of its grounds, can it be inventive. His *Manifesto* is a modern affirmation of

every monumental construction, in contrast to the postmodern small-scale deconstruction. However, such a swing is only possible on the basis of the reaffirmation of the certainty that we are still "traversed by a truth or a beauty: it is one and the same thing."³

Badiou's critique of postmodernity follows immediately from his theory of truth; as the advocate of universal and generic truth, though only within the framework of a singular field, he rejects the postmodern thesis of particularity: "Postmodern' is what attests to the whimsy and unlimited domination of particularity."⁴ With this he has in mind both the collective particularity (ethnic, linguistic, religious, sexual) and biographical appraisal of the self and its egotistic subjectivism. Here belongs also the exposure of the body: how can one be inclined to the art of Flesh — Badiou here probably alludes to *body art* and its derivatives, which inaugurates art as carnal installation of finitude, when the essence of man lies in the infinite and the immortal?⁵ Does not postmodernism

³ Ibid., p. 86.

⁴ Ibid.

⁵ In his *Ethics*, Badiou emphasizes that this art form will be able to affirmatively approach the Good only by procuring a positive vision of the possible. This, however, is possible only if man is no longer recognized only in his biology, *i.e.* as a living being which, like animals, follows its immediate interests in order to survive, which can in the end lead, as Martin Heidegger warned, to infinite rapacity and self-supply with goods. The definition of man as a mere human animal could also imply that the procurement and respect of human rights can be reduced to the mere right to life in the face of death and the right to survival in the face of poverty. In contrast to the minimalisation of the human being to mere biological conditions of survival, Badiou suggests that it be defined as immortal and infinite. Such a definition, however, does not lead to a religious foundation of ethics, as for example in Emmanuel Levinas, whose priority of ethics over ontology he explicitly rejects. The crucial difference between the transitory animal and the immortal man according to Badiou lies in that every man, in contrast to animals, is given immortally and infinitely the capability for the real, for the revealing and creation of truth.

¹ Alain Badiou: *Circumstances*, 2, Edition Leo Scheer, 2004.

² Alain Badiou: «Troisième Esquisse d'un Manifeste de l'Affirmationisme», in *Circumstances*, 2, Edition Leo Scheer, 2004, p. 83.

with this tendency evince its affinity with Romanticism?

Badiou is bothered by the fact that contemporary art doesn't possess the critical sting in its relating to the world, which is the source of its inspiration. Art is romantically unwilling as long as it passively withdraws into sophisticated vegetation, which is none other than postmodern nihilistic delight in powerlessness. On the other hand, the numerous artists of the 20th century created true artistic configurations with which they entirely renovates the thinking of the previous century: "Pessoa for poetry, Picasso for painting, Schonberg for music, Brecht for theatre, Zadkine for sculpture, Chaplin for cinema, Faulkner for fiction, Cunningham for dance..."¹, and we could go on and on. The essence of their artistic configurations is supposed to be their rejection of romanticism through the critical affirmation of this world.

Already in the *Little Handbook of Inaesthetics*, the determination of artistic configuration plays a key role. The main issue of the 21-century aesthetics — or better inaesthetics, insofar it sets aside old paradigms of the relationship between art and philosophy on the ground of a different (ontological) approach to the category of truth, which is already implied in the art of the 20th century — for Badiou begs the following question: if art is immanent, that is the production of immanent truths, what then is the appropriate unity of what is called art? Is it the artwork, artist or something else?

According to Badiou, the answer must be sought for in the relationship between the infinite and finite, since truth is infinite multiplicity. It is infinite, because it cannot be reduced to a certain and already established knowledge, and is always an open horizon for the new. The artwork, on the

contrary, is in its essence finite: art is the creation of finitude. What then goes on in the truth within art? If we are to really avoid the romantic paradigm, we cannot claim that art is a finite representation of the infinite Idea. Badiou seeks the solution for this ontological dilemma in the event as the source of truth. It is unimaginable to invent anything new outside the event dimension, and truth is exactly invention, a discovery. Otherwise we would be thrown back to the idealistic conceptualization of invention, to the divinely inspired genius. But it is on the other hand also impossible for the artwork to be both truth and event as the source of this truth. If they were mixed up, truth would become the eventful self-disclosure of itself. Badiou thus concludes: the individual artwork is not an event (*l'évenement*), but an artistic fact (*le fait*); artwork is not yet truth itself, but rather something broader, an artistic procedure occasioned by an event. But this procedure consists in artworks only. And truth as infinite multiplicity is not manifested as a totality in any artwork. The artwork in this sense is a localized resort of a truth or a finite fragment of the infinite truth. Even though the being of truth doesn't differ from that of artwork, it is impossible to capture the particular, since there is potentially an infinite number of artworks. Contrary to the particularity of an artwork, the artistic truth is singular, revealing itself in a particular artistic configuration (say in the novel as the artistic configuration for prose, the initiation event of which is Cervantes' *Don Quixote*), occasioned by an event (usually a group of artworks).

To return to the initial question as to what makes possible the unity of reflection on art as immanent and singular truth, we could infer from the *Little Handbook on Inaesthetics* that it is neither the artwork not the artist, but rather the artistic configuration that is occasioned by a certain event-

¹ Alain Badiou: «Troisième Esquisse d'un Manifeste de l'Affirmationnisme», p. 94.

ful rupture. Only in this way can we enter the relationship with a singular truth, which, however, cannot be accurately delimited and determined, since we have no knowledge of the truth about truth. From this perspective, artistic configuration is neither a form of art nor a specific epoch in the history of art; rather, it is a sequence of a kind, consisting in a succession of a virtually infinite complex of artworks. Despite innumerable attempts at artistic overcoming in seeking something new, we cannot say that any configuration can be finite, because it is liable to come back, even though in a renewed form.

What is in this sense the role of contemporary philosophy in the field of aesthetics, more precisely in aesthetics? Philosophy is supposed to be on the track of artistic configurations in that it conceptually grasps them by exploring their status of truth(s). To reflect the truth in its historical coming about therefore means to reveal artistic configurations of a certain period. And indeed we often tend to imagine the general configuration of a certain period by linking the actual process of art with its philosophical interpretation. However, even the artistic configuration itself reflects its own creativity in its artworks. Every artwork is inventive exploration and creation of (artistic) configuration as well as its immediate experience. Art is thus a self-governed creation and reflection of its own truth or truths. However, philosophy is often the one that proclaims, keeps track of and points to the truth of art. But philosophy doesn't create it. Art and philosophy are mutually responsible for their own time; the former because it creates and reflects the truths, and the latter because it reveals and thinks them over.

What kind of art and philosophy does Badiou advocate for future? His theses in the *Third Outline of the Manifesto on Affirmationism* are unbending: art should first of all be withdrawn from every par-

ticularistic approach. This withdrawal is “the modern method of a holistic affirmation of the universal.”¹ The artistic will should turn to anti-romantic, unphysical and impersonal composure and strictness. Badiou's first thesis in the *Manifesto* evinces the affirmation of the artwork, but not its author, since the latter is transitory and subject to particularity, while the artwork as the creator of a new artistic configuration despite its being finite carries within itself specific infinite subjective possibilities. Despite his severe critique of particularity, Badiou thus somewhat shifts the emphasis from artistic configuration as singular multiplicity of artworks to a particular unit of the artwork. Artist is from now on only a medium of truth and its universal message rather than its cause; so that from the moment when the artwork becomes reachable, we are supposed to leave its creator out of account. The only true subject of the artistic truth is therefore the artwork, because this is the only way one can tend towards its universality. If, on the contrary, the artist would be placed to the forefront, especially when he installs himself or performs as the artistic act, we would be forced to treat art — because of its short duration — only as consumption goods. Only when art gets freed from collective and biographical particularities, will it truly become the impersonal and disinterested creation of truth by communicating itself to everyone, to the community, and not only to a limited, particular audience.

Badiou's aesthetical thought also has its limits. The paradigm of the relationship between philosophy and art that he passionately stands for opens up a number of serious issues. This is all the more important because Badiou strives for a balanced, non-patronizing attitude of philosophy towards art, while on the other hand he primarily advocates the

---

¹ Ibid., p. 96.

politically engaged art inclined to the new ways of making sense of the world. Although numerous contemporary artists and philosophers are willing to appreciate his ideological critique of the West, they are rather embarrassed by his rejection of the so-called collective and biographical particularism. They may even have developed an especially ambiguous attitude with Badiou criticizing the role of the body in contemporary art.

Even though Badiou's philosophy of mixing various elements taken from the history of philosophy (from Plato through Hegel, Nietzsche, Marx to Heidegger, Deleuze and onwards) may seem properly postmodern, it does attest to the fact that the postmodern state of mind, at least that with Lyotardian signature, is coming close to an end, no matter how postmodern this may sound. One only needs to remind oneself of how far Lyotard is with his degradation of Marxism (Leninism) as one of grand but outlived modern narratives. In Badiou's philosophy everything that seemed outlived rises from the dead. It seems that philosophy today tends to go back to certain features of modernity, of course with all the insights gained in the last decades considered.

Perhaps we should first of all ask ourselves whether philosophy is still capable of or allowed to give the world promises of any kind?¹ Is the devotedness to a certain truth sufficient for its ontological, ethical, political or aesthetical differentiation from the simulacrum, and therefore a promise of a better tomorrow? Badiou's philosophy promises a great deal and proves with its encouraging attitude highly attractive: although man is subject to transience, he is more than the animal (and nature in general) in that he is capable of thinking and

yearning for infinity and immortality; and it is in this Kantian greatness that lies human *differentia specifica*. According to Badiou, infinite and immortal is also the existential hope for the meaning of human existence, which can be encouraged and strengthened only by the devotedness to a certain truth, regardless of its manner of disclosure. In this sense the devotedness to a certain truth is even more primordial than the quest for truth. This, however, can be perilous for philosophy (a contemporary cynic might have retorted what on Earth isn't perilous in this world), because it may become rather vulnerable and susceptible to every ideology. Devotedness to truth has a correlative in personal commitment. Badiou himself says: "As we know, Nietzsche claimed that creation, the work of philosophy itself is a kind of a portrait, biography of its own author."² In this view every philosopher deconstructs — to put it in Badiouian terms — their own particular biographical traits. Nonetheless philosophical reflection is more than just the articulation of one's own biography, and it is absolutely no doubt that this quest for the possibility of descending from particularity to singularity is the core of Badiou's *oeuvre*.

With ten years of distance we can approve Badiou's attention toward critical dimension of art, not only in a social and political sense, but also in its existential dimension. When the world is in crisis, philosophy and art tend to (re)present existential problems from all points of view: ethnical, national, cultural, including different religions and civilisations, with or not explicit biographical intentions. Badiou announced properly that romantic paradigm of art shouldn't be the art of future. Existential art, founded in times of crisis, was never romantic in a larger sense, except in intimate writings. Although not romantic, art today, f. ex. litera-

¹ This is the main topic of the essay collection *La philosophie au risque de la promesse*, Bayard Editions, Paris 2004, the authors of which are among others Jacques Derrida in Paul Ricoeur.

² Alain Badiou: «L'aveu du philosophe», p. 135.

ture, is very frequently personal, even when it's not really autobiographical. Readers like to recognise real experiences in literature, even though we can doubt about this naive empirical approach to the real. From this point of view, Badiou's return to anti-romantic, unphysical and impersonal art, to somehow neoclassical vision, attracted rather a repulsing debate. Rather than the elimination of author's role, as Roland Barthes already had suggested, we can attest a kind of revival of author, even if a writer's attention is just to seem authentic. On the other hand, a lot of contemporary texts are collage of intimate journal and philosophical essay with the expressive tendency to expose an author's subjectivity, no matter to the modernist problems of the limits of conscience and of unconscious mind. The mixture of literature and philosophy undermines Badiou's key thesis of need of separation between art/literature and philosophy: is a philosophical essay with literary elements creative or just representative? In fact, already the question itself seems absurd. It's interesting that Badiou's predecessors, neither in the period of existentialism (Camus, Sartre, Merleau-Ponty), nor structuralism (Barthes, Deleuze) or later (Derrida, Lyotard), no one of them disapproved a close liaison of philosophy and literature. We can understand Badiou's indignation about philosophical use of art as illustration of its own ideas, but it is hard to agree with his radical degradation of philosophy to a tracking of others truth. When Badiou announces the engaged art, he demands at the same time its impersonality: how one could be, especially as an artist, engaged in that way? Did Avant-garde artists have an impersonal attitude? Even when someone like Brecht wrote about dialectical materialism as a collective idea, he was personally affected by the dilemmas of his living times. So, when Badiou stands up, once again, for modern art, not postmodern any more, his statement is

quite nostalgic, while there was no impersonal modern art, while art is not impersonal at all. Perhaps, it is time to admit how personal is philosophy itself, too.

When criticising the present, it is risky to return back to future, in Badiou's case, to criticise postmodernism with attention to return to modernism, with adding some contradictory attributes. Nevertheless, it is interesting to observe existentialist tendency in contemporary art. There are a lot of similarities: we live in the times of global crisis which opens to the questions concerning a meaning of life, of existence, which provokes feelings of fear and anxiety. Like between and after the First and the Second World War, we are touched by the global problems, connected to terrorism and wars in which participate soldiers from the West countries. Every war opens the questions of respect of human rights, of justice to crime, posttraumatic feelings, etc. In the crisis of nowadays we occupy also with similar problems of poverty, of worker's rights as in the middle of 20. century. In spite of all these similarities our times are deeply different of those times and, once again, we can compare the philosophy of existence (Camus, Sartre, Merleau-Ponty) of the 50ies of 20. century with the actual demands in philosophy, and, of course, in art, but with intention to find not only analogies but also differences. Can we imagine today a success of Sartre's project of freedom, of the existence as a result of our proper choice? It sounds too easy, to naive to our contemporary ears! It is quite similar with the optimistic end of Camus's *Myth of Sisyphus*. We are not prepared to imagine Sisyphus happy any more! On the other hand, it is so tranquillizing, so pleasant to read such solutions in existentialist philosophy of 20.th century! It would be really seducing to simply return to the concepts of existence and essence of that time, but, I prefer to suggest a prudence while comparing different peri-

ods with similar — at least apparently — problems.

Literature

1. Badiou Alain.

Manifeste pour la philosophie, Paris, ed. Seuil,

1989; *Condition.*, Paris, ed. Seuil, 1992.

L'Ethique, essai sur la conscience du mal, Paris,

ed. Hatier, 1993; *Petit manuel d'inesthetique*. Paris,

ed. Seuil, 1998; *Le Siecle*. Paris, ed. Seuil, 2005; *Second manifeste pour la philosophie*. Paris, ed. Fayard, 2009.

2. Deleuze Gilles. *Qu'est-ce que la philosophie?*, en collaboration avec Felix Guattari, Les editions de Minuit (coll. «Critique»). Paris, 1991.

3. Wicks Robert. *Modern French Philosophy*. Oxford 2003.

ИСТИНА ВОЗРАТА БАДЬЮ К ИСКУССТВУ МОДЕРНА

В. Х. Сорчан

Университет Любляны, 1000 Любляна, Республика Словения

Автор обращается к работам французского философа Алена Бадью и его оценке современного умонастроения в искусстве и эстетике, отходя от постмодернизма Лиотара и вновь обращаясь к модернизму, принимая при этом в расчет идеи, возникшие в последние два десятилетия. Основной темой является критика Бадью эстетического и политического статуса истины в постмодернизме, а также новое обращение к ключевым философским понятиям, в первую очередь — понятию истины. Дается оценка установкам Бадью в контексте широкой рефлексии эстетических и этических аспектов нашего времени, название которому в философии — постоянное яблоко раздора.

Ключевые слова: Бадью; истина; модернизм; постмодернизм; экзистенциализм; литература; кризис

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.613.4:2-186

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ СТРАХА СМЕРТИ: ЗАЩИТНЫЙ
МЕХАНИЗМ ИЛИ КОГНИТИВНАЯ НАГРУЗКА?*****С.А. Щебетенко***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: shebetenko@rambler.ru

В статье обсуждается проблема интерпретации эффектов, получаемых в ходе исследований, выполненных в рамках теории управления страхом смерти. Установлено, что эффекты мыслей о собственной смерти на социальное познание могут объясняться не защитными механизмами, как предполагают авторы теории, а более операционализируемой и понятной эмпирически когнитивной нагрузкой. Рассматриваются результаты исследований, косвенно поддерживающих выдвигаемое предположение.

Ключевые слова: социальное познание; теория управления страхом смерти; когнитивная нагрузка; социальные установки; восприятие аут-групп

Несмотря на, казалось бы, достаточно отстраненное от социального познания название, теория управления страхом смерти (Terror Management Theory; ТМТ) [11] занимает весьма заметное место в ряду современных социально-психологических концепций. За последние четверть века в рамках ТМТ выполнено огромное количество эмпирических исследований. Так, Burke, Martens and Faucher [4] представили результаты мета-анализа, включившего в себя 277 исследований, содержание которых изложено в 164 статьях, опубликованных на английском языке. Исследования ТМТ проводятся не только в США, но и в странах Европы и Латинской Америки, Израиле, Австралии, Китае и Японии. Интерес к ТМТ обусловлен ее устойчивыми, хорошо воспроизводимыми эмпирически, по-

ложениями. В целом ТМТ утверждает, что активация мыслей о смерти (mortality salience) увеличивает ин-групповой фаворитизм и аут-групповую предубежденность.

Чем объясняют сторонники ТМТ ее устойчивые социально-психологические эффекты? Преимущественно они связывают их с эффектами психологических защит, предполагая, что уникальность человека наряду с прочим обусловлена способностью рефлексировать не только свою жизнь, но и неизбежность своей смерти. На фоне действия универсального инстинкта самосохранения мысли о собственной смерти и ее безысходности поистине ужасны. Поэтому, рассуждают авторы, чтобы каким-то образом защитить себя от неизбежности смерти, индивиды либо стараются не думать о ней

как о релевантном для своей жизни событии, относя его в неопределенное будущее. В случае затруднений с такой защитой индивиды либо верят в то, что какие-либо важные аспекты их личности в принципе не подвержены физической смерти — буквально (напр., вера в загробную жизнь) или символически (напр., акцентируясь на продолжении своей жизни в детях, идеях, продуктах творчества и социальных институтах) [4; 11]. При активации мыслей о смерти значение этих символических способов продления жизни существенно возрастает.

Технически активация мыслей о смерти в качестве независимой переменной осуществляется посредством ряда процедур: праймированием (priming), т.е. подпороговой активацией посредством предъявления на сотни миллисекунд слов, связанных со смертью, перед основным стимулом [3], заполнения специального вопросника, просмотра или прочтения различных сообщений, релевантных теме смерти [5]. Однако преимущественной формой манипуляции мыслей о смерти является написание эссе, связанного с собственной смертью [17].

В целом, сторонники ТМТ утверждают, что активация мыслей о смерти, вызывая у индивида реакцию защитного типа, в сфере социального восприятия приводит к росту не только фаворитизма в отношении ин-группы, но и негативных предубеждений в отношении аут-групп.

В качестве примеров эмпирических свидетельств можно отметить следующие: наблюдались оценочное обесценивание и поведенческое избегание членов гендерных, этнических и сексуальных аут-групп [5; 9; 16], более негативные суждения о тех, кто нарушает социокультурные нормы, и более позитивные суждения о тех, кто эти нормы поддерживает [8], увеличение привлекательности тех, кто высоко

оценивает мировоззрение индивида и снижение привлекательности тех, кто его критикует [12], усиление агрессивности в отношении тех, кто противодействует убеждениям индивида [14], усиление этноцентрических установок [15].

Преимущественно утверждается, что эффекты мыслей о смерти являются уникальными в своем социально-психологическом действии. Однако периодически совершаются попытки продемонстрировать, что предсказания ТМТ вполне могут быть частным случаем относительно процессов социального познания более широкого плана. В частности, Burriss and Rempel [5] предположили, что смерть можно рассматривать не как уникальное во всех отношениях событие, а как частный случай так называемых пространственно-символических угроз (spatial-symbolic threats). Сохранив психодинамическую идею психологических защит, авторы утверждают, что индивид должен увеличивать субъективную привлекательность ин-групп и отторжение аут-групп в ответ на любой стимул, нарушающий стабильность символического мироустройства. Смерть, в этом смысле, есть лишь один из таких стимулов.

Для эмпирической демонстрации этого предположения Burriss and Rempel [5] берутся за воспроизведение эффектов, полученных независимо от них Schimmel, Simon, Greenberg, Pyszczynski, Solomon, Waxmonsky, & Arndt [18]. Последними было обнаружено взаимодействие факторов мыслей о смерти и стереотипности/контр-стереотипности образа гомосексуалиста. Под контр-стереотипностью здесь понимается расхождение характеристик индивида с существующим набором клише применительно к его социальной группе. Например, контр-стереотипный гей может интересоваться плотническим делом и хоккеем в противовес, например, изящным искусствам. В результате

Schimel et al. [18] показали, что активация мыслей о своей смерти вызывает у участников исследования преимущественно негативные оценки как раз контр-стереотипных геев в сравнении со стереотипными. Burriss and Rempel [5] осуществляют эксперимент межгруппового плана 2 (активация мыслей о смерти: да, нет) x 3 (угроза: смерть, другая пространственно-символическая угроза; контроль), полагая, что (а) им удастся повторить эффект Schimel et al. [18], а также (б) в состоянии «другой пространственно-символической угрозы» получить оценки гомосексуалиста, не отличающиеся от тех, которые наблюдаются в состоянии активации мыслей о смерти.

Для элиминирования предполагаемого побочного эффекта формы независимой переменной в каждом из трех состояний угрозы авторы используют однотипные «научно-популярные» тексты, в которых описывается существование трех видов насекомых: древесных жуков (контроль; не представляют символической угрозы для Я индивида и не ассоциированы со смертью), вымышленного вида трупных жуков (ассоциированы со смертью и, следовательно, гипотетически также представляют собой символическую угрозу для Я индивида), пылевых клещей (не ассоциированы со смертью, но представляют пространственно-символическую угрозу для Я индивида, поскольку незаметно для глаз в огромном количестве населяют такую интимную составляющую нашей жизни, как постель).

Основное взаимодействие оказалось статистически близким к значимому: $F(2, 94)=2.70$, $p=.08$. Действительно (рис. 1), отношение к контр-стереотипному гею, вызывавшему скорее симпатию у респондентов в контрольном состоянии, существенно ухудшилось в двух экспериментальных условиях. При этом оценка

стереотипного гомосексуалиста даже несколько возросла от контрольного состояния к двум экспериментальным.

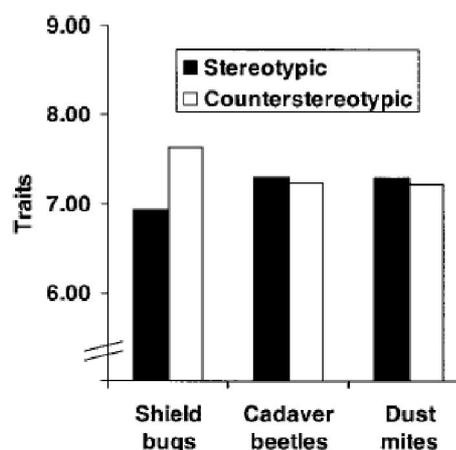

Рис. 1. Оценка черт личности гомосексуалиста как функция взаимодействия типа угрозы и стереотипности индуцированного образа гомосексуалиста (цит. по: Burriss & Rempel, 2004; American Psychological Association): Traits — оцениваемые черты личности предъявленного образа гомосексуалиста; Stereotypic/Counterstereotypic — стереотипный/контр-стереотипный образ гомосексуалиста; Shield bugs — состояние предъявления текста о древесном жуке; Cadaver beetles — состояние предъявления текста о «трупном жуке»; Dust mites — состояние предъявления текста о пылевом клеще

В целом, можно констатировать, что идея Burriss and Rempel [5], получила свою поддержку в рамках отдельного эксперимента: предъявление текстов о пылевых клещах, существах, представляющих в логике авторов лишь символическую угрозу, сопряжено с теми же изменениями в установках на члена аут-группы, что и предъявление стимула, активирующего мысли о смерти.

Результат, полученный Burriss and Rempel [5] вдохновляет на постановку еще более радикального предположения касательно эффектов ТМТ. Возможно, что для объяснения ее эффектов можно обойтись без подключения концепта

психологических защит, в рамках объяснительного принципа которых остаются Burriss and Rempel [5]. Возможно, что рассматриваемые эффекты социального восприятия обусловлены не «защитными механизмами», а ограничением когнитивных ресурсов при обработке соответствующей социальной информации. Так, например, известно, что аут-групповые предубеждения могут проявляться как на сознательном, самоотчетном, уровне (эксплицитные, контролируемые стереотипы), так и на не тестируемом самоотчетами уровне (имплицитные, автоматические стереотипы; напр. [6; 7]). Принцип диагностики имплицитных стереотипов при этом основан на создании условий, ограничивающих обычную для индивида обработку стимульного сообщения (например, вместо вопроса при диагностике используют скоростные показатели [13; 20]).

В этой связи можно предположить, что обработка угрожающей и в целом необычной информации обеспечивается достаточным подключением когнитивных ресурсов. Это, как следствие, ограничивает возможности сознательного контроля социальных суждений, что, в частности, может выражаться в более негативных суждениях об аут-группах и благоприятных суждениях об ин-группах даже при диагностике самоотчетами. И именно последнее обстоятельство является первопричиной эффектов, объяснить которые призваны ТМТ и пространственно-символическая гипотеза Burriss and Rempel [5]. В этом случае мы должны ожидать обнаружение эффектов, схожих с рассмотренными выше, и при манипулировании эмоционально нейтральной когнитивной нагрузкой, не предполагающей «включения защитных механизмов».

Социально-психологические эффекты когнитивной нагрузки достаточно регулярно исследуются [2; 10; 19]. В целом показано, что когнитивная нагрузка (обычно манипулируемая посредством удержания в памяти 7-8-9-10-значного числа параллельно выполнению основного задания) способствует активации стереотипов в социальном восприятии. Однако, насколько нам известно, предсказания ТМТ рассматриваются независимо от когнитивной нагрузки. Нам известна единственная работа, в которой оценивается взаимодействие эффектов активации мыслей о смерти и когнитивной нагрузки [2]. Однако в этом исследовании не рассматриваются приложения ТМТ в области межгруппового восприятия. В то же время, результаты Arndt et al. [2; исследование 2] свидетельствуют в пользу того, что активация мыслей о смерти и когнитивная нагрузка действуют однонаправленно.

Другой предпосылкой будущего исследования может быть проведенное мной исследование установок на иммигрантов в Россию как функции взаимодействия когнитивной нагрузки и стереотипности/контр-стереотипности индуцированного образа иммигранта [1]. Исследование было проведено на выборке более 200 человек с существенным возрастным разбросом (ANCOVA с включением возраста в качестве континуального предиктора существенно не изменила достоверность рассматриваемого ниже основного взаимодействия). Взаимодействие стереотипности образа с когнитивной нагрузкой было значимым, $F(1, 211)=7.89, p=.005$ (рис. 2), а в своей интерпретации полностью согласовывалось с ранее обсуждавшимися результатами Schimmel et al. [18] и Burriss and Rempel [5].

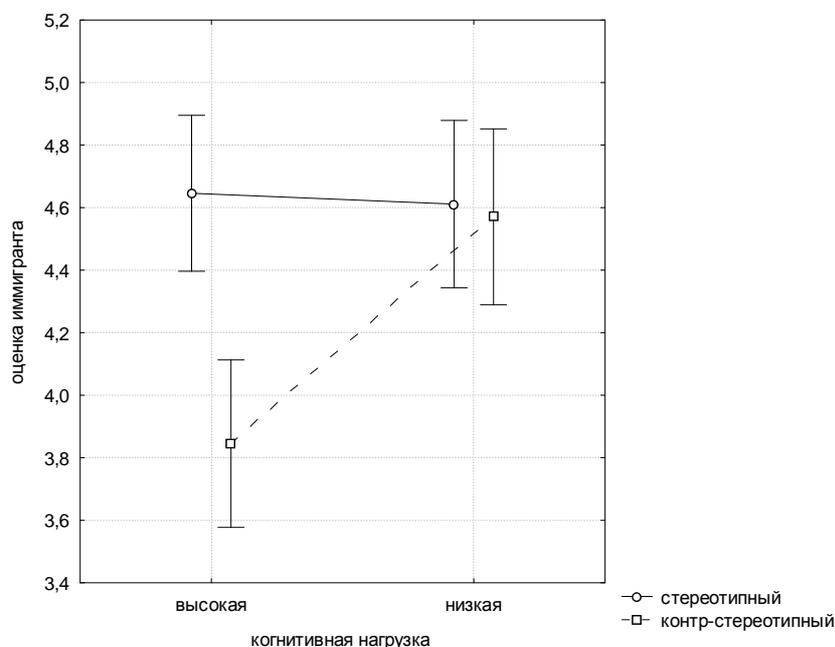

Рис. 2. Оценка иммигранта в Россию россиянами как функция когнитивной нагрузки и стереотипности образа иммигранта: Стереотипный/контр-стереотипный — стереотипный/контр-стереотипный образ иммигранта

Как и активация мыслей о смерти, как и пространственно-символическая угроза в терминах Burriss and Rempel [5], когнитивная нагрузка делала более негативной оценку контр-стереотипного иммигранта и не сказывалась на оценке стереотипного (и даже, как и в приведенных выше работах, незначительно улучшала!).

Как обсуждалось нами ранее [1], контр-стереотипность члена аут-группы может также выступать как фактор, в силу своей неожиданности требующий глубокой центральной обработки, что при взаимодействии с высокой когнитивной нагрузкой может вызывать на первый взгляд парадоксальный эффект: член аут-группы, похожий на члена ин-группы, перестает нравиться. Его «принятие» (идентификация) требует существенного осмысления, что при ситуативно вызванном дефиците когнитивных ресурсов способно вызвать негативную оценочную реакцию. На интроспективном уровне сложность обработки такого нестандартного

образа может сопровождаться «недоумением» и даже «раздражением».

Следует отметить, что приведенная выше интерпретация полученных результатов остается косвенной. Требуется планирование исследования, тестирующего предположение о том, что активация мыслей о смерти и других символических угроз (в терминах Burriss & Rempel [5]) также способны вызвать ситуативное ограничение когнитивных ресурсов в сравнении с контрольными условиями. В этой связи мы планируем исследование, в котором в качестве зависимой переменной будет выступать загруженность рабочей памяти индивида, а в качестве независимых предикторов — активация мыслей о смерти, других пространственно-символических угроз [5], а также контрольное состояние. Если описанные в этой работе догадки имеют смысл, мы должны получить главный эффект активации мыслей о смерти и других пространственно-символических угроз на объем рабочей памяти (в сравнении с кон-

трольным состоянием). Кроме того, мы предполагаем отсутствие различия между состояниями активации мыслей о смерти и другой пространственно-символической угрозы.

Список литературы

1. *Щебетенко С.А.* Восприятие иммигрантов россиянами: эффекты когнитивной нагрузки, стереотипности и черт личности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 28-38.
2. *Arndt J., Cook A., Goldenberg J.L., & Cox C.R.* Cancer and the threat of death: The cognitive dynamics of death-thought suppression and its impact on behavioral health intentions // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. № 92. P. 12-29.
3. *Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., & Solomon S.* Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural worldview // Psychological Science. 1997. № 8. P. 379-385.
4. *Burke B.L., Martens A., & Faucher E.H.* Two decades of Terror Management Theory: A meta-analysis of mortality salience research // Personality and Social Psychology Review. 2010. № 14. P. 155-195.
5. *Burris C.T., & Rempel J.K.* It's the end of the world as we know it: Threat and the spatial-symbolic self // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. № 86. P. 19-42.
6. *Devine P. G.* Stereotypes and prejudice: Their automatic and controlled components // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. №56. P. 5-18.
7. *Fazio R. H., Jackson J. R., Dunton B. C., & Williams C. J.* Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 69. P. 1013-1027.
8. *Florian V., & Mikulincer M.* Fear of death and the judgment of social transgressions: A multidimensional test of terror management theory // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 73. P. 369-380.
9. *Florian V., & Mikulincer M.* Terror management in childhood: Does death conceptualization moderate the effects of mortality salience on acceptance of similar and different others? // Personality and Social Psychology Bulletin. 1998. № 24. P.1104-1112.
10. *Gilbert D. T., & Hixon J. G.* The trouble of thinking: Activation and application of stereotypic beliefs // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. №60. P. 509-517.
11. *Greenberg J., Pyszczynski T., & Solomon S.* The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory // R. F. Baumeister (Ed.), Public self and private self. New York: Springer, 1986. P.189-212.
12. *Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Rosenblatt A., Veeder M., Kirkland S., & Lyon D.* Evidence for terror management: II. The effects of mortality salience on reactions to those who threaten or bolster the cultural worldview // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. № 58. P.308-318.
13. *Greenwald A. G., Nosek B. A., & Banaji M. R.* Understanding and using the Implicit Association Test: I. An improved scoring algorithm // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. № 85. P.197-216.
14. *McGregor H., Leiberan J., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Simon L. & Pyszczynski T.* Terror management and aggression: Evidence that mortality salience promotes aggression against worldview-threatening individuals // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. № 74. P. 590-605.
15. *Navarrete C. D. & Fessler D. M. T.* Disease avoidance and ethnocentrism: The effects of disease vulnerability and disgust sensitivity on intergroup attitudes // Evolution and Human Behavior. 2006.
16. *Nelson L. J., Moore D. L., Olivetti J., & Scott T.* General and personal mortality salience and nationalistic bias // Personality and Social Psychology Bulletin. 1997. № 23. P.884-892.
17. *Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., & Lyon D.* Evidence for terror management theory I: The effects of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. № 57. P. 681-690.
18. *Schimmel J., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Waxmonsky J., & Arndt J.* Stereotypes and terror management: Evidence that mortality salience enhances stereotypic thinking and preferences // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 77. P. 905-926.
19. *Wegner D. M., Erber R., & Zanakos S.* Ironic processes in the mental control of mood and mood-related thought // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. № 65. P.1093-1104.
20. *Wittenbrink B., Judd C. M., & Park B.* Evidence for racial prejudice at the implicit level and its relationship with questionnaire measures // Journal of Personality and Social Psychology. 1997. № 72. P.

**SOCIAL EFFECTS OF MORTALITY SALIENCE: DEFENCE MECHANISM OR
COGNITIVE LOAD?**

S.A. Shchebetenko

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The interpretation of Terror Management Theory (TMT) effects on social attitudes is discussed. It is assumed that effects of mortality salience on attitudes toward various social groups can be explained by well-established empirically cognitive load instead of defence mechanisms which are widely proposed as an explanatory principle by TMT researchers. Several studies which indirectly support the assumption are considered.

Keywords: social cognition, Terror Management Theory, cognitive load, social attitudes, out groups perception

УДК 159.923.2

ПРОЯВЛЕНИЕ РАЗНЫХ ФОРМ АКТИВНОСТИ ПЕДАГОГА В СТИЛЕ ОБЩЕНИЯ

А.Г. Исмаилова

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: agis43@yandex.ru

Рассматривается новый подход в исследовании стиля педагогического общения — полисистемное изучение в русле теории интегральной индивидуальности и метаиндивидуального мира. Стиль общения представлен как механизм, обеспечивающий взаимодействие трех систем метаиндивидуального мира: «педагог», «ребенок», «общество». Выделены четыре формы активности, проявляющиеся в стиле педагогического общения, в зависимости от функциональных позиций взаимодействующих систем: информативная, презентативная, перцептивная, фасилитативная.

Ключевые слова: полисистемный подход; стиль педагогического общения; системы метаиндивидуального мира; формы активности; ситуации общения; виды общения

Понимание Л.Я. Дорфманом [2] метаиндивидуального мира как специфической области взаимодействий индивидуальности с фрагментами социальной действительности позволяет выделить разные формы активности, проявляющиеся в стиле педагогического общения (СПО).

Согласно теории метаиндивидуального мира индивидуальность педагога, индивидуальность ребенка и общество можно определить как относительно самостоятельные, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, имеющие собственную логику существования и развития. Педагогическое общение в этом случае можно рассматривать как активное взаимодействие трех систем: «педагог», «ребенок», «общество». Необходимость выделения системы «педагог» и системы «ребенок» определяется сущностью педагогического общения. Выделение системы «общество» можно обосновать исходя из сущности педагогической деятельно-

сти. Педагогическая деятельность специфическая, она вызвана необходимостью воспроизводства социально выработанного опыта человечества, воспроизводства системы образцов поведения, сознания людей, а также других материальных и духовных ценностей в жизни общества. Педагог, как активный субъект профессиональной деятельности, выступает в этом случае как носитель этого опыта. Он приобщает ребенка к культурно-историческому опыту общества. Поэтому при изучении педагогического общения как взаимодействия систем метаиндивидуального мира нельзя не выделить и систему, характеризующую человеческое общество в целом, членом которого являются и педагог, и ребенок (условно — система «общество»).

Интегральное исследование стиля педагогического общения в этом случае определяет своей предметной областью три фрагмента ре-

альности — свойства индивидуальности, взаимодействие индивидуальности и социальной действительности, социальная действительность как таковая [3]. В качестве фрагментов социальной действительности в контексте педагогического общения выступают индивидуальность ребенка (индивидуальности детей) и общество, цели и ценности которого реализует педагог в общении с ребенком. Таким образом, рассматривая метаиндивидуальный мир как полисистему, складывающуюся из множества разнообразных систем, представляющих объекты этого мира или фрагменты социальной действительности, мы выделяем из всего множества систем метаиндивидуального мира только три — систему «педагог», систему «ребенок» и систему «общество». Индивидуальность педагога, индивидуальность ребенка и общество рассматриваются нами как относительно самостоятельные, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы, имеющие собственную логику существования и развития. Но в то же время система «педагог», система «ребенок» и система «общество» — это взаимодействующие образования, которые являются взаимопроницаемыми и взаимопроницаемыми одновременно.

Своеобразие их попарного взаимодействия обусловлено двойственностью качественной определенности этих систем: в отношениях между собой они выступают одновременно как самостоятельные системы и как подсистемы друг друга. Взаимодействие этих трех систем рассматривается нами как включенное в контекст реализации педагогом по отношению к ребенку (детям) своей профессиональной функции, т.е. в контекст не просто общения, а именно педагогического общения. В этом случае речь идет о непосредственном активном взаимодействии двух систем — «педагог» и «ребенок», одновременно опосредованном

взаимодействием систем «педагог» и «общество».

Стиль педагогического общения отражает своеобразие этого взаимодействия в рамках конкретной индивидуальности педагога и представляет собой относительно устойчивую систему способов и приемов педагогического общения, осуществляемого в самых разнообразных ситуациях реализации воспитателем своей профессиональной деятельности в конкретной социальной общности.

Своеобразие рассмотрения стиля педагогического общения в рамках концепции метаиндивидуального мира, соединяющей в себе системный и интерактивный подходы, заключается в том, что система «педагог», система «ребенок», система «общество» являются одновременно и независимыми, и зависимыми, взаимопроницаемыми и взаимообособляющимися, изменяющие другие системы и изменяемыми под их влиянием. Такой подход позволяет характеризовать взаимоотношения системы «педагог», системы «общество» и системы «ребенок» действенностью, с одной стороны, и взаимностью действий (со-действий) — с другой. Он позволяет не упустить из поля зрения проблему самобытности взаимодействующих систем [2], субъектность этих объектов метаиндивидуального мира.

Принцип, определяющий своеобразие существования метаиндивидуального мира, принцип двойственности качественной определенности, проявляющийся во взаимодействии и системы «педагог», и системы «ребенок», и системы «общество»: в отношениях между собой они выступают одновременно как самостоятельные системы и как подсистемы друг друга, позволяет различать виды активности педагога, проявляющиеся в педагогическом общении.

Характеризуя различные формы активности, проявляющиеся в педагогическом обще-

нии, отметим, что в дальнейшем речь будет идти только об активности педагога, так как предметом данного исследования является стиль педагогического общения педагога как субъекта этой активности. При этом ни коим образом не умаляется роль ребенка, его позиция как субъекта во взаимодействии с педагогом. Активность ребенка в общении с педагогом — это предмет отдельного исследования.

Основанием для различения активности педагога в педагогическом общении могут служить функциональные позиции взаимодействующих систем, источники, порождающие эту активность, и функции активности, которые она выполняет, обеспечивая это взаимодействие. Рассмотрим разные формы активности, проявляющиеся в педагогическом общении. При характеристике разных форм активности были использованы существующие в психологии виды общения: ролевое и личностное [1; 4]. Своеобразие педагогического общения проявляется в том, что эти два вида общения в нем оказываются тесно связанными друг с другом, взаимно переплетаются, взаимодополняя и взаимообогащая друг друга.

Рассмотрим ситуации взаимодействия систем, инициирующих проявление разных форм активности педагога в стиле педагогического общения.

Ситуация 1. Ролевое общение. В этом случае имеет место взаимодействие системы «педагог» и системы «ребенок», опосредованное взаимодействием системы «педагог» с системой «общество». Другими словами, в этом варианте система «педагог» одновременно выступает и как самостоятельная система по отношению к своей подсистеме «ребенок», и как подсистема самостоятельной системы «общество». Педагог в ролевом общении выступает в роли педагога, на которого общество возложило определенную функцию — функцию воспитания подрастающего поколения, в широком

смысле слова, как передачи культурно-исторического опыта, представленного знаниями о предметах и явлениях окружающей действительности, как материальной, так и социальной. Педагог транслирует опыт ребенку, передает его в виде определенной информации. Общение в этом случае выполняет коммуникативную функцию или информативную [1]. Источник активности, реализуемой в педагогическом общении в этом варианте, находится в пространстве взаимодействия двух систем — «общества» и «педагога», можно, вероятно, даже говорить о том, что эта активность педагога побуждается системой «общество», подсистемой которой «педагог» является. Она вызывается потребностью педагога выполнить как можно лучше роль, возложенную на нее обществом. Благодаря этой активности подсистема «педагог» «пристраивается» к требованиям системы «общество» с одной стороны, а с другой — «пристраивает» к себе, уже как системе, подсистему «ребенок». Вектор этой активности направлен от общества к ребенку через педагога. По функции, которую она выполняет в общении, ее можно назвать условно **информативная активность**.

Ситуация 2. Личностное общение. В этой ситуации участники общаются как личности, при этом «движущей силой» такого общения становится та ценность, которую его партнеры представляют друг для друга [5]. Сначала рассмотрим вариант, когда личность педагога является ценностью и его активность в общении направлена на приобщение ребенка к этой ценности. В этом случае система «педагог» выступает как самостоятельная система, а система «ребенок» — как ее подсистема, т.е. СПО характеризует взаимодействие системы «педагог» с подсистемой «ребенок». Отметим, что активность обусловлена потребностью педагога, предмет которой находится во «внутреннем пространстве» его индивидуальности, потреб-

ностью в персонализации [7; 8]. Педагог иницирует эту активность с целью трансляции себя, своих ценностей, своей личности в другом, в ребенке. Он стремится персонализировать свою личность в ребенке, продолжить себя в нем. Эта активность направлена на приобщение ребенка к ценностям педагога, его личности, на реализацию одной из важных профессиональных потребностей педагогов — потребности в генеративности. Благодаря этой активности система «педагог» «пристраивает» к себе подсистему «ребенок». Вектор этой активности направлен от педагога к ребенку, что позволяет назвать ее условно как **интраактивность**, т.е. активность, порождаемая интраиндивидуальностью педагога или собственно индивидуальностью, или же **презентативная активность**.

Ситуация 3. Та же **ситуация личностного общения**. Ценностью, побуждающей общение, здесь выступает личность ребенка. Функциональные же позиции систем, взаимодействующих в общении, представлены следующим образом: система «ребенок» выступает как самостоятельная система, а система «педагог» — как ее подсистема, т.е. СПО характеризует взаимодействие подсистемы «педагог» с системой «ребенок». В этом случае активность порождается потребностью, предмет которой находится во «внешнем пространстве» индивидуальности педагога, — это личность ребенка. Она представляет определенный интерес для педагога как партнера по общению и направляет активность педагога на познание ребенка с целью эффективного взаимодействия. В этой ситуации система «ребенок» побуждает подсистему «педагог» подстраиваться к себе. Успешность этой «пристройки» во многом определяется активностью педагога, направленной на познание ребенка. Педагог воспринимает личность ребенка, его внутренний мир, его переживания, чувства, убеждения, т.е. то, что осознается субъектом как его индивидуальное

психическое Я, с тем, чтобы учесть их в процессе взаимодействия с ним и строить общение с ребенком как с субъектом. Вектор этой активности направлен от ребенка к воспитателю, т.е. ее источник находится во «внешнем пространстве» или в пространстве межиндивидуальных связей [7]. Вышеизложенное позволяет назвать этот вид активности как **«интерактивность»** или **перцептивная активность**.

Ситуация 4. Снова **ситуация личностного общения**. Но в этом случае предметом анализа выступает сама ситуация взаимодействия двух систем «педагог» и «ребенок», независимо от их функциональных позиций, т.е. она может иметь место в обеих ситуациях их взаимодействия. В данном случае активность, порождаемая самой ситуацией взаимодействия систем «педагог» и «ребенок», направлена на создание эмоционально-психологического пространства общения, обеспечивающего эмоциональное благополучие партнеров, переживание эмоционального комфорта во взаимодействии друг с другом. В этой активности проявляются фасилитативные способности педагога, направленные на ребенка, «помогающие» общению [9], способствующие его эмоциональной стимуляции, разрядке, облегчению или, иными словами, созданию социально-значимого аффективного отношения партнеров друг к другу. Благодаря этой активности ребенок начинает иначе относиться к педагогу, испытывает симпатию к нему, чувство уважения, благодарности. Вектор этой активности находится во «внешнем пространстве» индивидуальности педагога — пространстве взаимодействия педагога и ребенка. Функции, роль этой формы общения во взаимодействии двух систем — «педагог» и «ребенок» позволяют назвать ее как **аффективная активность** или **фасилитативная активность** [6].

Естественно, что в реальной ситуации общения системы «педагог», «ребенок» и «обще-

ство» находятся в непрерывном взаимодействии, что ведет к попеременному изменению их позиций и соответственно смене форм активности. В реальном процессе общения эти четыре ситуации неразделимы, они находятся между собой в отношениях взаимодополнительности, т.е. гармонично дополняют друг друга. Воспитывая ребенка, общаясь с ним в процессе реализации своей профессиональной педагогической деятельности, педагог стремится приобщить ребенка к культурно-историческому опыту, знаниям, к ценностям общества, которое он представляет в рамках своей профессии. Но воспитать личность, ее самосознание, ее мировоззрение, ее отношение к другим и самой себе, только передавая ей определенные знания, формируя конкретные навыки и умения, нельзя. Личность ребенка воспитывается личностью педагога, именно она призвана «оставить свой след» в личности ребенка, на что неоднократно указывали известные педагоги и психологи прошлого. Вместе с тем воспитание не может абстрагироваться от личностных особенностей воспитуемого, оно всегда обращено к нему именно как к личности, как к субъекту, как к уникальному и полноправному партнеру в общении [4]. В связи с этим педагог не может не познавать индивидуальности ребенка, именно познание и знание индивидуальных особенностей ребенка позволяют педагогу выстроить процесс общения с ним адекватно этим особенностям. Но в то же время эффективность общения, эффективность реализации всех его функций (как ребенок будет усваивать ту информацию, которую преподносит ему педагог, как ребенок будет относиться к личности педагога, к его ценностям, как ребенок будет «раскрываться» перед педагогом) во многом определяется той эмоциональной атмосферой, которая складывается в общении. Следовательно, в процессе педагогического общения происходит попеременное изменение позиций педагога и

ребенка, что ведет к проявлению в общении разных форм активности, реализующих разные функции педагогического общения.

Выводы. Полисистемное изучение стиля педагогического общения в русле системного и интерактивного подходов, рассматриваемого с позиций теории метаиндивидуального мира, позволяет рассматривать его как механизм, обеспечивающий взаимодействие трех систем метаиндивидуального мира: «педагог», «ребенок» и «общество», включенных в контекст реализации педагогом своих профессиональных функций.

Психологическое изучение стиля педагогического общения в русле теорий интегрального исследования индивидуальности и метаиндивидуального мира предполагает рассмотрение его путем выделения разных формы активности общения: информативной, генеративной, перцептивной и фасилитативной.

Своеобразие этих форм активности определяется разными функциональными позициями взаимодействующих систем, источниками их порождающими, функциями активности во взаимодействии систем:

- информативная активность проявляется в ситуации, когда система «педагог» одновременно выступает и в качестве подсистемы системы «общество» и системы по отношению к подсистеме «ребенок», ее источником является система «общество», реализация этой формы активности направлена на трансляцию духовно-практического богатства общества;
- презентативная активность проявляется в ситуации, когда система «педагог» занимает позицию системы, а система «ребенок» — ее подсистемы, источник активности находится в индивидуальности педагога, т.е. она направлена на персонализацию личности педагога, его ценностей в ребенке, на продолжение себя в другом;

- перцептивная активность имеет место в ситуации, когда система «ребенок» выполняет роль системы, а система «педагог» выступает как ее подсистема, ее источник находится в ребенке, т.е. направлена она на познание ребенка, как субъекта общения;
- фасилитативная активность проявляется при взаимодействии систем «педагог» и «ребенок» в обоих вариантах, ее источник находится в пространстве взаимодействия этих систем, она направлена на обеспечение эмоционально-психологического комфорта партнерам этого взаимодействия.

Процесс общения педагога с ребенком рассматривается как процесс непрерывного изменения их позиций, что соответственно находит отражение в изменении форм активности.

Проявление разных форм активности во взаимодействии системы «педагог», системы «ребенок» и системы «общество», основанном на принципе двойственности качественной определенности, является иллюстрацией одного из конституирующих признаков метаиндивидуального мира — «полифоничности активности».

Список литературы

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1988. 432 с.
2. Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир. М., 1993. 456 с.
3. Исмагилова А.Г. Психология стиля педагогического общения: Полисистемное исследование: монография / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. 272 с.
4. Каган М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений. М., 1988. 319 с.
5. Каган М.С., Эткин А.М. Общение как ценность и как творчество // Вопр. психол. 1988. № 4. С. 25-34.
6. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. М., 1998. 200 с.
7. Петровский А.В. Возможности и пути построения общепсихологической теории личности // Вопр. психол. 1987. № 4. С. 30-44.
8. Петровский А.В., Петровский В.А. Категориальная система в психологии // Вопр. психол. 2000. № 5. С. 3-17.
9. Rogers C. Freedom to learn for the 80's. Columbus-Toronto-London-Sydney: ch. E. Merrill Publ. Company, A Bell & Howell Company, 1983. 312 p.

THE MANIFESTATION OF VARIOUS FORMS OF PEDAGOGUE'S ACTIVITY IN COMMUNICATION STYLES

A.G. Ismagilova

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

A new approach toward styles of pedagogical communications is considered. The approach implies polysystemic research according to the principles of integral individuality and metaindividual world theory. Communication style is introduced as a mechanism supplying an interaction of three systems of metaindividual world: "pedagogue", "child", and "society". Four forms of activity are singled out which exhibit themselves in styles of pedagogical communication subject to functional positions of interacting systems: informative, presentative, perceptive, and facilitative.

Key words; polysystemic approach, style of pedagogical communication, systems of metaindividual world, forms of activity, communicative situations, kinds of communication

УДК 159.9:378.12

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ О ПРОФЕССИОНАЛЬНО
ВАЖНЫХ КАЧЕСТВАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ******В.А. Толочек, С.Ю. Жданова***

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: svitlana@perm.raid.ru

Представлены результаты исследования аспектов образовательной среды вуза, изучаются ее особенности и специфика. Установлены существенные различия в представлениях о профессионально важных качествах преподавателя у студентов и преподавателей. В качестве значимых качеств преподавателя студенты называют: знание преподавателем своего предмета, широкий кругозор, владение методикой преподавания; преподаватели – компетентность, знание своего предмета, свойства личности, значимые для успешной организации учебного процесса (пунктуальность, ответственность), коммуникативные особенности (взаимодействие с аудиторией).

Ключевые слова: образовательная среда; социальный компонент образовательной среды; профессионально важные качества; компетенции преподавателя

В контексте изучения проблем психологии взаимодействия человека с окружающей средой особую актуальность приобретает вопрос о специфике образовательной среды вуза.

В отечественной психологии Л.С. Выготский одним из первых рассмотрел вопрос о взаимодействии человека со средой, придавая особое значение изучению ее влияния на развитие личности ребенка [6;7]. Проблема среды обсуждалась также в работах А.Н. Леонтьева [5]. В отличие от Л.С. Выготского, по мнению которого понятие среды абстрактно, Леонтьев считал, что предмет в пространственном окружении человека можно соотносить со средой только в том случае, если он рассматривается по отношению к человеку как субъекту дея-

тельности. Сам по себе этот предмет в качестве среды определяться не может [5;7].

В.И. Панов, исследуя историю вопроса, отмечает, что интерес к проблеме психологии окружающей среды спустя некоторое время после работ Выготского и Леонтьева был утрачен и вновь возникает лишь в 90-е гг. благодаря исследованиям В.В. Рубцова, В.П. Лебедевой, В.А. Орлова, В.И. Панова, В.А. Ясвина, В.И. Слободчикова [3; 7;8;9;14;15].

Понятие «образовательной среды» и ее структура впервые были представлены в работе В.А. Ясвина (1997). Сегодня данное понятие используется достаточно широко, однако, несмотря на активный интерес исследователей к данной проблеме, до сих пор нет единого по-

---

© Толочек В.А., Жданова С.Ю., 2010

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ совместно с ИПРАН, г. Москва (2009-2010 гг.) «Профессиональное становление субъекта в социономических профессиях» (грант № 09-06-00199а)

нимания феномена образовательной среды, ее структуры, основных функций.

В.А. Ясвин определяет «образовательную среду как «систему влияний и условий формирования личности, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении» [14. С.11-12].

В основе данного подхода лежит экологический подход к восприятию Дж. Гибсона, в соответствии с которым окружающая среда рассматривается как среда обитания, понимается как совокупность возможностей окружающего мира, обеспечивающих или препятствующих удовлетворению жизненных потребностей индивида [1].

С точки зрения В.А.Ясвина, образовательная среда потенциально обладает развивающим эффектом и включает в себя наряду с психодидacticеским пространственно-предметный (помещения для занятий и вспомогательных служб, здание в целом, прилегающая территория) и социальный компонент, который обеспечивает взаимопонимание и удовлетворенность всех субъектов образовательного процесса межличностными взаимоотношениями, включает также ролевые функции, позитивный настрой всех субъектов, их сплоченность, авторитетность [14;15].

Характеризуя социальный компонент образовательной среды, следует отметить, что здесь особое внимание уделяется типам коммуникативного взаимодействия. Например, рассматривается субъект-объектный тип взаимодействия, субъект-субъектный, совместно-субъектный, субъект-порождающий тип взаимодействия [6].

Разработанная В.А.Ясвиным модель образовательной среды построена посредством переноса на образовательное пространство логи-

ки изучения восприятия природной среды и отношения к ней, согласно которой исходным является понятие об окружающей среде как среде обитания, обеспечивающей возможность удовлетворения основных жизненных потребностей индивида [14;15]. Феномен образовательной среды исследуется и в работах В.И.Слободчикова [6]. Изучая понятие образовательной среды, автор использует принцип развития, подчеркивая, что развитие в современном человекознании может быть как естественным, спонтанным процессом, так и искусственным, регулируемым и рассматриваться как саморазвитие. Говоря о феномене образовательной среды, ученый использует понятие совместной деятельности субъектов образовательного процесса, подчеркивает ее опосредующий характер [6. С. 175].

Рассматривая степень разработанности проблемы образовательной среды в литературе, следует отметить, что вопросы образовательной среды активно исследуются применительно к школьному обучению. Вопрос об особенностях и специфике образовательной среды вуза остается практически неизученным.

С целью изучения представлений студентов о профессионально важных качествах преподавателя, необходимых для успешного совместного взаимодействия преподавателя и студента в ходе осуществления образовательного процесса, нами было проведено эмпирическое исследование.

В исследовании приняли участие студенты 1-5 курсов историко-политологического факультета (общее количество обследованных составило 150 чел.), а также преподаватели Пермского государственного университета, которые выступали в роли экспертов (5 чел.).

В ходе исследования был использован метод В.А. Толочек, в соответствии с которым

респондентов просили перечислить профессионально важные качества, необходимые для совместного взаимодействия, успешной деятельности преподавателя и студента. Данные анализа представлены в табл. 1.

Полученные результаты исследования показывают, что к числу наиболее значимых качеств преподавателя вуза преподаватели относят: широкие познания в разных областях, обширные знания, широкое образование (6,9%); свободное владение материалом, независимость от своих конспектов, учебников (5,6%). В качестве свойств личности, необходимых для успешного взаимодействия, называют трудолюбие (5,6%) ответственность (5,6%), пунктуальность (5,6%). Большое значение преподаватели уделяют коммуникативным особенностям, в качестве значимых качеств называют готовность к общению с аудиторией, отвечать на вопросы, вести дискуссию, вступать в неформальное общение (4,2%). В качестве профессионально важных качеств преподаватели отмечают общительность, коммуникабельность (4,2%), чувство юмора (4,2%), харизму (4,2%), умение хорошо говорить (4,2%).

Для студентов значимыми являются такие качества преподавателя высшей школы, как знание своей специальности, предмета, компетентность (16,7%). В отличие от преподавателей студенты придают большое значение методике преподавания (13,0%). Коммуникативным качествам преподавателя студенты уделяют внимание в меньшей степени (5,6%), хотя ценят общительность, коммуникабельность преподавателя, чувство юмора (3,7%).

В ходе исследования были изучены также представления о профессионально важных качествах студента, необходимых для успешного взаимодействия и овладения учебной деятельностью. Данные представлены в табл. № 2.

Как видно из таблицы, для преподавателей в качестве наиболее значимых профессионально важных качеств студентов выступают: мотивация, желание учиться (6%); целеустремленность (6 %); трудолюбие (6%). Преподаватели также уделяют внимание наличию таких качеств студентов, как открытость к получению информации (4,8%); умение находить нужную информацию (3,6 %); умение компоновать информацию (3,6%); ответственность (3,6%); коммуникабельность (3,6%); чувство юмора (3,6 %); уважение к личности преподавателя (3,6 %); наличие своей позиции, умение выступать со своей точкой зрения, высказывать свои мысли (3,6%).

Для студентов в качестве профессионально важных качеств, обуславливающих успешность учебной деятельности, выступают: познавательный интерес, желание получать знания, интерес к окружающему миру (12,5%); коммуникабельность (7,7%); целеустремленность (5,8%); внимательность (4,8%); усидчивость (3,8%).

В целом полученные в ходе исследования данные позволяют заключить, что преподаватели и студенты имеют существенные различия в представлениях о профессионально важных качествах, необходимых для совместного успешного взаимодействия в ходе учебного процесса. Студенты к числу важных качеств относят: знание преподавателем своего предмета, широкий кругозор, придают большое значение методике преподавания. Преподаватели наряду с компетентностью и знанием предмета также уделяют особое внимание свойствам личности, значимым для успешной организации учебного процесса (пунктуальность, ответственность), коммуникативным особенностям (готовность к взаимодействию, к дискуссии, к ответам на вопросы).

Таблица 1. Представления студентов о профессионально важных качествах/компетенциях (ПВКК) преподавателя, %

<i>ПВКК преподавателя высшей школы</i>	<i>Студенты</i>	<i>Преподаватели</i>
Знание своей специальности, знание предмета, компетентность	16,7	5,6
Профессиональная подготовка, профессионализм	5,6	2,8
Умение вести занятие, преподавать, доносить материал, доступно объяснять, интересно подавать	13,0	4,2
Широкие познания в разных областях, обширные знания, широкое образование	2,8	6,9
Опыт, опыт работы	1,9	2,8
Любовь к своему предмету, заинтересованность	1,9	1,4
Независимость от своих конспектов и учебников	0,93	5,6
Гибкость методов преподавания и оценки	0,93	1,4
Гибкость мышления	1,9	1,4
Интеллект, высокий интеллект	1,9	0
Понятливость	0,9	0
Высокая работоспособность	0,9	2,8
Трудолюбие	0,9	5,6
Ответственность	2,8	5,6
Пунктуальность	1,9	1,4
Дисциплинированность	0,9	2,8
Умение слышать другого человека, студента, способность понимать другого	2,8	2,8
Готовность к общению с аудиторией, ... отвечать на вопросы, ... к дискуссии, ... к неформальному общению	3,7	4,2
Общительность, коммуникабельность	5,6	4,2
Чувство юмора	3,7	4,2
Доброжелательность, дружелюбие	1,9	1,4
Уважение к студентам, любовь к студентам	4,6	2,8
Открытость	1,9	2,8
Стремление помочь	0,9	1,4
Заинтересованность в работе студентов	1,9	1,4
Выявление способностей студентов	0,9	1,4
Объективность, непредвзятость, беспристрастность	2,8	0
Внимательность	1,9	1,4
Справедливость	1,9	0
Человечность	0,9	4,2
Терпимость	0,9	1,4
Собранность	0,9	2,8
Самообладание, спокойствие	1,9	0
Психическая устойчивость, стрессоустойчивость	1,9	2,8
Внешний вид, внешность	1,9	2,8
Харизма	0,9	4,2
Умение хорошо говорить	0,9	4,2

ПСИХОЛОГИЯ

Таблица 2. Представления о профессионально важных качествах (компетенциях) студентов, %

№ n/n	Профессионально важные качества студентов	Студенты	Преподаватели
1	Активность	2,9	2,4
	Низкая утомляемость, работоспособность	2,9	1,2
2	Познавательный интерес, заинтересованность, стремление к новым знаниям, желание получать знания, любознательность, интерес к окружающему миру	12,5	3,6
	Открытость к получению информации	0,96	4,8
	Базовый уровень знаний, наличие основной базы знаний	2,9	1,2
	Профессиональная самоопределенность	0,96	0
	Мотивированность, желание учиться	2,9	6
	Целеустремленность	5,8	6
	Обучаемость	2,9	2,4
	Желание учиться	1,9	1,2
	Умение находить нужную информацию, ... выделять основное	1,9	3,6
	Умение мыслить нестандартно, ... выходить за рамки предложенного	2,9	2,4
	Гибкость мышления	0,96	0
	Способность компоновать информацию в голове	0,96	3,6
	Умение распределять время	0,96	1,2
	Умение переключаться с задачи на задачу	0,96	2,4
	Умение слушать	0,96	2,4
	Умение анализировать	0,96	2,4
Критичность к полученной информации	0,96	0	
3	Трудолюбие	1,9	6
	Исполнительность	0,96	1,2
	Усидчивость	3,8	0
	Самоконтроль	0,96	1,2
	Усердие, старательность	1,9	0
	Внимательность	4,8	2,4
	Сила воли	0,96	0
	Ответственность	3,8	3,6
	Коммуникабельность	7,7	3,6
	Упорство	0,96	0
	Сосредоточенность	0,96	1,2
	Самостоятельность	0,96	2,4
	Пунктуальность	0,96	1,2
	Терпение	0,96	0
	Преданность	0,96	0
	Самоотдача	0,96	0
Дисциплина	0,96	2,4	
4	Чувство юмора	0,96	3,6
	Жизнерадостность	0,96	1,2
	Уважение к преподавателю	0,96	3,6
	Уважение к одноклассникам	0,95	2,4
	Готовность к общению с преподавателем, умение находить общий язык с преподавателем	1,9	2,4
	Гибкость, приспособляемость	2,9	0
	Способность к взаимодействию	0,96	2,4
	Дипломатичность в общении	0,96	0
	Наличие своей позиции, умение выступать со своей точкой зрения, умение высказывать свои мысли	2,9	3,6
5	Психическая устойчивость	0,96	3,6
	Не бояться нового	0,96	2,4
	Уверенность	0,96	2,4

В отношении качеств студентов проявилась большая общность ответов. В качестве наиболее важных качеств студентов и преподаватели, и студенты называют познавательный интерес, заинтересованность в предмете, интерес к окружающему миру в целом. Преподаватели в отличие от студентов также придают большое значение умению работать с информацией.

В целом полученный материал позволяет говорить о том, что в качестве профессионально важных качеств преподавателя, необходимых для успешного взаимодействия в ходе организации образовательного процесса, выступают его профессиональная компетентность, знание своего предмета, широкий кругозор.

Список литературы

1. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
2. Дерябо С.Д. Экологическая психология: диагностика экологического сознания. М.: Московский психолого-социальный институт, 1999.
3. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии // Психологический журнал. 1996. Т. 17. №6.
4. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д, 1996.
5. Леонтьев А.Н. Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского // Психологическая наука и образование. 1998. №1. С. 5-21.
6. Панов В.И. Введение в экологическую психологию. М.: МНЭПУ, 2001.
7. Панов В.И. Экологическая психология: Опыт построения методологии. М.: Наука, 2004. 197 с.
8. Паниокова Ю.Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды обыденной жизни: монография. Красноярск: РИО КГПУ, 2003.
9. Рубцов В.В., Ивошина Т.Г. Проектирование развивающей образовательной среды школы. М.: Изд-во МГППУ, 2002.
10. Толочек В.А. «Квазидиагностика» и проблема целостного изучения человека // Мир психологии. 2004. №4. С. 100 — 111.
11. Толочек В.А. Социализация в квадрате: локализация феномена «акме» и его вероятные детерминанты // Мир психологии. 2005. №4. С. 50-65.
12. Толочек В.А. Современная психология труда. СПб.: Питер, 2005. 479 с.
13. Черноушек М. Психология жизненной среды. М., 1989.
14. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / науч. ред. В.П. Лебедева, В.И. Панов. М.: ЦКФЛ РАО, 1997.
15. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М.: Смысл, 2000.

CONCEPTIONS OF PROFESSIONALLY IMPORTANT SKILLS AND QUALITIES OF A TEACHER AMONG STUDENTS

V.A. Tolochek, S.Y. Zhdanova

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The study of aspects of university's educational environment is presented. Its characteristics and specificity are studied. The substantial discrepancies in conceptions of professionally important skills of a teacher both among students and teachers are established. Students indicate following as significant skills and qualities of a teacher: knowledge of one's own subject, spacious mind, proficiency in teaching methods; at the same time, teachers denote competence, knowledge of one's own subject, personality traits relevant to teaching process management (e.g., punctuality, responsibility), communication skills (e.g., interaction with audience).

Key words: educational environment, social component of educational environment, professionally important qualities, teacher's competencies.

УДК 153.9

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА*Д.Г. Трунов*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15.

e-mail: trunoff@hotmail.ru

Психический опыт как область «невидимого» нуждается в предметном представлении, или объективации. В основе объективации лежит иносказание. Иносказательные формы объективации представлены в виде оппозиций. Описаны базовые, пространственные и оценочные оппозиции. Объективация выполняет следующие функции: диссоциация, анализ, избегание ответственности, интеграция.

Ключевые слова: психический опыт; эмотивная лексика; объективация; иносказание; метафорические оппозиции; диссоциация; ответственность; интеграция

Необходимость объективации

Для того чтобы сказать нечто о любом виде опыта, его необходимо «расчленил» на отдельные фрагменты и обозначить последние словами. Такое расчленение опыта происходит «само собой» в том случае, когда мы имеем дело с «внешними объектами», т.е. объектами, которые имеют перцептивно (например, визуально) подтверждаемые пространственные границы и таким образом уже отделенные друг от друга. В этом случае достаточно просто назвать такой объект и включить это название в то или иное суждение. Дескрипция усложняется, если мы имеем дело с психическим опытом — с тем, что человек наблюдает «внутри» себя, а точнее — не «наблюдает», а ощущает и чувствует. Внутренний опыт представляет собой непрерывный поток субъективных переживаний и, чтобы говорить о нем, его необходимо поделить на фрагменты, имеющие названия. Однако во внутреннем опыте нет таких четких естественных границ, которые мы можем наблюдать

у объектов внешнего опыта: световые и цветовые контрасты, контуры, поверхности и т.д., — а если они и существуют, то имеют сугубо личное (субъективное) значение, поскольку внутренний опыт принадлежит только тому человеку, который его испытывает.

Необходимым условием и результатом рефлексии психического опыта (т.е. восприятия своих собственных переживаний) является его объективация, т.е. дискурсивная концептуализация психического опыта в качестве особого рода объекта: «состояния», «чувства», «желания», «потребности» и пр. Л.С. Выготский писал: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как именование их в качестве объекта (раздражителя для других переживаний). Сознание есть переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания суть переживания предметов» [6. С. 36]. Как уже говорилось, объективация происходит благодаря номинации и номинализации: когда мы даем название чему-то не существующему предмет-

но, но существующему в нашем психическом опыте, мы создаем нечто *объектное*, отдельное от «Я», противопоставленное ему. Объективация психического опыта осуществляется исключительно благодаря языку, однако это не означает, что язык здесь выступает как «барьер» на пути самовосприятия, как то, что «заслоняет» некую «истинную сущность» своими «фантомами». Напротив, эта сущность *впервые* появляется лишь в процессе дискурсивной концептуализации и далее подвергается постоянному уточнению, подтверждению или, напротив, опровержению.

Иносказательная природа объективации

Сущностная особенность объективации заключается в том, что она имплицитно *иносказательность*. В основе любой объективации всегда лежит *метафорический* или *метонимический* перенос, который, однако, не всегда удается сразу заметить. Сам термин «объективация» сообщает нам, что он *уподобляет* именуемое некоему объекту. Мы пытаемся выделить в психическом опыте *нечто*, что можно назвать *чем-то* и соответствующим образом отнестись к *нему*. О. Мандельштам писал: «...для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [14. С. 161], — это высказывание в полной мере относится к внутреннему опыту и даже более к внутреннему, чем внешнему. В смутных, еще-не-определенных и не названных ощущениях выделяется нечто, что должно быть уподоблено уже знакомому явлению. Ж. Батай пишет: «Знать значит: привести к известному, схватить нечто неизвестное как тождественное чему-то известному»; «...мое существование, как и всякое другое, идет от неизвестного к известному (приводит неизвестное к известному)» [2]. Так иносказатель-

ный прообраз структурирует психический опыт в соответствии со своей схемой и делает возможной его концептуализацию и осознание. О. Мандельштам писал: «Я сравниваю — значит, я живу...» [14. С. 161]. Удачная метафора может очень ярко и буквально *наглядно* выразить то, что переживает человек внутри себя. Н. Арутюнова считает, что «без метафоры не существовало бы лексики “невидимых миров” (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [1. С. 9].

Интроспективная (эмотивная) лексика не может взяться из пустоты, и когда в этом возникает необходимость, слова для обозначения психического опыта заимствуются из других областей человеческого опыта, приспосабливаясь к новым значениям. Ф. Гарсиа Лорка писал, что любое поэтическое воображение ограничено действительностью, что «нельзя представить себе несуществующего» [7. С. 115]. Воображение питается реальными вещами и использует реально существующие связи между ними. Новизна воображения состоит лишь в том, что оно переносит это все в иной контекст. Так, пытаясь описать другим людям свой психический опыт — опыт переживаний, желаний, чувств, потребностей, человек неизбежно прибегает к иносказанию. Схемы внешнего мира он естественным образом переносит в мир внутренней жизни. Равно иносказательными являются как обыденные представления о душе, так и научное описание психической жизни. О. Шпенглер писал: «Ученый «переименовывает непротяженное в протяженное», создает понятия, с помощью которых он пытается описать то, что проявляется лишь «физиогномически», и в результате «все эти слова коренятся в круге представлений естествознания»; проанализировать какой-либо психический феномен — означает

«измерить подставленный на его место пространственный силуэт», расположить его относительно «призрачной системы координат в призрачном пространстве души»; «психолог даже не замечает, что он копирует физика» [25. С. 480].

Эмотивная лексика

Итак, эмотивная лексика во многом — это бывшая *предметная лексика*: многие слова, описывающие психический опыт, взяты из словаря внешнего опыта («ярость», «подавленность», «тоска», «печаль» и пр.). Здесь надо упомянуть еще об одном регионе, который явился донором для словаря психического опыта, — регион телесного опыта. «Человеческое тело — лучшая картина человеческой души», — писал Л. Витгенштейн [5. С. 471]. Опыт тела — это метафора, активно используемая для описания жизни души. Это иллюстрируют некоторые *телесные метафоры*, используемые при описании душевных явлений: «меня *тронули* ваши слова», «эта тема меня не *касается*», «*поддерживающий* взгляд», «*отталкивающая* улыбка», «*теплые* отношения», «*мягкий* характер» и т.д. Во фразеологических оборотах можно найти *телесные метонимии*, которые *наглядно* изображают переживания человека, например, «повесить голову» — о состоянии уныния, «выпятил грудь» — о гордости. Мы можем даже встретить активную фразеологическую эксплуатацию отдельных органов тела, например носа: «зарубить на носу», «водить за нос», «крутить нос», «остаться с носом», «не видит дальше своего носа», «повесить нос», «задирать нос». Еще один пример, взятый у В. Даля: *сердце* — это название анатомического органа, перегоняющего кровь по телу; однако у этого слова есть другие значения и производные: нутро; представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала; проти-

воположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце; гнев, негодование, злость; мягкосердечный, доброе сердце, каменное сердце, жесткосердный; сердце сжалось; это мне по сердцу (нравится); сердечный человек, сердитый человек; сердчать [10. С. 63-65].

Таким образом, внешний опыт и опыт тела являются базовыми для концептуализации психического опыта. Мир *видимых* феноменов окружающего мира (вещей, живых существ, явлений природы и т.д.) становится для человека прообразом мира *невидимых* психических феноменов. По словам О. Шпенглера, «возникает наводящая на размышление картина некоего *противомира*, посредством которой мы представляем себе, зримо ставим перед собой то, что извечно остается чуждым самому глазу»; такое «воображаемое душевное тело» является точным отображением внешнего мира [25. С. 482]. Понятие «предметного» и «телесного», таким образом, первично по отношению к понятию «душевного». Концепт души выделился из телесного и шире — из объектного опыта. Метафора отсылает к опыту, который можно назвать *универсальным*, поскольку он сходен практически у всех людей (по крайней мере живущих в одной культуре); но его также можно назвать и *примитивным*, поскольку метафоры обычно содержат образы, относящиеся к более простому по своей организации миру. С помощью такого *общего* и *простого* языка человек описывает свою *индивидуальную* и *сложную* психическую жизнь...

Э. Гуссерль пишет: «Естественно-логические понятия вещи и свойства, целого и части, связи и отдельной вещи, причины и действия и т.п. целиком укоренены в первичном реальном, реальном природы и, тем самым, в ее основном определении как *res extensa*. При пе-

реходе к психическому, становясь психологическими, они теряют основную суть их смысла и остается только пустая оболочка формально-логических понятий предмета, качества и т.д.» [9. С. 68]. Тем не менее эта «пустая» оболочка «тянет» за собой свойства объектного мира. Коль скоро мы имеем дело с психическим опытом как с «формальным» объектом, то мы сами вступаем с ним в субъект-объектные отношения. Это демонстрирует любое высказывание, описывающее объективированный психический опыт. Во-первых, объективированное, вынесенное вовне чувство должно быть как-то «оформлено»: в одних случаях оно *опредмечивается*, т.е. выступает в роли неодушевленного предмета («вещи»), в других случаях — *одушевляется*, или *персонифицируется*. Во-вторых, «превращение» в тот или иной объект подразумевает некие взаимоотношения «Я» с этим объектом: в одном случае «Я» может занимать активную позицию, выступать в роли действующего «агенса»; в другом случае, напротив, «Я» занимает пассивную позицию, ему отводится роль «пациенса», претерпевающего, подвергающегося воздействию. Например, в высказывании «Меня придавила усталость» мы видим, что «Я» оказывается в пассивной позиции по отношению к опредмеченному чувству; напротив, высказывание «Я сбросил с себя усталость» демонстрирует активную позицию «Я» по отношению к опредмеченному чувству. Те же самые парные позиции мы можем определить в других высказываниях, где чувство выступает уже в персонифицированной форме: ср.: «Мною овладела усталость» и «Я борюсь с усталостью».

Помимо этого существуют и другие типы взаимоотношений «Я» и объективированного опыта. Например, человек может ощущать присутствие чего-то (чувства, желания и пр.) *внут-*

ри себя («Я хочу вырвать из себя эти мысли»), *вне* себя («Эта тревога всегда со мной») или даже описывать себя *погруженным* в некую среду («Меня поглотил страх»). Кроме того, переживания внутреннего опыта могут быть описаны с помощью динамических метафор. Это связано с тем, что объективированное чувство получает виртуальную способность *перемещаться*. Например, какое-либо чувство может «выходить» («выливаться» и пр.) из меня или, напротив, «входить» («проникать» и пр.) в меня. И с другой стороны, я сам могу из него «выходить» или в него «погружаться». Чувство может «задевать» меня, «уходить» от меня или «приближаться» ко мне, «настигать» меня. Иногда чувство обособляется не только в пространственном, но и во временном аспекте («У меня участились приступы страха»). Благодаря объективации человек может не только «иметь чувство», но и как-то относиться к нему («Это состояние меня пугает»). Другими словами, он может что-то чувствовать (или, опять же, *иметь* чувство) по поводу первоначального чувства. Такая «вторичная диссоциация» выражена во фразе: «У меня появилась тревога по поводу участившихся приступов страха». Таким образом, мы имеем многообразие метафорических форм объективации, помогающих нам концептуализировать свой психический опыт.

Метафорические оппозиции психического опыта

Иносказательные образы и схемы, оформляющие феномены мира души в вещи, — так называемые «вещные коннотации» — выявляются на основе *буквального* прочтения тех или иных описаний психического опыта [18]. Благодаря этой процедуре мы можем эксплицировать разнообразные метафоры и метонимии, оформляющие любое наше самописание. Поэтому для того чтобы хоть как-то систематизировать

этот материал, иносказательную феноменологию самоотчуждения лучше представить в виде *оппозиций* — пар противоположностей, или «семических категорий» (П. Рикёр), которые лежат в основе многообразия интроспективной лексики. Такое бинарное восприятие и описание реальности было свойственно человеческому мышлению во все времена. Об этом говорят противопоставляемые друг другу образы света и тьмы, неба и земли, мужского и женского и пр., существующие во всех мифологических культурах. Точно также, по Дж. Келли, современный человек интерпретирует действительность «в терминах схожести и контраста», поэтому представления человека о себе, его «личностные конструкты» по своей природе всегда дихотомичны [24. С. 438]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пространственные ориентационные шкалы типа «верх — низ», «перед — зад», «нахождение на чем-либо / около чего-либо — удаление» (on — off), «центр — периферия» и «близкое — далекое» составляют богатую основу для осмысления мира [13. С. 407]. Некоторые оппозиции настолько естественны и настолько глубоко пронизывают наше мышление, что они воспринимаются как *самоочевидные*, как *прямые* описания явлений внутреннего мира, а тот факт, что они представляют собой *метафорические* выражения, просто никогда не приходит в голову большинству носителей языка [13. С. 411-412]. Мы не ощущаем метафоричности самоописания, поскольку у нас просто нет альтернативного способа описания.

Все метафорические оппозиции так или иначе основываются на имеющемся у любого человека эмпирическом опыте, а потому в большинстве случаев понятны и наглядны. Метафора вообще может служить средством осмысления того или иного понятия только бла-

годаря ее эмпирическому основанию [13. С. 401]. Например, говоря о полярных оппозициях «верх — низ», «внутри — снаружи» и т.п., лежащих в основе многих метафорических выражений, Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивали, что «подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны — они опираются на наш физический и культурный опыт» [13. С. 396]. А поскольку этот опыт является чаще всего универсальным, большинство метафор и символов, описывающих психический опыт, являются *архетипическими*, т.е. несут одни и те же или очень сходные значения для большинства людей. Несомненно, архетипические средства, с помощью которых человек описывает жизнь своей души, «обязаны своей конкретной образностью впечатлениям, поступающим извне» [26. С. 107]. Несмотря на климатические, природные и другие различия, все люди на нашей планете имеют некоторые сходные условия существования, обуславливающие появление общих метафорических понятий, в терминах которых осмысляется тот или иной опыт. К этим внешним, природным предпосылкам появления универсальных метафор (архетипических символов) Ф. Уилрайт добавлял и внутреннее, относящиеся к некой «психической природе» человека: «Несмотря на значительное разнообразие человеческих обществ, их способов мышления и их реакций, как в физическом, так и в основном психическом строении человека есть определенное естественное сходство» [21. С. 98]. Кроме *природных* и *психофизических* — «внешних» и «внутренних», «объективных» и «субъективных» — предпосылок для возникновения метафорических оппозиций мы не можем не указать на социокультурные факторы, в частности на *дискурсивную среду*, в которой развиваются человек и его психофизическая структура. Сознание всех людей имеет

языковую природу, а значит, подчиняется неким единым законам, связанными с *языковыми универсалиями*.

В задачи настоящей статьи не входит исчерпывающее описание всех возможных метафорических оппозиций, описывающих психический опыт. Ниже будут приведены лишь некоторые примеры-иллюстрации. Среди описанных ниже оппозиций можно выделить *базовые оппозиции*. Прежде всего — это дихотомия «активное — пассивное», которая имеет языковую природу, поскольку в основе практически любого высказывания лежит формальная синтаксическая конструкция, содержащая *агенса* (действующий субъект) и *пациенса* (претерпевающий объект). Для того что бы говорить о реальности (внешней или внутренней), человек должен наделить фрагменты этой реальности активной и пассивной функциями (см. примеры выше). К базовым оппозициям также относится дихотомия «живое — мертвое», поскольку она отражает онтологическое представление о разделении мира на живые существа и неживые предметы. Объективированный психический опыт должен быть как-то оформлен, поэтому в одних случаях его фрагменты могут выступать в виде живого существа (одушевляться, олицетворяться), а в других случаях — в форме неодушевленного (мертвого) предмета (овеществляться, опредмечиваться). Еще одна базовая дихотомия, «мужское — женское», отражает биологическое деление живых существ на две группы, отличающиеся по ряду признаков как объективных, так и тех, которые дискурсивно определены в каждой культуре.

Другая большая группа оппозиций включает *пространственные оппозиции*, или «пространственные ориентационные шкалы» (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Благодаря «символизированию протяженности» (О. Шпенглер)

психические процессы и явления могут осмысляться как объекты, находящиеся в пространственных взаимоотношениях друг с другом. Пространственные метафоры позволяют психическому опыту наглядно развернуться на сцене сознания и создать особые (позиционные) типы взаимоотношений «Я» и отчужденного опыта. В некоторых случаях метафорическая ориентация в пространстве составляет столь существенную часть понятия, что нам трудно вообразить какую-либо другую метафору, которая могла бы упорядочить данное понятие [13. С. 401].

Особо необходимо подчеркнуть, что любая метафорическая оппозиция имеет *оценочный компонент*. «Социальная оценка определяет все стороны высказывания, пронизывая его насквозь», — писал М.М. Бахтин [3. С. 240]. Некоторые оппозиции имеют лишь легкий налет оценки, и на первый план выходит их основная, объективирующая функция. Другие оппозиции обладают более явными оценивающими свойствами. Например, пространственный компонент оппозиции «высокое — низкое» иногда просто не замечается — настолько в ней преобладает оценочный компонент («высокие чувства», «низкий поступок»). Также практически не ощущается эмпирическое основание в метафорических понятиях «сладкое» и «горькое», которые в контексте психического опыта несут соответственно значения «приятный» и «горестный» («скорбный»). А пространственная оппозиция «близкое — далекое» приобретает значение оценочной дихотомии «свое — чужое».

Функции объективации психического опыта в самопознании

«Охлаждение» чувств

Объективацию — «отделение» фрагментов психического опыта от «Я» в качестве метафорических объектов иногда называют «диссо-

циацией» [17], или «самоотчуждением», вкладывая в эти понятия несколько негативный смысл. Тем не менее такого рода «самоотчуждение» адекватнее воспринимать не с нормативной точки зрения, а с функциональной, т.е. видеть те функции, которые оно выполняет в самопознании. Например, в силу того, что объективация позволяет относиться отстраненно к психическому опыту, она тем самым несет в некотором роде «защитную» функцию, поскольку дает возможность «передохнуть» от переживания, «отодвинуть» его на время. «В звуках языка, так же как и в первичных мифологических образах, находит завершение одинаковый внутренний процесс: и те и другие снимают внутреннее напряжение, выражают душевные переживания в объективированных формах и фигурах» [12. С. 36]. Человек, находящийся в пламени собственных чувств, может получить огромное облегчение, если попытается с помощью самообъективации выйти из ситуации и посмотреть на свое состояние со стороны.

«Чувствовать» и «иметь чувство» — разные по эмоциональной напряженности позиции (ср.: «я боюсь» и «у меня есть страх»). Объективированная форма выражения чувства позволяет уйти от контакта с *источником* возникшего чувства. Если я говорю «Я боюсь», то это подразумевает, что где-то присутствует нечто или некто, вызывающий это чувство. Напротив, фраза «У меня есть страх» лингвистически полная и не предполагает свободных валентностей (в отличие от первой), поэтому она «не тянет» за собой неприятные образы объекта-стимула. Говоря, ей вовсе не обязательно вспоминать о ком-то или о чем-то, что вызвало страх. Когда я объективирую свое чувство, я отрываю его от фрагмента реальности (и внешней, и внутренней), теперь я имею дело только

с этим абстрактным «объектом-чувством» и рассуждаю только о нем. Отношение к объекту-стимулу теперь заменяется на отношение к объекту-чувству, вызываемому этим стимулом: «Меня беспокоит страх». Возможно, это достаточно прочная защита от *непосредственного* переживания психического опыта.

Анализ психического опыта

Объективация — представление психического опыта в словесно-овещественной форме — позволяет производить над ними некоторые мыслительные операции, подвергать психический опыт *анализу* (от лат. *analysis* — разделение), *критически* его переосмысливать (от греч. *κριτική* — способность разбирать). Другими словами, вербальное оформление психического опыта в «дискретные сущности» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), его метафорическая деструкция («разложить по полочкам») создает условия для анализа человеком своих переживаний, понимания того, что с ним происходит («разобраться в себе»). Хаос неопределенных и «переполняющих душу» ощущений облекается в компактные названия, которые без труда умещаются в сознании. Психический опыт, представленный миром словесных образов, легко поддается инвентаризации, и человек, таким образом, становится способным рассказать другим о своих чувствах и значимых для него ситуациях и проблемах. И.М. Сеченов в работе «Элементы мысли» говорил о том, что наблюдательная позиция дает человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т.е. отделять все свое внутреннее от всего приходящего извне, из объективного мира, что, в конце концов, помогает человеку достичь самосознания [15. С. 32]. К. Юнг использовал в своей работе методы «арттерапевтической объективации», в которых он достигал контролируемого отчуждения психического опыта; на-

пример, он предлагал пациенту нарисовать картину своего психического состояния. «Благодаря этому общий непостижимый хаос объективируется и может рассматриваться дистанцированно, анализироваться и толковаться сознанием. Эффект этого метода, видимо, состоит в том, что первоначальное хаотическое и ужасное впечатление заменяется картиной, в некотором роде перекрывающей его. Картина “заклинает” ужас, делает его ручным и банальным, отводит написание об исходном переживании страха» [26. С. 88].

Избегание ответственности

Объективация психического опыта помогает человеку не только понять себя, но и презентовать свой психический опыт окружающим. Объективация позволяет создавать своеобразные «интроспективные нарративы», в которых описываются взаимоотношения со своим объективированным опытом. Сюжеты этих нарративов, безусловно, интерсубъективно (социально) ориентированы, т.е. выражают желание человека идентифицировать себя с той или иной ролью, например, ролью «победителя» по отношению к своему психическому опыту или ролью его «жертвы» и пр. Спрашивается: какой социальный интерес заключается в том, чтобы выставлять себя в качестве «жертвы»? Один из ответов таков: для того чтобы избежать социальной ответственности за свой психический опыт. Речь идет о том, что благодаря объективации человек может дистанцироваться от ответственности за несоответствующую социальным нормативам психическую активность.

Как известно, спонтанное проявление человеком некоторых своих чувств и желаний чаще всего не одобряется обществом. Вследствие этого, считал З. Фрейд, человек постепенно «вытесняет» их непосредственное чувствование и хотение. Это касается не только сексуальных

и агрессивных желаний, но и других, которые ситуативно не одобряются окружающими. Однако попытка «сдержать» эти нежелательные проявления или как-то «не обращать на них внимания» тем не менее не гарантирует того, что они все же проявятся, «выплеснутся наружу». Описывая (воспринимая) подобного рода неприемлемые проявления психического опыта в объективированной форме, человек создает относительно приемлемую (и даже взаимовыгодную) ситуацию как с точки зрения личности, так и ее окружения. В своем самоописании человек («Я») не является источником чувства или желания, напротив, чаще всего — он их «жертва» («На меня что-то нашло»). Любая объективация своих качеств, чувств, желаний практически исключает личное участие «Я» в поступках человека. Благодаря этому человек освобождает себя от психологической ответственности за эти поступки (ср.: «Я это сделал, потому что у меня такой характер» и «Я хотел это сделать»).

Такого рода избегание ответственности за свои ненормативные проявления — это нормальная социальная стратегия. Для человека, живущего в обществе, она прежде всего связана с безопасностью, поскольку, считает Э. Фромм, об «ответственности» обычно говорится, когда человек должен быть за что-то наказан или в чем-то обвинен [22. С. 92]. Это же значение фиксирует словарь С.И. Ожегова, где выражение «понести ответственность» эквивалентно выражению «получить возмездие» [16. С. 466]. Одной из форм такого рода спасительного «самоотчуждения», по мнению Э. Фромма, является понятие греха: «Фактически мое действие отчуждено от меня, если я воспринимаю его как “грех” или “вину”. Это сделал как бы уже и не я, а “грешник”, “злой дух”, “тот другой”, которого теперь следует на-

казать» [22. С. 92]. Помогает избежать личной ответственности за свой психический опыт различные его персонифицирующие объективации, например образ искушающего Сатаны, навязывающего свои «нечестивые» мысли. В этом смысле интересна попытка Гегеля в «Жизни Иисуса» обратить известный диалог Иисуса с дьяволом (как собеседником-антагонистом) в *одинокие* размышления Иисуса, во *внутренний диалог с самим собой*. Вот как это описано в Евангелии от Луки: «Там сорок дней он был искушаем от диавола... И сказал ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лука, 4:2-4). В конце концов «Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана...» (Лука, 4:8). А вот вариант того же диалога, но перенесенный Гегелем внутрь «сознания» Иисуса и очищенный от внешнего образа «диавола», т.е. менее отчужденный или — что то же самое — более ответственный: «Однажды в часы одиноких размышлений ему явилась мысль, не следует ли посредством изучения природы... попытаться превратить неблагородную материю в более благородную, пригодную для непосредственного использования, например камни в хлеб, или вообще сделать себя независимым от природы (броситься вниз), однако он отверг эту мысль...» [8. С. 37].

Встреча с самим собой

В понятиях «иносказание», «объективация» звучит идея инаковости, чуждости определения по отношению к определяемому. Неисчерпаемость и текучесть определяемого (психического опыта) не уместается в ограниченность и дискретность определения (эмотивная лексика), что приводит к естественному игнорированию неучтенного в определении содержания, т.е. к

его *отчуждению*, которое, по сути, есть *самоотчуждение*, или отчуждение части своего существования. Каждое самоопределение — это очередной итог самопознания, фиксация очередной «порции экзистенции». Связанное с самоопределением *самоотчуждение* создает необходимое напряжение для перехода к следующему этапу. Чем больше это напряжение, «когнитивный диссонанс» (Л. Фестингер), тем явственнее и даже драматичнее становится переход. «Скачок» к следующему определению осуществляется как через *замену* прежнего определения на новое, так и через интеграцию — *объединение* нового знания со старым. Можно предположить, что переход из отчужденной позиции (диссоциации) к интегрированной сопровождается наиболее полноценным (по сравнению с заменой) разрешением внутреннего противоречия (диссонанса) и достижением более целостного восприятия себя и мира, что субъективно ощущается как «инсайт» (З. Фрейд), как «пиковое переживание» (А. Маслоу).

Поскольку для самонаблюдения необходимы остановка и временная диссоциация, то парадокс феномена объективации состоит в том, что именно благодаря предварительному «отчуждению» своего психического опыта создается возможность для осуществления противоположного процесса — дальнейшего *присвоения* этого опыта. Ведь, по словам П. Рикера, «присваивать можно лишь то, что прежде находилось на расстоянии» [19. С. 44]. Сначала источник переживаний (чувств, желаний, ощущений и т.д.) человек видит в окружающем мире. При этом выносятся наружу (проецируются) и сами переживания. Затем этот источник переносится внутрь и существует там в виде «личностной структуры», «внутреннего голоса» и т.д., но все еще продолжает быть отделенным от «Я». И, наконец, эти переживания принима-

ются человеком как *свои*, т.е. человек осознает себя источником своих собственных переживаний. Они вбираются в себя (интегрируются), включаясь в *новое* целостное представление о себе.

Чтобы «осуществить свое существо», человек должен, по М. Хайдеггеру, «собрать (λέγειν), спасти (σώζειν), принять на себя раскрывающееся ему, сберечь его, каким оно открылось, и взглянуть в глаза всему его зияющему хаосу (αλήθειναι)»; при этом «собираение» есть исходный смысл греческого «логоса», а «спасение» означает «вернуть вещь и надежно сохранить за нею полноту ее существа» [23. С. 50]. Вслед за Евангелием, гласящем о душе: чтобы ее спасти, ее надо потерять, П. Рикёр говорит, что надо потерять «Я», дабы вновь обрести его [19. С. 31]. Х.Л. Борхес вспоминает персидскую притчу, в которой рассказывается о птицах короля Симурга, которые отправились на поиски своего повелителя и, в конце концов, узнали, что они и есть сам Симург [4. С. 113]. Эта история символизирует чудо обнаружения себя в объективированном опыте, объединение его в целостное самобытие. К. Юнг говорил об *индивидуации* как «пути к себе» — гармоничном развитии личности, в процессе которого происходит осознание и принятие теневых сторон души, интеграция отчужденных частей «Я» в одно целое (от лат. *individuum* — неделимый). В концепции «позитивной дезинтеграции» К. Домбровского развитие понимается как предварительная дезинтеграция уже определившихся личностных структур и функций и их постепенная интеграция на более высоком уровне. «Этот метод направлен на расшатывание ригидного образа Я, переживаемого в терминах ролей, расщепление образа Я, определяемого внешними оценками, и реинтеграция

самоотношения на базе автономного эго» [11. С. 197].

Особо необходимо отметить, что ключевую роль для осознания и принятия человеком отчужденного психического опыта играет *социальное окружение*. Оно может выступать в качестве фильтра, отсеивающего неприемлемые импульсы, которые, отчуждаясь, попадают в «теневую» часть души (К. Юнг) или, напротив, могут стать «фасилитатором» (К. Роджерс), т.е. посредником, облегчающим осознание и принятие этих импульсов. В последнем случае человек, вступая в диалог с Другим (фасилитатором), имеет возможность встретиться с самим собой, т.е. интегрировать свой объективированный психический опыт. В «безопасных отношениях» с собеседником, в отсутствие какой-либо явной или неявной угрозы своему «Я», человек «может позволить себе исследовать различные стороны своего опыта в их чувственной непосредственности так, как они выступают в его сенсорных и висцеральных механизмах, не искажая их для того, чтобы они соответствовали имеющейся у него “Я-концепции”»; только так противоречащий «Я-концепции» психический опыт может «просочиться в сознание без искажения» [20. С. 120]. Наконец, роль собственного фасилитатора может играть сам сознающий себя человек, необходимая для этого искренность перед самим собой основана на *самопринятии*, включающем (1) своеобразную способность не «прерывать» течение переживаний в силу оценки их как «неприличных», «алогичных», «ненормальных» [Именно этой способности добивается психоаналитик от своего пациента], (2) готовность столкнуться с чем-то неожиданным для себя или даже угрожающим для привычного представления о себе и (3) признать это своим собственным, т.е. принять за это авторскую от-

ветственность; именно в этом случае человек может встретиться со своим опытом в максимальной полноте.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 9.
2. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997.
3. *Бахтин М.М.* Тетралогия. М., 1998. С. 240.
4. *Борхес Х.Л.* Письмена Бога. М., 1992. С. 113.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Язык как образ мира. М.: СПб., 2003. С. 471.
6. *Выгодский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // Психология развития как феномен культуры. М., 1996. С. 36.
7. *Гарсиа Лорка Ф.* Самая печальная радость. М., 1987. С. 115.
8. *Гегель.* Философия религии: в 2 т. Т. 1. М., 1976. С. 37.
9. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология... С. 68.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 тт. Т. 11. М., 2004. С. 63-65.
11. *Калитеевская Е.Р.* Парадоксальная социометрия как метод позитивной дезинтеграции самоотношения // Моск. психотерапевт. журнал. 1994. № 3. С. 197.
12. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 36.
13. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 407.
14. *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 161.
15. *Мегрбян А.А.* Деперсонализация. Ереван, 1962. С. 32.
16. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 466.
17. *Перлз Ф.С., Хефферлин Р., Гудмен П.* Опыты психологии самопознания. М., 1993.
18. *Перцова Н.Н.* К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 96-105.
19. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 44.
20. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. С. 120.
21. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 98.
22. *Фромм Э.* Душа человека... С. 92.
23. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 50.
24. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997. С. 438.
25. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 480.
26. *Юнг К.Г.* Психология переноса. М.; Киев, 1997. С. 107.

OBJECTIFICATION OF MENTAL EXPERIENCE

D.G. Trunov

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The mental experience as an “unencountered” area needs for object conception or objectification. Objectification is based on allegories. The allegoric forms of objectification are presented in several oppositions including base, spatial and evaluative oppositions. Objectification executes the following functions: dissociation, analysis, refusal of responsibility, integration.

Keywords: mental experience, emotive vocabulary, objectification, allegories, metaphoric oppositions, dissociation, responsibility, integration.

УДК 159.923:159.9.072.533

ОБ ИЗМЕРЕНИИ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВРЕМЕНИ РЕАКЦИИ (ЧАСТЬ 1: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)*

С.А. Щebetенко, С.В. Вайнштейн

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
e-mail: shebetenko@rambler.ru

Рассматриваются методы исследования имплицитного социального познания. Демонстрируется концептуальная неоднородность подходов к эмпирической разработке проблемы. Формулируется гипотеза о совместном вкладе имплицитных и эксплицитных черт личности в дисперсию показателей наблюдаемого поведения. Обозначаются современные тесты измерения имплицитных черт личности и их связь с эксплицитными параметрами. Конкретизируется проблема имплицитных-эксплицитных измерений личности и предлагается ряд гипотез для последующей эмпирической проверки.

Ключевые слова: большая пятёрка; время реакции; имплицитный ассоциативный тест; социальное познание; черты личности

Имплицитное социальное познание и методы его исследования

В последние годы, на почве сближения социальной и когнитивной психологии, второе дыхание получают идеи, имевшие ранее основание разве что на территории психодинамической психологии: личностные процессы и процессы социального познания могут функционировать на двух уровнях — контролируемом и автоматизированном.

Импульсом к развитию таких мыслей послужили исследования в области социальных установок, стереотипизации и предубеждения.

Долгое время в этой сфере самоотчеты не имели никакой серьезной альтернативы; действительно, для того чтобы узнать мнение человека по тому или иному поводу, лучший способ — это напрямую у него спросить. Однако попытки верификации самоотчетных тестов поведенческими индикаторами наталкивались на низкую эффективность первых. Как было сказано в одной из первых работ, рефлексировавших эту проблему, «анти-негритянские настроения преобладают среди белых американцев куда больше, чем можно было бы ожидать с учетом данных опросов» [15].

© Щebetенко С.А., Вайнштейн С.В., 2010

* Статья, опубликованная в этом номере «Вестника», представляет собой обзор литературы по вопросам измерения черт личности посредством скорости реакции, а также постановку проблемы нашего исследования. В следующей публикации, выход которой запланирован в одном из ближайших номеров, будут изложены процедура первого эмпирического исследования, по сути пилотажного, его результаты, их обсуждение, а также будут высказаны некоторые допущения касательно дальнейших исследовательских шагов.

Практически такая ситуация вновь подняла старый вопрос о создании методов диагностики, альтернативных самоотчетам, способным решить их априорную подверженность интроспекции испытуемого. Но если в прежние времена этот вопрос решался, как уже отмечалось выше, с позиций психоаналитических, предполагающих мотивационное «двойное дно» с соответствующими попытками до него достучаться (проективные тесты), то теперь предпринимаются попытки его решить с помощью методов, зарекомендовавших себя преимущественно в когнитивной психологии и психофизиологии. В последние 15 лет было разработано множество таких тестов, получивших название имплицитных. В их основе обычно лежит измерение скорости реакции на предъявляемые стимулы.

Личность и самооценка методически, да и концептуально, включаются в поле социального познания. Поэтому методы их исследования являются родственными методам исследования таких социально-психологических феноменов, как установки и стереотипы. Неудивительно, что, возникнув на территории исследования стереотипов и предубеждений, имплицитные тесты «добрались» и до черт личности и самооценки. В нашей статье предлагается постановка проблемы исследования черт личности посредством, пожалуй, наиболее часто используемого метода имплицитного познания, «Теста имплицитных ассоциаций» (Implicit Association Test; далее по тексту — IAT; [28]).

Справедливости ради следует отметить, что термины «имплицитный/эксплицитный» не являются вполне корректными, а скорее традиционалистскими [23]. Дело в том, что традиционно, в когнитивной психологии, термин «имплицитный» относится к процессам неосознаваемым в силу кратковременности предъявления релевантного стимула (до пары сотен миллисекунд). Однако в случае с имплицитными

социальными установками у нас нет никакой уверенности, что индивид не осознает эти установки. Более того, чаще всего у нас есть уверенность в обратном. Использование же предпороговой длительности предъявления стимулов (здесь их называют праймами (primes)) является скорее исключением, нежели общим местом.

Как отмечалось выше, современные имплицитные тесты, видимо, имеют в качестве своих предшественников проективные методики; как и последние, имплицитные тесты обращаются к измерению тех установок, о которых индивид не склонен сообщать прямо. Поэтому, как считают Fazio and Olson [23], корректнее стоило бы говорить о «прямых/непрямых» тестах и установках. Однако традиция есть традиция.

Какими свойствами должен обладать имплицитный тест? Hofmann, Friese, and Strack [31] определяют четыре свойства имплицитных тестов. Во-первых, такой тест должен обладать достаточной специфичностью относительно интересующей области: тест, измеряющий установки на Coca-Cola, будет лучше, если он будет касаться Coca-Cola напрямую, а не более широкой категории прохладительных напитков. Во-вторых, имплицитный тест должен обращаться к ассоциативной структуре, лежащей в основе импульсивного процесса. В-третьих, он должен по минимуму обращаться к параметрам сознательного контроля. Наконец, в-четвертых, имплицитный тест должен быть чувствительным как к индивидуальным различиям, так и к вариациям в состояниях.

За последние годы число и разнообразие имплицитных тестов существенно возросло. В качестве примеров можно упомянуть процедуру оценочного праймирования (Evaluative Priming Procedure [22]), ассоциативную задачу «вперед/стоп» (Go/No-go Association Task [41]), задачу лексического решения (Lexical Decision Task [53]), аффективную задачу Саймона (Af-

fective Simon Task [16]), процедуру имплицитной ассоциации (Implicit Association Procedure [43]), оценку оценочного движения (Evaluative Movement Assessment [13]), задачу на окончание фрагмента слова (The Word Fragment Completion Task [18]), анализ лингвистических уклонов (напр., [51]). Однако, как постоянно отмечается разными авторами (напр., [33; 44]), наибольшую популярность среди имплицитных тестов на сегодня имеет так называемый Тест имплицитных ассоциаций (IAT [28]).

То, что делает IAT — это определение силы ассоциации между некоторой категорией (например, экстраверсия или черный цвет кожи) и ее оценкой (в терминах позитивности/негативности или, например, референции к Я/Другому). Такая подоплека существенно отличает тесты вроде IAT от, например, тестов праймирования (priming [23]): последние используют механизм кратковременного (до нескольких сотен миллисекунд) предъявления активирующего слова (прайма) перед словом, требующим от индивида реакции.

В типичном IAT изучаемый параметр определяется по разнице средних скоростей реакции на так называемые «согласованные ассоциативные серии» (напр., русский — хорошо или Я — экстраверсия) и на так называемые «несогласованные ассоциативные серии» (напр., русский — плохо или Я — интроверсия). «Согласованность» в данном случае является сугубо условной, технической, говорящей исключительно о противопоставленности «несогласованности».

IAT демонстрирует впечатляющие результаты: IAT лучше самоотчетных тестов предсказывает поведение в межгрупповом контексте [29], обладает внутренней согласованностью и ретестовой надежностью на весьма высоком уровне, сопоставимым с тем, который показывают хорошие вопросники [20; 29].

Основная проблема IAT в частности и имплицитных тестов в целом — концептуальная. Что лежит за эффектами, получаемыми тестами скорости реакций в социальном познании? Этот вопрос имеет смысл как минимум на двух уровнях: на методическом (каков механизм действия IAT) и на теоретическом (что именно диагностирует IAT).

Например, одна из проблем, связанных с диагностичностью IAT, обусловлена тем, что индивид может активировать не собственные установки в отношении объекта, а лишь свое знание о социальных оценках данного объекта [10; 23]. Например, связывая категорию гомосексуалиста с негативной оценкой, индивид может обращаться не к своей собственной установке на эту группу людей, а на существующее общественное мнение касательно геев и лесбиянок. Таким образом, становится неясно, что же выражает индивид в IAT: свое мнение или общепринятое мнение. Однако, как отмечают Banaji [10] и Lowery, Hardin, and Sinclair [38], эта дилемма может оказаться мнимой: имеет ли смысл различать некое индивидуальное мнение от «общепринятого мнения» в глазах индивида? Где проходит эта граница?¹

Теоретическую составляющую указанной проблемы, как обычно это бывает на ранних этапах осмысления области, решают с трех позиций: двух крайних и одной умеренной.

¹ В любом случае, несмотря на возникающие здесь трудности, на наш взгляд, эта проблема не очень адекватна применению IAT при измерении черт личности: здесь индивид не может активировать «общественное мнение» в силу уникальности своей личности, по крайней мере, в собственных глазах. Единственное возможное осложнение может быть связано с отраженной самооценкой [5]: потенциально индивид может, оценивая себя, активировать ассоциации, связанные с тем, как его видят другие, а не он сам. Однако этот последний случай хотя и требует своей проверки, на старте выглядит весьма экстравагантным, чтобы соответствовать действительности.

Концепции двоичных процессов весьма популярны в последние десятилетия [42; 19]. Логика подобных концепций заключена в том, что линейное воздействие некоего фактора А на объект В наблюдается при определенном состоянии другого фактора С. Фактически это логика общеэкспериментальных факторных планов, и с их внедрением в социальную психологию произошел и всплеск моделей, предполагающих менее жесткую линейную зависимость явлений, ее обусловленность теми или иными контекстуальными факторами, «модераторами» и «опосредующими звеньями» (ср., напр., с логикой межуровневых связей в интегральном исследовании индивидуальности [3]).

В этом контексте Strack and Deutsch [49] разработали рефлексивно-импульсивную модель (Reflective-Impulsive Model; RIM), объясняющую социальное поведение как функцию двух связанных (но различных) процессов. С одной стороны, социальное поведение понимается как вполне рациональный процесс: социальные ситуации сознательно воспринимаются и категоризируются, ценность и потенциальные последствия различных вариантов поведения взвешиваются, принимается решение, активирующее соответствующую поведенческую схему (рефлексивные процессы). Вероятно, что за реализацию рефлексивных процессов отвечают префронтальная зона коры и другие отделы коры, ответственные за принятие решения [2]. Поэтому рефлексивные процессы часто также называют центральными (ср., напр., с «центральным путем обработки информации» в теории убеждения Petty & Cacioppo [42]). С другой стороны, перцептивная информация «на входе» запускает активацию схематических элементов в ассоциативной сети, а рост активации, с преодолением некоего порога, приводит к активации соответствующих поведенческих схем (импульсивные процессы; ср., напр., с «периферийным путем обработки информа-

ции» в той же теории Petty & Cacioppo). Вероятно, что за реализацию импульсивных процессов отвечают ассоциативные зоны коры. Поэтому импульсивные процессы также часто называют ассоциативными. Не следует, однако, считать, что модель Strack and Deutsch предполагает реципрокность рефлексивных и импульсивных процессов; напротив, конкретное социальное поведение полагается как функция обоих указанных механизмов с варьирующимся удельным весом. Впоследствии в плане разработки RIM применительно к чертам личности Back, Schmuckle, and Egloff [9] разработали модель поведенческих процессов личности (Behavioral Process Model of Personality).

В то же время существуют предположения, что имплицитные и эксплицитные тесты измеряют один и тот же феномен, а получаемые различия в результатах обусловлены дисперсией метода [23; 37]. Наконец, Greenwald et al. [29] утверждают промежуточную точку зрения: эксплицитные и имплицитные тесты измеряют два эмпирически разных конструкта, имея в виду, что на сегодня не ясно, какая теоретическая логика здесь более соответствует действительности — двоичная или унитарная.

Личность как предиктор поведения

Стремление психологов продемонстрировать утилитарную мощь личностных конструктов широко распространено и совершенно понятно. Действительно, какой толк от личностных конструктов, если они не способны предсказывать что-либо, кроме самих себя? Поведение — хотя и не единственный, но, пожалуй, наиболее желанный параметр, который должна предсказывать личностная модель.

Допущение, что стабильные внутренние качества могут быть эффективными предикторами поведения, является ключевым при построении диспозициональных теорий личности с момента их возникновения [6; 14]. Однако, как

это часто бывает в науке, укоренение определенного мнения по некоему поводу приводит к движению, ему противостоящему. В нашем случае это выразилось в появлении концепций, утверждающих иллюзорность черт личности как устойчивых, кросс-ситуативных параметров. Объявлялся примат ситуации как фактора, определяющего поведение. Такому мнению способствовали и результаты исследований. В частности, было показано [4; 40], что самоотчетные тесты личности и поведенческие показатели коррелируют между собой приблизительно на уровне $r=.30$. Это фактически может означать, что черты личности, измеренные вопросомником, способны объяснить примерно 10% в вариации поведения данного индивида [33].

В то же время возможности личности как предиктора поведения могут быть существенно ограничены особенностями метода, традиционно используемого для ее измерения, — самоотчетного теста. Так, например, Lucas and Baird [39] приводят огромное количество примеров тому, что самоотчеты (и в первую очередь — вопросники) подвержены действию самых разных угроз, и обычно упоминаемая в этом контексте социальная желательность является отнюдь не единственной, а может быть даже и не первой. Разметка шкалы, размер шкалы, гомогенность пунктов вопросника и многое другое может увеличивать дисперсию итогового показателя [46; 47]. Правда, те же Lucas and Baird в заключение отмечают, что доподлинно не установлено, что дисперсия ошибки метода в самоотчетах является критичной для измерения соответствующих переменных. Более того, Fleeson and Gallagher [25] с использованием мега-анализа¹ 15 отдельных исследований показа-

ли, что черты Большой Пятерки могут предсказывать поведение в пределах $0.3 < r < 0.6$, что достаточно существенно. Этот результат также согласуется с другими, независимыми исследованиями [30; 34], в том числе мета-аналитическими [29].

На этом фоне вопрос об альтернативных методах измерения черт личности многим исследователям видится нетривиальным. Одна из наиболее очевидных в этом смысле перспектив определяется возможностью приложения к исследованиям черт личности тестов скорости реакции, которые, как отмечалось в предыдущем разделе, уже широко распространены в исследованиях социального познания. Возможность такого подхода, вероятно, первыми реализовали Asendorpf, Banse, and Mucke [8]. Надо отметить, что Asendorpf et al. предположили механизм так называемой «двойной диссоциации» в отношениях имплицитных и эксплицитных компонентов Я-концепции, с одной стороны, и поведенческих индикаторов, с другой, легший впоследствии в основу RIM [49]. При такой двойной диссоциации предполагается, что поведение индивида как функция индивидуальных психических свойств (личности) требует своего уточнения: поведение может быть функцией как эксплицитных, так и имплицитных черт личности.

Имплицитные черты личности

Начало использования ИАТ в качестве личностного теста следует отнести к 2000-2002 гг. Первые исследования касались самооценки. Так, Greenwald and Farnham [27] обнаружили, что индивиды с повышенной самооценкой, из-

¹ В отличие от более распространенной процедуры аккумулирующего исследования (мета-анализа) мега-анализ предполагает статистические расчеты на объединенной матрице сырых данных, полученных

в разных исследованиях, с использованием статистики, обычно применяемой к отдельным исследованиям. Мета-анализ позволяет изучать аккумулированный эффект и без матрицы сырых данных, используя лишь итоговые статистические коэффициенты.

меренной IAT, менее подвержены действию внешней обратной связи. Аналогично Jordan, Spencer, and Zanna [35] обнаружили положительную связь между самооценкой, измеренной IAT, и способностью на поведенческом уровне противостоять неудаче.

Asendorpf et al. изучали возможность определения застенчивости посредством IAT. Авторы показали, что застенчивость может функционировать в двух «режимах» поведения — спонтанном и контролируемом. При этом речь и речевые иллюстраторы (т.е. жесты, передающие смысл и сопровождающие речь) относятся к контролируемому застенчивому поведению, а мимические и пантомимические адапторы (т.е. стимуляторы лица и тела посредством рук), а также напряженность в позе — к спонтанному застенчивому поведению. Они обнаружили, что частота жестов, демонстрирующих контролируемое застенчивое поведение, сильнее коррелирует с самоочетным тестом застенчивости; однако частота жестов, демонстрирующих спонтанное застенчивое поведение, сильнее коррелирует с застенчивостью, измеренной посредством IAT. В итоге выдвигается гипотеза двойной диссоциации относительно того, что измеряют самоочетные тесты личности и IAT: первые предсказывают контролируемое поведение, в то время как IAT — спонтанное поведение. Эмпирически авторы показали, что в ситуации, требующей контроля своей застенчивости (моделирование центра оценки персонала), участники показывали меньшие значения по контролируемому застенчивому поведению (в сравнении с контрольной группой), но большие — по спонтанному застенчивому поведению.

В ряде исследований было показано, что IAT применительно к личностным параметрам демонстрирует высокую согласованность (α в районе .80 [8; 20]). При этом ретестовая надежность IAT применительно к личностным параметрам обычно находится в диапазоне

.60 < r < .70 [20; 50], что всего лишь несколько меньше ретестовой надежности, демонстрируемой хорошими самоочетными тестами.

Одна из психометрических проблем имплицитных черт личности связана с возможностью использования альтернативных тестовых процедур. Тем более, что IAT не следует считать неким идеальным тестом: методика имеет ряд свойств, представляющих опасность с точки зрения валидности [16]; в частности, ее исполнение привязано к работе парных категорий (например, Я против Другой). Кроме того, в случае с оценками группы черт личности (например, пяти) возникает проблема одновременности тестирования всех черт. Однако IAT обладает поразительно высокими психометрическими коэффициентами согласованности и воспроизводимости. С другой стороны, попытки применить какие-либо альтернативные имплицитные тесты к оценке черт личности наталкивались до сих пор на непреодолимые психометрические препятствия. Например, Teige et al. [50] попробовали использовать для измерения застенчивости, тревожности и гневливости (angriness) так называемую Заданную извне аффективную задачу Саймона (Extrinsic Affective Simon Task; EAST). EAST был предложен De Houwer [16] в качестве альтернативы IAT. В частности, EAST позволяет получать значения по нескольким параметрам (например, тем же застенчивости, тревожности и гневливости) в рамках одной серии, что невозможно для IAT. Однако Teige et al. обнаружили, что EAST демонстрирует очень низкую, на уровне случайной, согласованность ($\alpha < .24$), а также незначимые корреляции в части конвергентной валидности: EAST не коррелировал не только с соответствующими показателями IAT, но и с соответствующими показателями, измеренными самоочетными тестами.

В другом исследовании Schnabel et al. [44] изучали возможность рассмотрения имплицит-

ных черт личности посредством так называемой Процедуры имплицитной ассоциации (Implicit Association Procedure; IAP). В этой процедуре используются униполярные категории (в отличие от IAT), что является потенциальным преимуществом. В то же время IAP в отличие от IAT предполагает при выполнении основных задач вместо клавиатуры джойстик. Несмотря на эту спецификацию, авторы не обнаружили существенных различий между IAP и IAT при оценке застенчивости, так что даже возникла возможность использовать агрегированный показатель, полученный из усреднения показателей двух тестов. В то же время IAT и IAP показали в этом исследовании устойчивость против инструкции менять свое поведение под требования ситуации, т.е., в данном случае, казаться беззастенчивым; напротив, самоотчетные эксплицитные тесты продемонстрировали явную подверженность в своих результатах подобной инструкции [44].

В одном из первых исследований имплицитной Большой Пятерки Steffens and Schulze-Konig [48] обнаружили, что черты личности, измеренные IAT, могут быть неплохим предсказателем лабораторного поведения, превосходящим в своей предсказательной способности эксплицитный тест NEO-FFI. В частности, IAT статистически значимо предсказывал поведенческий нейротизм (а также оценку собственного нейротизма в лабораторной ситуации), чего не делал NEO-FFI. IAT коррелировал со временем, проведенным участником в свободном общении с экспериментатором (поведенческий показатель экстраверсии), чего также не делал NEO-FFI. IAT значимо коррелировал с реакцией на необоснованное обвинение (поведенческий показатель доброжелательности), чего опять-таки не делал NEO-FFI. Наконец, IAT по добросовестности значимо коррелировал с тестом на концентрацию, что рассматривалось авторами в качестве показателя пове-

денческой добросовестности. И снова, NEO-FFI с этим показателем не коррелировал. Единственный «прокол» продемонстрировал показатель открытости: IAT по открытости не коррелировал с частотой посещения культурных мероприятий, в то время как NEO-FFI с этим показателем был связан¹. Кроме того, авторы обнаружили, что эксплицитные и имплицитные черты личности достаточно независимы друг от друга: коррелировали лишь показатели нейротизма и добросовестности, да и то в диапазоне $.22 < r(89) < .28$. Таким образом, Steffens and Schulze-Konig уже в первом исследовании показали, что у IAT возможны преимущества в предсказании поведения перед эксплицитными чертами личности, а имплицитные черты личности как конструкт вполне имеют право на существование наряду с эксплицитными чертами личности. В частности, данные Steffens and Schulze-Konig подтверждают, что имплицитные черты личности лучше предсказывают автоматическое поведение, в то время как эксплицитные черты личности лучше предсказывают контролируемое поведение и мнения о своем поведении.

Однако в дальнейшем успех Steffens and Schulze-Konig (2006) закреплен не был. Напротив, начали собираться данные о том, что в большинстве случаев эксплицитные, а не имплицитные черты личности являются более эффективным предиктором поведения.

Например, Anderson [7] не сумел подтвердить данные Steffens and Schulze-Konig в части добросовестности: имплицитная добросовестность не предсказывала свой поведенческий индикатор (хотя это и был вполне «автоматизированный» тест на внимание). Более того, экс-

¹ Следует отметить, что частота посещения культурных мероприятий является рефлексивным, а не поведенческим показателем, подверженным когнитивным искажениям.

плицитная добросовестность достаточно достоверно предсказывала самоотчетные оценки по различным академическим тестам в отличие от имплицитной добросовестности.

Более значимо, Greenwald et al. [29], проведя мета-анализ 24 исследований связи черт личности, измеренных IAT с поведенческими индикаторами, обнаружили умеренно значимую положительную корреляцию в 95%-ном доверительном интервале $r=.277(\pm.064)$. В то же время мета-анализ 21 исследования связи эксплицитных черт личности с поведенческими индикаторами выявил, что эта связь является более тесной в среднем, хотя и с более высоким значением доверительного интервала, $r=.353(\pm.105)$.

Резюмируя, следует отметить, что современные исследователи предполагают, что эксплицитные и имплицитные тесты черт личности обладают инкрементной валидностью, т.е., отчасти пересекаясь в своих предсказаниях, объясняют вариацию поведения в зонах, независимых друг от друга [9; 29].

Связь имплицитных и эксплицитных параметров

Обоснованность изучения имплицитных параметров должна быть связана с их возможной способностью предсказывать поведение, независимо и уникально в сравнении с обычными вопросниковыми тестами (т.е. обладать инкрементной валидностью). В начале исследований имплицитных установок предполагалось, что низкая корреляция между имплицитными и эксплицитными показателями одного и того же параметра должна считаться свидетельством валидности имплицитного конструкта [26]. Действительно, если имплицитный и эксплицитный показатели значительно коррелируют между собой, то в чем заключается смысл измерения первого «при живом» и экономичном втором? Действительно, имплицитные тесты

зачастую показывают низкую корреляцию с эксплицитными тестами [9; 12] при достаточном предсказании релевантного поведения [8-9].

Правда, утверждать полную диссоциацию между имплицитными и эксплицитными показателями не удастся. В частности, в одном важном мета-аналитическом исследовании (517 корреляций, полученных в 126 независимых исследованиях) Hofmann, Gawronski, Gschwendner, Le, and Schmitt [32] показали, что имплицитные и эксплицитные параметры умеренно связаны между собой (средняя корреляция по популяции $r=.24$), однако существует значительная варьированность в этих корреляциях (там же. Р. 1376). Hofmann et al. также обнаружили, что так называемая спонтанность конструкта (т.е. мера, в которой индивиды должны полагаться на «интуицию» и «чутье» при его оценке; показатель был получен посредством экспертных оценок) положительно предсказывает величину корреляции между имплицитными и эксплицитными параметрами. Следует, однако, отметить, что авторы не выявили эффектов социальной желательности и интроспективности изучаемого конструкта на корреляцию между имплицитным и эксплицитным тестами. Hofmann et al. также установили, что IAT сильнее коррелировал с эксплицитными тестами, если последние обращались к аффективным (а не когнитивным) проблемам.

В более позднем мета-анализе [29] уже применительно к исследованиям личности ($n=21$) была обнаружена корреляция имплицитных и эксплицитных параметров, лишь приближающаяся к значимой. Они также показали, что эксплицитные тесты черт личности коррелируют с соответствующими поведенческими индикаторами сильнее, чем личностные IAT, хотя и с большим доверительным интервалом этой корреляции (т.е. корреляции IAT с поведенческими индикаторами черт личности

были хотя и менее сильными, но в целом более устойчивыми). Кроме того, Greenwald et al. выявили, что размер корреляции имплицитных и эксплицитных тестов существенно связан с предсказательной способностью поведенческих индикаторов как для эксплицитных, так и для имплицитных тестов. Этот последний результат кардинально противоречит ранним представлениям о том, что предсказательная способность имплицитных тестов увеличивается по мере роста рассогласования имплицитного теста со своим эксплицитным аналогом [26]. Наконец, Greenwald et al. обнаружили давно ожидавшийся результат и для социальной желательности: ее рост сокращал способность предсказывать поведение для эксплицитных тестов, но практически не сказывался на тестах имплицитных. Таким образом, если имплицитный тест плохо предсказывает релевантное поведение, то это связано с действием каких-то других, отличных от социальной желательности, факторов. В то же время это означает, что имплицитные тесты личности, в сравнении с эксплицитными, практически не подвержены действию социальной желательности. Чего нельзя сказать о тестах эксплицитных.

Имеется достаточно свидетельств тому, что имплицитные тесты эффективнее предсказывают поведение тогда, когда у индивида нет достаточно мотивов или ресурсов для контроля своего поведения. По этой причине имплицитные тесты предубеждений хорошо коррелируют с невербальными параметрами поведения, релевантного данному предубеждению (например, расстоянию, на которое садится индивид от представителя целевой расы, или количеству прикосновений, которые совершает индивид в процессе коммуникации с представителем целевой расы [11; 52]). В тех же случаях, когда индивид стремится контролировать свое поведение, корреляция между имплицитным тестом и релевантным поведением может быть самой

разной, даже негативной [23]. В принципе это противоречит позднейшим данным Greenwald et al. [29], что лишь означает, что вопрос о предсказательной способности имплицитных и эксплицитных черт личности, в частности и социальных процессов вообще, остается открытым.

Постановка проблемы

Back et al. [9] обнаружили, что имплицитная Большая Пятерка, измеренная посредством Теста имплицитных ассоциаций (IAT), демонстрирует сравнительно невысокую¹ способность предсказывать прямое поведение. Лишь два параметра из пяти в их исследовании продемонстрировали способность предсказывать поведение: нейротизм и экстраверсия (на уровне $p < .001$). Back et al. посредством частных корреляций показали также, что взаимосвязь имплицитных нейротизма и экстраверсии с соответствующими поведенческими параметрами сохраняется и при статистическом контроле эксплицитных нейротизма и экстраверсии. Этот последний факт говорит в пользу того, что имплицитный тест нейротизма и экстраверсии обладает инкрементной валидностью, т.е. фиксирует самостоятельную часть дисперсии в поведенческих показателях нейротизма и экстраверсии, отличимую от своих эксплицитных аналогов. Данные в части нейротизма имеют и более раннюю эмпирическую поддержку; имплицитные тесты тревожности [20; 45] и застенчивости [8], которые можно рассматривать в качестве аспектов нейротизма, также продемонстрировали хорошую предиктивную валидность. Back et al. [9] полагают, что нейротизм и экстраверсия тесно связаны с базовыми аффективными процессами, обуславливающими ре-

¹ Back et al. (2009) при этом подтверждают более ранние результаты достаточно высокой предиктивной валидности Большой Пятерки, измеренной самоотчетными тестами.

акции приближения — избегания (*ibid.* P. 542). Это последнее соображение дает основания полагать, что нейротизм и экстраверсия имеют прямое отношение к автоматическому исполнению поведения, что, в свою очередь, обеспечивает предиктивную (и инкрементную) валидность их имплицитных тестов. Можно также вспомнить, что именно экстраверсия и нейротизм являются личностными факторами, первичность которых была показана в ранних исследованиях Айзенка [1]. Эти факторы чаще имеют ортогональное отношение и ложатся в основу современных попыток найти поддержку для двухфакторных моделей личности, формируемых в результате вторичной факторизации Большой Пятерки [17]. Bask et al. получили также некоторое (сравнительно слабое) свидетельство в пользу предсказательной способности имплицитной доброжелательности. Однако мы, вслед за Bask et al., также полагаем, что доброжелательность является сознательно контролируемым параметром поведения, и имплицитная доброжелательность предсказывать соответствующее поведение должна незначительно. У результатов, полученных Bask et al., есть и достаточные теоретические основания. Так, например, в концепции связи установки с поведением [21; 24] предполагается, что имплицитные методы лучше предсказывают спонтанное и автоматизированное поведение, в то время как эксплицитные методы лучше предсказывают контролируемое поведение. Мы далеки от утверждения дискретности вкладов автоматизируемых и контролируемых процессов в поведение; напротив, мы предполагаем, что автоматизируемые и контрольные процессы имеют определенный удельный вес в каждой форме поведения. Этот удельный вес и определяет эффективность имплицитных (при преобладании удельного веса автоматизированных процессов) или эксплицитных (при

преобладании удельного веса контролируемых процессов) методов (ср: [8]).

Следует также иметь в виду, что в другом важном исследовании Steffens and Schulze-König [47] обнаружили более высокую предиктивную валидность личностного IAT: за исключением открытости опыту, показатели личностных черт Большой Пятерки, измеренные IAT, статистически значимо (хотя и весьма умеренно) предсказывали поведенческие индикаторы.

В то же время у нас имеются определенные основания и для альтернативной гипотезы о связи имплицитных черт личности с поведением. Сравнительно низкая предсказательная валидность имплицитных тестов в предыдущих работах [9; 43; 48] может объясняться методически. Дело может заключаться в том, каким образом эти исследователи манипулировали одним из важнейших параметров в IAT применительно к личности — параметром «не-Я» («Другой»). Полностью, либо в существенной степени, авторы в этой связи использовали местоимения второго лица с варьированием падежей — *du, dein, dir* (нем. — ты, твой, тебе) и т.д. Вслед за Karpinski [36], мы считаем, что такая манипуляция не вполне удачна: в случае, когда испытуемый имеет дело с подобными стимулами, существенная доля дисперсии результатов может быть связана с тем, что он относит эти стимулы не к «Другому», а к себе самому. Так, в диалоге обращение «ты», очевидно, относится к реципиенту, а не к «Другому». Взаимодействие же с тестовой компьютерной программой вполне может быть случаем диалогового взаимодействия. Как следствие реципиент может видеть в местоимении ты «обращение компьютера» к себе.

На наш взгляд, более эффективной может быть идеографическая манипуляция «Другим», предполагающая использование тех слов, которые участник исследования определит в каче-

стве неприемлемых для его Я-концепции (например, женщина в отношении мужчины или 75 лет в отношении 25-летнего). В пользу этого варианта свидетельствуют мета-аналитические данные Hofmann et al. [32], показавшие, что в исследованиях, где в качестве стимулов в IAT применялись идеографические идентификаторы, корреляция между IAT и соответствующим эксплицитным показателем была выше, что может быть связано со снижением статистической ошибки метода (в сравнении с исследованиями, где в качестве стимула в IAT выступали местоимения или звуковые стимулы).

В том случае, если наше предположение верно, предсказательная в плане поведения валидность имплицитных тестов Большой Пятерки должна быть существенно выше.

Мы предполагаем, что способность имплицитных показателей черт личности будет увеличиваться для тех черт личности, которые предположительно являются более автоматизированными. В первую очередь, речь идет об экстраверсии. С учетом ранее полученных данных мы ожидали также, что личностный IAT будет предсказывать поведенческий показатель нейротизма.

Отдельный интерес для нас представляла факторная структура имплицитной Большой Пятерки. Будет ли она соответствовать эксплицитной структуре? Поскольку нам не удалось найти соответствующих данных в литературе, мы выдвинули стартовое предположение, что двухфакторная ортогональная структура имплицитной Большой Пятерки будет соответствовать обычно получаемым эксплицитным структурам Большой Пятерки.

Другим интересовавшим нас вопросом являлась роль оценок сверстников, знающих индивида (далее — экспертов) в варьировании имплицитных черт Большой Пятерки. В целом мы предполагали, что экспертные оценки, менее подверженные действию социальной жела-

тельности (хотя это влияние, безусловно, сохраняется, поскольку индивид корректирует свое поведение в плане социальной желательности), будут предсказываться имплицитными и эксплицитными чертами личности, однако во взаимодействии с соответствующими поведенческими индикаторами.

За пределом предыдущих исследований остается вклад внешних оценок, полученных от других людей, в имплицитные черты. Отдельным вопросом в этой связи является возможность совместного вклада эксплицитных и имплицитных черт личности, а также внешних оценок в соответствующее поведение.

Одно из возможных объяснений эффектов, получаемых IAT, связано с исключительно когнитивными функциями индивида. В частности, можно предположить, что переключаемость внимания определяет эффекты IAT, а во все не некоторые ассоциативные процессы социального познания. В этой связи, наряду с измерением различных параметров личности, мы измеряли переключаемость внимания, предполагая, что между этим последним параметром и имплицитными чертами личности линейной связи обнаружено не будет.

Изложению процедуры нашего первого исследования, обсуждению его результатов посвящена вторая часть этой статьи.

Список литературы

1. Айзенк Г.Ю. Структура личности. СПб.: Ювента; М.: КСП+, 1999. 464 с.
2. Голдберг Э. Управляющий мозг: лобные доли, лидерство и цивилизация. М.: Смысл, 2003. 335 с.
3. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986.
4. Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2001. 607 с.
5. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми себя, чтобы понять других! Т. 1. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 336 с.
6. Allport G.W. Personality: A psychological interpre-

- tation. New York: Holt., 1937.
7. *Anderson, R.D.* The Implicit Association Test for conscientiousness: An indirect method of measuring personality. Unpublished manuscript for the degree of Master of Arts., 2009.
  8. *Asendorpf J.B., Banse R., & Mucke D.* Double dissociation between implicit and explicit personality self-concept: The case of shy behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 83. P. 380-393.
  9. *Back M.D., Schmuckle S.C., & Egloff B.* Predicting actual behavior from the explicit and implicit self-concept of personality // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. № 97. P. 533-548.
  10. *Banaji M.R.* Implicit attitudes can be measured. In: H.L. Roediger, J.S. Nairne (Eds.) // *The Nature of Remembering: Essays in Honor of Robert G. Crowder*. Washington; DC: APA., 2001. P.117-150.
  11. *Bessenoff G.R., & Sherman J.W.* Automatic and controlled components of prejudice toward fat people: evaluation versus stereotype activation // *Social Cognition*. 2000.№18. P. 329-353.
  12. *Blair I.V.* Implicit stereotypes and prejudice // Moskowitz (Ed.), *Cognitive social psychology*. Mahwah,NJ: Lawrence Erlbaum, 2001.
  13. *Brendl C. M., Markman A. B., & Messner, C.* Indirectly measuring evaluations of several attitude objects in relation to a neutral reference point // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2005. №41. P.346 — 368.
  14. *Cattell R.B.* The description of personality: Basic traits resolved into clusters // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1943. №38. P. 476-506.
  15. *Crosby E., Bromle S., & Saxe L.* Recent unobtrusive studies of Black-and-White discrimination and prejudice: A literature review // *Psychological Bulletin*. 1980. №87. P.546-563.
  16. *De Houwer J.* The Extrinsic Affective Simon Task // *Experimental Psychology*. 2003. №50. P.77-85.
  17. *Digman J.M.* Higher-order factors of the Big Five // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. №73. P.1246-1256.
  18. *Dovidio J.F., Kawakami K., Johnson C., & Johnson B.* On the nature of prejudice: Automatic and controlled processes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1997. №33. P.510 — 540.
  19. *Eagly A. H., & Chaiken S.* The psychology of attitudes. Fort Worth, TX: Harcourt Brace Jovanovich., 1993.
  20. *Egloff B., & Schmuckle S.C.* Predictive validity of an implicit association test for assessing anxiety // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. №83. P. 1441-1455.
  21. *Fazio R. H.* Multiple processes by which attitudes guide behavior: The MODE model as an integrative framework. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA // Academic Press. 1990. Vol. 23. P. 75-109.
  22. *Fazio R. H., Jackson J. R., Dunton B. C., & Williams C. J.* Variability in automatic activation as an unobtrusive measure of racial attitudes: A bona fide pipeline? // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. №69. P.1013 — 1027.
  23. *Fazio R. H., & Olson M. A.* Implicit measures in social cognition: Their meaning and use // *Annual Review of Psychology*. 2003. №54. P.297-327.
  24. *Fazio R. H., & Towles-Schwenn T.* The MODE model of attitude-behavior processes. In S. Chaiken & Y. Trope (Eds.), *Dual process theories in social psychology*. N.Y.: Guilford Press, 1999. P.97-116.
  25. *Fleeson W., & Gallagher P.* The implications of Big Five standing for the distribution of trait manifestation in behavior: Fifteen experience-sampling studies and a meta-analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. №97. P.1097-1114.
  26. *Greenwald A. G., & Banaji M. R.* Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*. 1995. №102. P.4-27.
  27. *Greenwald A.G., & Farnham S.D.* Using the Implicit Association Test to measure self-esteem and self-concept // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. №79. P.1022-1038.
  28. *Greenwald A.G., McGhee D.E., & Schwartz J.L.K.* Measuring individual differences in implicit cognition: The Implicit Association Test // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998. №74. P.1464 — 1480.
  29. *Greenwald A.G., Poehlman T.A., Uhlmann E.L., & Banaji M.R.* Understanding and using the Implicit Association Test: III. Meta-analysis of predictive validity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. №97. P. 17-41.
  30. *Grucza R.A., & Goldberg L.R.* The comparative validity of 11 modern personality inventories: Predictions of behavioral acts, informant reports, and clinical indicators // *Journal of Personality Assessment*. 2009. №89. P.167-187.
  31. *Hofmann W., Friese M., & Strack F.* Impulse and self-control from a dual-systems perspective // *Perspectives on Psychological Science*. 2009. №4. P.162-176.
  32. *Hofmann W., Gawronski B., Gschwendner T., Le, H., & Schmitt M.* A meta-analysis on the correlation

- between the Implicit Association Test and explicit self-report measures // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. №31. P.1369-1385.
33. Hofmann W., Gschwendner T., Nosek B.A., & Schmitt M. What moderates implicit-explicit consistency? // *European Review of Social Psychology*. 2005. №16. P. 335-390.
  34. Hong R.Y., Paunonen S.V., & Slade H.P. Big Five personality factors and the prediction of behavior: A multitrait-multimethod approach // *Personality and Individual Differences*. 2008. №45. P.160-166.
  35. Jordan C.H., Spencer S.J., & Zanna M.P. I love me... I love me not: Implicit self-esteem, explicit self-esteem, and defensiveness. In: S.J. Spencer S. Fein M.P. Zanna J.M. Olson (Eds.). *Motivated Social Perception: The Ninth Ontario Symposium*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2002. P.117-145.
  36. Karpinski A. Measuring self-esteem using the Implicit Association Test: The role of the other // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. №30. P.22-34.
  37. Kruglanski A.W., & Thompson E.P. Persuasion by a single route: A view from the unimodel // *Psychological Inquiry*. 1999. №10. P.83-109.
  38. Lowery B.S., Hardin C.D., & Sinclair S. Social influence effects on automatic racial prejudice // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. №81. P.842-855.
  39. Lucas R.E., & Baird B.M. Global self-assessment. In M. Eid & E. Diener (Eds.), *Multimethod Measurement in Psychology*. Washington, DC: American Psychological Association, 2006. P.29-42.
  40. Mischel W. *Personality and assessment*. N.Y.: Wiley, 1968.
  41. Nosek B.A., & Banaji M.R. The Go/No-go Association Task // *Social Cognition*. 2001. №19. P.625 — 666.
  42. Petty R.E., & Cacioppo J.T. *Communication and persuasion: Central and peripheral routes to attitude change*. New York: Springer-Verlag, 1986.
  43. Schmukle S.C., Back M.D., & Egloff B. Validity of the Five factor Model for the implicit self-concept of personality // *European Journal of Psychological Assessment*. 2008. №24. P.263-272.
  44. Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J. Employing automatic approach and avoidance tendencies for the assessment of implicit personality self-concept: The Implicit Association Procedure (IAP). // *Experimental Psychology*. 2006a. №53. P.69-76.
  45. Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J.B. Assessment of implicit personality self-concept using the implicit association test (IAT): Concurrent assessment of anxiousness and anger // *British Journal of Social Psychology*. 2006b. №45. P.373-396.
  46. Schwarz N., & Clore G.L. Mood, misattribution, and judgments of well-being: Informative and directive functions of affective states // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1983. № 45. P.513-523.
  47. Schwarz N., Strack E., & Mai H. P. Assimilation and contrast effects in part/whole question sequences: A conversational logic analysis // *Public Opinion Quarterly*. 1991. №55. P.3-23.
  48. Steffens M.C., & Schulze-Konig S. Predicting spontaneous Big Five behavior with Implicit Association Tests // *European Journal of Psychological Assessment*. 2006. №22. P.13-20.
  49. Strack F., & Deutsch R. Reflective and impulsive determinants of social behavior // *Personality and Social Psychology Review*. 2004. №8. P.220-247.
  50. Teige S., Schnabel K., Banse R., & Asendorpf J.B. Assessment of multiple implicit self-concept dimensions using the Extrinsic Affective Simon Task (EAST) // *European Journal of Personality*. 2005. №18. P.495-520.
  51. von Hippel W., Sekaquaptewa D., & Vargas P. The linguistic intergroup bias as an implicit indicator of prejudice // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1997. №33. P.490 — 509.
  52. Wilson T., Lindsey S., & Schooler T.Y. A model of dual attitudes // *Psychological Review*. 2000. №107. P.101-126.
  53. Wittenbrink B., Judd C.M., & Park B. Evidence for racial prejudice at the implicit level and its relationship with questionnaire measures // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. №72. P.262 — 274.

ON THE MEASUREMENT OF PERSONALITY TRAITS BY MEANS OF REACTION
TIMES (PART I: DEFINING THE PROBLEM)*S.A. Shebetenko, S.V. Weinstein*

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

Research methods of implicit social cognition are reviewed. A conceptual heterogeneity in empirical development of the problem is shown. We hypothesize the joint contribution of implicit and explicit traits to variance of behavioral data. Contemporary dimensions of implicit personality traits assessed by reaction times and their connections with explicit personality scales assessed by self-reports are marked. The problem of implicit-explicit measurements of personality is defined and several hypotheses are offered for further empirical research.

Keywords: Big Five, Implicit Association Test, reaction time, social cognition, personality traits

---

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.324

**ПРЕПЯТСТВИЕ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ «АРХАИЧНОГО»
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА***А.Г. Антипов*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: agantip@bk.ru

Раскрыты основные препятствия на пути модернизации современного российского общества.

Ключевые слова: общество; архаичное общество; системный кризис; модернизация; социокультура

Разразившийся мировой финансово-экономический кризис ярко обнажил пороки развития современной человеческой цивилизации, показал ущербность большинства ныне существующих моделей социально-экономического развития.

Вместе с тем кризис обусловил критическое и более объективное переосмысление федеральной властью нынешнего положения российского общества, так как за последние два десятилетия успешно не решена ни одна заявленная государством реформа.

Необходимо констатировать, что все заявленные реформы находятся в процессе непрерывной «доработки» или полной «переработки», в результате чего наше государство отстает по многим социально-экономическим показателям не только от развитых, но и развивающихся стран. Так, Россию по ВВП на душу населения уже опережают не только промышленно развитые страны, но и многие развивающиеся

такие как Чили, Малайзия, Бразилия, Мексика [21.С.62]. По результатам исследования Всероссийского центра уровня жизни две трети россиян стоят на пороге физиологического выживания [7.С.5].

Думается, что такое положение страны дало основание президенту РФ Д.Медведеву в Послании Федеральному собранию РФ (ноябрь, 2009 г.) впервые достаточно объективно и критично определить наше общество как «архаичное» [8.С.2], т.е. отсталое.

Какие же признаки присущи архаичному российскому обществу?

Анализируя Послание Президента, к их числу можно отнести следующие:

- стремительно устаревает и морально, и физически все, что было создано в советский период;
- примитивная сырьевая направленность экономики, ее хронологическая отсталость;

- общество сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками;
- низкий уровень политической культуры населения, правовой нигилизм;
- высокий уровень коррупции, закрытость власти;
- несовершенная политическая система;
- неразвитость ценностей и институтов демократии;
- в «архаичном» обществе « вожди думают и решают за всех».

Наряду с перечисленными признаками следует отметить: неразвитость рыночных отношений, отсутствие реальной конкуренции, несбалансированность рынка труда и неэффективная система управления ими, низкое качество образования, в том числе высшего.

При наличии таких признаков не удивительно, что наша страна по многим социально-экономическим показателям является одной из отсталых стран мира.

В статье «Россия вперед!» Президент РФ Д.Медведев признал, что «мировой, экономический кризис показал: дела наши обстоят не самым лучшим образом. Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости» [16]. И как следствие — падение производства, высокий уровень безработицы, низкое качество жизни и т.д.

Относительно такой вполне реальной угрозы в российском обществе развернулись бурные дискуссии по поводу модернизации: высказываются и оптимистические, и пессимистические мнения. Некоторые утверждают, что к осуществлению модернизации и инновации нужно приступить после того, как завершится финансовый кризис, стабилизируется экономика.

По нашему мнению, модернизация и инновация в России дадут возможность ей выжить и развиваться. На этом пути необходимо решить ряд сложнейших теоретических и практических вопросов, среди них: на какой фазе социально-экономического развития находится страна; что означает модернизация для нашего общества и каковы ее социальные последствия; какие средства и методы позволят преодолеть барьеры, препятствующие модернизации; какие социальные группы населения могут стать своеобразным ее «мотором»; какую роль в этом призвано сыграть государство; какие институты общества способны провести эффективную модернизацию; какова роль в этой модернизации гражданского общества.

Инновационная экономика способна создать новые факторы экономического и социального роста в России.

Ответить на эти и другие подобные вопросы не просто. Поскольку долгие годы ни властные структуры, ни ученые ими не занимались (если ученые и изучали эту проблему, то власть практически игнорировала ее в своей работе).

Кризис, по словам главы государства, показал, что если не осуществить модернизацию экономики, не изменить «самих себя», то новый кризис «просто похоронит» нас [14. С.1]. Это значит, что если наша страна не догонит мировых лидеров научно-технического развития, то не сможет сохранить свою государственность и территорию. В условиях демографического кризиса — это вполне реальный вызов России.

Второй вызов нашей стране связан с возрастанием влияния на мировой арене США и Китая, которые в борьбе за свое экономическое превосходство будут использовать единственный рычаг, по словам известного экономиста Е. Ясина, — наращивание инноваций [11.С.4].Для

вывода страны на путь модернизации необходимо, прежде всего, разработать научно обоснованную модель социально-экономического и научно-технического развития, основанную на инновациях.

Е.Примаков, президент Торгово-промышленной палаты РФ, справедливо утверждает, что «наше положение сегодня во многом продиктовано ошибочной политикой... Сегодня, когда цены на сырье высокие и спрос на него снова поднимается, мы можем вернуться к ситуации, когда страна стремилась стать мощной энергетической сверхдержавой и на этом крепить свое благосостояние... В итоге Россия сможет проспать послекризисный мир, в котором другие государства стремятся уже попасть в шестой технологический уклад, в то время когда наша промышленность находится еще на четвертом» [19.С.7].

Одним из препятствий модернизации экономики и общества в целом является наличие противоречия между призывом федеральной власти к модернизации и непонимание ее роли со стороны бизнеса и общества.

Модернизация требует значительных инвестиций. По подсчетам министра Минэкономразвития Э.Набиуллиной, для перевода российской экономики на инновационный путь развития инвестиции по отношению к ВВП должны будут вырасти до 30 % [12.С.3]. Реально в России такие инвестиции есть, но чаще всего они направляются за ее пределы. Так, за последние десять лет среднегодовая утечка капитала составила 47,9 млрд долл. За последние пять лет данный показатель составил 77,3 млрд долл. в год [15.С.122].

Отсутствует четкая система расходования финансовых ресурсов. Так, премьер-министр В.В.Путин в своем отчете перед Госдумой РФ о работе правительства отметил, что часто фи-

нансовые ресурсы тратятся без всякой связи с общей логикой преобразований, а иногда – и прямо вопреки этой логике [22.С.3]. Известно, что по итогам 2009 г. доля неэффективно используемых федеральных средств тратились с меньшей эффективностью, чем в 2008 г. И это в условиях финансового кризиса!

Приведем высказывание Президента РФ Д.А.Медведева, который в своем Послании Федеральному собранию констатировал: «Как видим, объемы выделяемых для всего Северного Кавказа средств значительные. Однако эффективность их расходования оставляет желать много лучшего. Более того, часть средств почти открыто **разворовывается чиновниками** (подчеркнуто автором. — А.А.) [18.С.2].

В качестве значительного тупика в модернизации экономики общества является теневой сектор экономики, составляющий по различным оценкам от 20 до 80 % ВВП [8.С.4]. Его наличие приводит к ряду макро-, микроэкономических и социальных проблем.

Приведенные факты свидетельствуют о слабости государства как законотворца, отсутствии контроля за экономической деятельностью, дисгармонии между формальными и неформальными нормами. В этом, по нашему мнению, одна из главных причин высокого уровня коррупции в стране.

Понятно, что модернизация невозможна при высоком уровне коррупции, пассивности бизнеса и гражданского общества. Пассивность бизнеса к модернизации объясняется целым рядом причин, в том числе отсутствием мощных стимулов со стороны государства и не только финансовых. Причина пассивного отношения к модернизации общества, различных его социальных групп — это отсутствие или слабое развитие гражданского общества. Мировой опыт свидетельствует о необходимости участия об-

щества в контроле за реализацией значимых крупномасштабных для всех проектов. Таким проектом, безусловно, является модернизация.

Модернизация не может быть сведена только к технике, технологиям и экономике, хотя это чрезвычайно важно. Она касается общества в целом, качества и образа жизни людей, стиля их мышления и поведения, включенности граждан в модернизационные процессы.

В стране практически отсутствует обратная связь государства с обществом. Прав известный экономист, член правления института современного развития Е.Гонтмахер в том, что «обратную связь» «...нельзя сводить только к телевизионному общению «сверху вниз», а надо выстраивать как равноправный, неиминатационный, поэтому часто неприятный диалог власти с самыми разнообразными партнерами» [5.С.4].

В. Дымарский дает еще более жесткую оценку связи власти с обществом. Он пишет: «На корню пересекается общественная активность. Опыт успешных модернизаций в других странах показывает, что для того чтобы общество откликлось на сигналы, исходящие от власти, она, власть, должна быть производной от общества, а не институтом, который обслуживает сам себя» [10.С.3]. Об опасности отката от демократических принципов предостерегает власть и экс-президент СССР М.Горбачев. Он пишет, что «усиливается впечатление, что власть боится гражданского общества, хочет все контролировать. Но ведь мы уже там были! Снова туда же? Думаю, назад никто не хочет, в том числе и руководство страны. Неудовлетворенность нынешней ситуацией в последнее время нарастает» [6.С.3]. Горбачев в своей статье обращает внимание на то, что президент РФ Д.Медведев осознает наличие этой проблемы для модернизации и выступает за ее решение.

И, как известно, ряд шагов в этом направлении власть уже предпринимает. Демократизация общества — это позитивное направление деятельности власти в сторону модернизации. В свое время еще известный экономист-организатор перевода послевоенной экономики Германии на мирный путь развития Л.Эрхард выдвинул идею о том, что **любые реформы обречены на провал, если население не знает о их сути и не участвует в них.**

Модернизация во многом зависит от состояния демократии и человеческого потенциала. Яркой его характеристикой человеческого ресурса служит социальная структура общества. Она является своеобразным зеркалом, отражающим не только общее состояние социума, но и его основные проблемы и противоречия. Совершенно не случайно проблемы социальной структуры являются предметом исследования не только социологии, но и многих других социально-экономических и гуманитарных наук.

В социуме возникают все более подвижные, многообразные социальные группы и слои, все в большей степени перекрещивающиеся, взаимодействующие. Одновременно идет исчезновение старых и появление новых социальных групп и слоев. Основное влияние на этот процесс в нашей стране оказывают социально-экономические и политические трансформации. К сожалению, в меньшей степени его определяет научно-технический прогресс. Ярким отражением этого процесса является показатель наукоемкости продукции. Так, в 2007 г. на долю США на мировом рынке наукоемкой продукции приходилось 39 %, Японии- 30 %, России – только 0,3 % [4.С.37].

Производственные мощности чрезмерно изношены. В целом средний возраст оборудования в российской промышленности превы-

шает 18 лет, что почти в 2 раза превышает нормальный срок его эксплуатации [20.С.16].

Руководство большинства компаний недооценивает потенциальное применение высоких технологий и делает ставку на рост продаж, а не на улучшение качества продукции и производительности труда, несмотря на конкуренцию, которая возникает после вступления страны во Всемирную торговую организацию и Организацию экономического сотрудничества и развития.

В целом в промышленности используют устаревшие технологии, не способные конкурировать на мировом рынке. Заимствование же новых и новейших технологий развитых стран наталкивается на множество препятствий: экономических и политических.

Западные страны, при всей своей дружелюбности по отношению к России, тем не менее во многих случаях категорически выступают против передачи нам новых технологий. К примеру, попытка России договориться с Францией об условиях покупки у нее вертолетоносца «Мистраль». Россия рассчитывала приобрести четыре таких корабля – один в готовом виде, а три построить по французской лицензии на своих верфях, однако Франция не пошла на такой шаг. В то же время наша страна, сближая позиции с Францией по иранскому ядерному вопросу, решила отказаться от поставок Ирану своих ракетно-зенитных комплексов С-300. Как заявил по этому поводу премьер министр В.Путин, Россия заплатит за это решение слишком большую цену, так как иранцы назначат штрафы за расторжение контракта [17.С.11].

Особо следует подчеркнуть, что никакая модернизация невозможна без квалифицированных специалистов, талантливых ученых, ка-

чественного образования и постоянного профессионального обучения.

В настоящее время в стране сложилась профессионально-квалифицированная структура рынка рабочей силы, маловосприимчивая к изменившимся отношениям в сфере производства [1.С.56-66]. Более половины работающих по-прежнему заняты на производстве в основном простым неквалифицированным трудом или традиционным трудом средней сложности. Как следствие, возникают проблемы с трудоустройством этих людей, оказавшихся в силу обстоятельств безработными.

Обнаруживается низкая степень удовлетворенности работодателей качеством подготовки выпускников профессиональных учебных заведений. Как отмечают некоторые руководители регионов, стандартам ожидания предпринимателей не соответствуют 90 % молодых специалистов [24.С.18].

Так, министр образования и науки РФ А.Фурсенко считает, что из трех тысяч вузов две тысячи нужно закрыть, поскольку они не дают реального высшего образования.

Кадровая политика на большинстве предприятий слабо связана с рыночными реформами. Основная часть работодателей и работников не заинтересована в повышении профессиональной квалификации кадров и росте производительности труда. Исследователи констатируют, что большинство новых рабочих мест, созданных в течение последних пяти лет, отмеченных экономическим оживлением, являются «периферийными» с точки зрения качества, уровня оплаты, социальной защиты. Иными словами, рынок генерирует рабочие места, которые приносят работнику низкую «отдачу», недостаточную для удовлетворения потребностей его самого и семьи [3.С.6]. Развитие различных секторов экономики идей стихийно. Об

этом свидетельствует, в частности, тот факт, что наиболее высокий рост заработной платы наблюдается отнюдь не в тех отраслях, которые признаны приоритетными. Следует признать, что до сих пор федеральные власти уделяют внимание к сырьевым отраслям, а не инновационным производствам, которые, при соответствующей поддержке власти, способны осуществить прорыв нашего общества на качественно новый уровень.

Следует обратить внимание еще на один немаловажный факт: в период нынешнего кризиса, когда уровень безработицы, по данным МОТ, в нашей стране достиг 10 %, в официальных выступлениях руководства страны озвучена цифра 1 млн рабочих мест, созданных за период кризиса дополнительно, но не уточняется, какие это рабочие места, а это принципиально важно знать.

Нынешняя социальная структура российского общества не соответствует задачам, направленным на инновационное развитие экономики и социальной сферы. В стране чрезмерно «раздут» управленческий аппарат (государственных чиновников у нас больше, чем в советское время). В 2008 г. государственных и муниципальных чиновников насчитывалось 2.060.234 чел. [2.С.6]. Всякие разумные пределы превысило число административного аппарата милиции. «Ни одна даже самая развитая страна в мире не может позволить себе содержать такую армию полицейских», — считает начальник штаба регионального ГУВД генерал-майор А.Первухин. «РУВД превратилось в «монстров», где на одного работающего с населением приходится с десятков начальников» [21.С.62]. Не случайно сейчас в этой структуре намечена серьезная реформа, но какой она даст эффект, судить пока рано.

Рассмотрим еще один значимый барьер модернизации. Хорошо известно, какую роль в развитии современного общества отводил социокультуре российско-американский социолог П.А.Сорокин, обосновавший ее значимость в понимании общества как единства культуры и социальности, образуемого деятельностью человека. Данная концепция созвучна также утверждению М.Вебера о том, что «экономический человек» — это слишком узкое понятие (на это обращают внимание многие современные отечественные и зарубежные ученые и политики).

Финансовый кризис отчетливо выявил значимость социокультуры в модернизации общества. Как отмечалось ранее, ни одна из проводимых в стране правительственных реформ не завершена и не дала ожидаемых результатов вследствие ее недоучета. Это объясняется тем, что меры по реформированию основных сфер общества, его структур и институтов зачастую осуществляются порознь, без учета необходимости их гармоничного взаимодействия друг с другом, не просчитываются социальные последствия большинства принимаемых решений. Нередко властные структуры, зная о наличии реальных проблем, не пытаются самостоятельно их решить. Многие федеральные институты, стремясь снять с себя какую-либо ответственность за возникновение той или иной проблемы, только лишь предупреждают руководство страны о ее существовании. В результате чего в нашей стране укоренился метод так называемого «ручного» управления.

Современное общество требует иной культуры, иного типа управления, иного отношения бизнеса и государства к человеку. В цивилизованном обществе бизнес — это прежде всего не прибыль, а забота о человеке, его развитии. У нас, как образно выразился в одном из своих

интервью премьер-министр В.В.Путин, бизнес «жадничает». Однако нужно признать, что и государство «жадничает», оно экономит на здоровье человека, на развитии образования, физической культуры, культуры вообще. В ходе реформ игнорируется фундаментальное положение о том, что самый перспективный объект для инвестиций — человек. Без учета этого препятствия модернизация невозможна.

В чем причины недооценки властью всех уровней России социокультурного фактора?

Насколько нам известно, в научной литературе нет системного, комплексного анализа этих причин. Нет и глубокого анализа истинных причин нашей прогрессирующей отсталости практически во всех сферах общества и отраслях хозяйства. И автор данной статьи не претендует на такой анализ.

Выделим некоторые причины недооценки в обществе и государстве социокультурного фактора.

Условно все причины можно объединить в две группы. Первая группа причин обусловлены традициями, которые исторически сформировались в нашем обществе и сегодня оказывают на него как позитивное, так и негативное влияние. Вторая группа возникла уже в ходе проводимых реформ в течение последних двадцати лет.

Социокультура, система ценностей, — это то, что делает человека личностью. Современный опыт показал, что либеральная система ценностей — это симптом глубокого кризиса нынешней цивилизации, отчуждения личности. Одним из главных препятствий (тупиков) на пути преодоления отчуждения личности от общества, от микросреды является ориентация ее на потребление. А.Н.Леонтьев в этой связи справедливо писал: «...Личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие не-

обходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ» [13.С.25].

Подводя итог, необходимо отметить, что модернизацию экономики и российского общества в целом невозможно рассматривать без учета всестороннего развития личности, высокой социальной ответственности государства и бизнеса.

Необходимо уделить внимание изучению вопросов организационного, правового и психологического порядка, что позволит оказать не меньшее влияние на модернизацию экономики и общества, нежели экономические и социальные.

Так, формирование нового типа экономики, как считают ряд специалистов, потребует коренного изменения не только всего законодательства России [23.С.1], но и психологии мышления государственных чиновников и бизнес-структур.

Итак, необходимы комплексное изучение препятствий на пути к модернизации и поиск эффективных путей, методов и технологий их преодоления.

Список литературы

1. Антипов А.Г. Современное российское общество и его социальная структура // Вест. Перм. ун-та. Сер. 1. Философия. Психология. Социология. 2010. Вып. 1.
2. Белуза А. Плодите и размножайте чиновников // Известия. 2009. 7 окт.
3. Бобков В. Реальные масштабы бедности в России значительно больше, чем принято считать // Человек и труд. 2007. № 5.
4. Говорова Н.В. Занятость в постиндустриальном мире // МЭ и МО. 2007. № 12.
5. Гонтмахер Е. Без косметики // Рос. газ. 2009. 24 марта.
6. Горбачев М. Перестройка, 25 лет спустя // Рос. газ. 2010. 12 марта.
7. Грицюк М. Бедных стало меньше // Рос. газ. 2010. 28 апр.

8. *Дробишевская Т.А., Погребинская В.А.* Функции теневой экономики на этапе смены институциональной структуры// Вестн. Моск.ун-та. Сер. 6. Экономика. 2009. № 5.
9. *Дубичева К.* Милиция борется с «монстрами» //Рос. газ.2009. 8 окт.
10. *Дымарский В.* Свобода и несвобода. Что рентабельнее?//Рос.газ. 2010.18 февр.
11. *Зыкова Т.* Инновации без драйва//Рос. газ. 2010.11 февр.
12. *Кукол Е.* Иностранцев позвали в Сколково// Рос. газ. 2010. 19 апр.
13. *Леонтьев А.Н.* Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975.
14. *Летухина К.* С думой дебит и кредит//Рос. газ. 2009. 22 окт.
15. *Кравченко П.П.* Системные риски российской экономики// Менеджмент России и за рубежом. 2009. № 4.
16. *Медведев Д.А.* Россия вперед! // Рос. газ. 2009. 11 сент.
17. Модернизация: пути и средства//Рос. газ. 2009.27 ноября.
18. Послание Президента РФ Д.Медведева Федеральному собранию РФ //Рос. газ. 2009.13 ноября.
19. Российская Федерация сегодня. 2010. № 6.
20. *Рязанов В.* Антикризисная политика в России: Стратегические приоритеты и текущие задачи//Экономист. 2009. № 12.
21. *Семеко Г.В.* Мировая экономическая динамика и экономика России в начале XXI в.//Экономические социальные проблемы России. М.,2009.№ 1.
22. *Сидибе П.* Вдумчиво// Рос. газ. 2010. 21 апр.
23. *Шкель Т.* С думой о Сколково// Рос.газ. 2010. 2 июля.
24. *Шувалова Л.*Кадры//Рос. газ. 2008.26 дек.

THE OBSTACLE ON THE WAY OF MODERNIZATION OF «ARCHAIC» RUSSIAN SOCIETY

A.G. Antipyev

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The article elucidates the main obstacles on the way of modernization of modern Russian society.

Key words society, archaistic society, systemic crisis, modernization, socioculture

УДК 316.334.2

ФЕНОМЕН КОРПОРАТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СТРАНАХ ЗАПАДА*

К.А. Петухов

Пермский центр социального партнерства и социологических исследований ПГУ,
614990, Пермь, Букирева, 15
e-mail: petoukhov@psu.ru

В статье исследуются истоки возникновения корпоративной социальной ответственности (КСО). Анализируются основные теории социальной ответственности бизнеса и подходы бизнес-структур к интеграции КСО в управленческие процессы. Дается обзор критики феномена КСО с позиций неомарксизма.

Ключевые слова: социальная ответственность; корпоративное гражданство; режим накопления; легитимация; этика

Ученые гуманитарных и социальных дисциплин уделяют большое внимание исследованию понятия корпоративная социальная ответственность (КСО). Интерес к этой теме во многом связан с переоценкой роли бизнеса в обществе, усилением процессов глобализации и ростом экологических угроз. В научной среде пока не сложилось единого представления ни о содержании, ни об определении этого понятия. Многие авторы склонны рассматривать КСО как активно-развивающееся поле академических исследований. Это связано, прежде всего, с тем, что вопросы, касающиеся КСО, затрагивают самую основу современных промышленно-развитых обществ — концепцию свободного предпринимательства. Интерес российских исследователей к данной теме обусловлен трансформационными процессами нашего общества, переходом к рыночным отношениям. Несмотря

на то, что в дореволюционной России был накоплен богатый опыт благотворительности, а в советский период забота о благополучии граждан главным образом осуществлялась силами и средствами предприятий, на современном этапе российские компании и исследователи обращаются в этой области к наработкам развитых стран Западной Европы, Америки и Юго-Восточной Азии.

В рамках данной работы дан сжатый анализ англоязычной литературы о корпоративной социальной ответственности. Основной целью является анализ основных подходов к изучению КСО и выявление тенденции ее развития.

Истоки феномена корпоративной социальной ответственности

Капитализм на протяжении двух веков своего существования прошел длинный путь измене-

ний и трансформаций. Вопросы, связанные с компенсацией издержек, налагаемых бизнесом на общество в целом и на отдельных его представителей, на этапе его становления были наиболее важными.

«Существует давняя традиция обращения к проблемам взаимоотношений бизнеса и общества и в академических исследованиях, и в государственной политике, но главной заботой всегда оставалась задача регулирования и стимулирования бизнеса к тому, чтобы он вносил большой вклад в общественное благо» [1].

В Великобритании на протяжении XIX в. доля населения, занятого в промышленности, возросла с 20 до 60%. [2] Это был один из самых грандиозных социально-демографических сдвигов в истории. Он оказал огромное влияние на все сферы человеческого бытия: на повседневный быт, материальную и духовную культуру, политику и религию.

Развитие промышленности поставило перед обществом новые проблемы: использование детского труда, гибель людей на заводах и в шахтах превратилась в обыденность, африканский континент стал главным поставщиком рабов для стимулирования индустриальной революции в США. Многочисленные протесты, часто жестоко подавляемые, стали причиной появления первых законов, регулирующих условия труда: Фабричный акт 1819 г., закон об условиях труда горных рабочих 1842 г. в Великобритании.

В этот период формируются первые концепции ответственности бизнеса перед обществом. Ключевым термином той эпохи была благотворительность. Именно в рамках благотворительного подхода некоторые крупные бизнесмены того времени начали выделять значительные средства на разовые социальные проекты (строительство церквей, больниц, домов

для рабочих и т.д.). Важно отметить, что благотворительные акции носили нерегулярный характер и не были частью какого-то стратегического подхода компаний. Это была, прежде всего, инициатива конкретных (обычно, очень богатых) людей, направленная на рабочих тех предприятий, которыми владел меценат.

Корпорации в конце XIX — начале XX в., по мере их неограниченного роста, стали оказывать заметное влияние на политику, что привело к великой депрессии. Политика «нового курса» Рузвельта заставила компании действовать в изменившихся условиях, при этом роль государства в регулировании бизнеса существенно возросла. Забота о гражданах стала доминирующей идеей и позже трансформировалась, прежде всего в Западной Европе, в идею государства всеобщего благосостояния. Считалось, что в важнейших отраслях, таких как добыча угля, транспортная инфраструктура, металлургия, распределение и производство энергии, государство должно быть собственником, обеспечивая тем самым устойчивое развитие других секторов экономики. После второй мировой войны более конкретным стало понятие прав человека. Декларация прав человека, принятая ООН, и сейчас рассматривается как неотъемлемая часть ранних инициатив КСО.

Трансформация подходов к пониманию социальной ответственности компаний в предвоенный период проходила на основании рассмотрения бизнеса как специфического социального института, призванного защитить Запад от коммунистической экспансии [11]. Отчасти такая постановка вопроса перекликается с идеями английского утилитаризма и либеральной теории морали Адама Смита. По их мнению, компании рассматривались как люди, т.е. обладали правами и обязанностями, обязательствами по отношению к другим членам

общества. Для них были свойственны нормы, ценности и моральные принципы. Патрик Мерфи разработал удачную периодизацию по-

слевоенного процесса становления концепции КСО (см. табл. 1).

Таблица 1. Эры становления концепции КСО по П. Мэрфи [1]

№ n/n	Название эпохи	Характеристика эпохи	Исторические границы эпохи
1	Эпоха «филантропии и благотворительности»	Разовые акции, персональная инициатива руководителей, поддержка работников	До 50-х гг. XX в.
2	Эпоха «осведомленности»	Большая вовлеченность бизнеса в социальную сферу и более отчетливые проявления ответственности	1953-1967
3	Эпоха «проблем»	Компании сосредотачивают свое внимание на конкретных социальных проблемах и занимаются их преодолением (например, проблемы расовой дискриминации, кризиса городов или проблем загрязнения окружающей среды)	1968-1973
4	Эпоха «восприимчивости»	Разработка управленческих практик и систематизация процессов разрешения социальных проблем	1974-1978

В 50-х гг. прошлого века в промышленно-развитых странах возникли экологические проблемы, связанные с загрязнением воздуха в крупных городах, таких как Лондон, Нью-Йорк, Лос-Анджелес. В результате политического обсуждения в США был принят акт 1955 г. о контроле загрязнений воздуха, в Великобритании утвержден акт 1956 г. о чистом воздухе. Параллельно начали проводиться исследования в области антропогенного воздействия на природу и в сельском хозяйстве, кроме того, была создана в 1971 г. неправительственная организация Гринпис.

Во второй половине XX в. ярко определили свою позицию различные общественные организации по защите гражданских прав. Это касалось и прав чернокожего населения США, и борьбы за одинаковые условия труда женщин или противодействия дискриминации сексуальных меньшинств. Многие из завоеваний того периода в области прав работников на сегодняшний день являются составной частью корпоративной социальной ответственности.

Ключевой тенденцией развития бизнеса в настоящее время стала глобализация. Такие организации, как Международный валютный фонд, Международный Банк реконструкции и развития, Всемирная торговая организация, обеспечили развитие международной торговли в беспрецедентных объемах.

Однако заметим, что идеи государства всеобщего благосостояния не выдержали проверку временем. В 70-е гг. экономика большинства развитых стран начала проявлять признаки стагнации (высокий уровень безработицы на фоне роста цен). Во многом это произошло вследствие высокой степени зарегулированности рынка, сильного давления рабочего движения, а также налоговой системы, душившей инвестиции [7]. Наиболее яркими борцами за либерализацию экономики стали Р. Рейган и М. Тэтчер. Проводя жесткую и часто непопулярную политику сокращения государственных расходов и ослабления давления на бизнес, эти политики добились значительных успехов в оживлении деловой активности. Позже их под-

ходы легли в основу так называемого вашингтонского консенсуса. Именно выработанными в его рамках принципами должны руководствоваться государства, которым выделяет средства Всемирный банк. В последние десятилетия в обществе наблюдается рост радикализма и недоверия ко многим международным организациям, а также к тем подходам, которые они реализуют, включая и процесс глобализации [8]. В академической среде обсуждаются пути модернизации, выработанного в Вашингтоне подхода за счет включения в него принципов корпоративного гражданства, борьбы с коррупцией, обеспечения прозрачности деятельности компаний для стейкхолдеров и уменьшения бедности населения.

Современный промышленный мир — это мир либеральных ценностей. Другие модели развития общества были дискредитированы тоталитарными режимами управления. Противостояние сместилось из области экономической и политической идеологии в область религиозного мировоззрения. Такую ситуацию Фукуяма назвал «концом истории» [10].

Не меньшее влияние на развитие КСО оказывает и религия. Это влияние не было одинаковым в различные исторические эпохи и может сильно варьировать от региона к региону. Так, в некоторых регионах США религия является основой многих благотворительных инициатив компаний [11]. Исследованиями в этой области занимался М. Вебер. В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» ученый пытался ответить на вопрос о том, почему капитализм активно развивался в одних регионах и не получил развития в других странах.

Так или иначе, но коммерческая и производственная активность составляет основу современного общества, а стремление к экономи-

ческому благополучию является одним из важнейших факторов жизни людей. Однако проблемы, которые привели к появлению такого явления, как КСО, не исчезли и по-прежнему стимулируют не только гражданскую активность населения, но и контроль со стороны государственных органов. В 1909 г. владелец компании Cadbury лорд Кедбери оказался в суде по обвинению в приобретении сырья (какао-бобов), произведенного за счет рабского труда в Африке. Спустя почти сто лет, в 2000 г. компания, основанная им, вновь оказалась в схожих обстоятельствах [6].

Подходы к изучению социальной ответственности корпораций

Рассматривая концепцию КСО как «поле» для академических исследований, заметим, что, несмотря на длительный период обсуждения и анализа в научной среде, не сложилось универсальных и общепринятых подходов к изучению явлений, связанных с взаимодействием бизнеса и общества. При этом вокруг исследования КСО сложилась достаточно разветвленная инфраструктура, в частности большое число научных журналов, посвященных социальной ответственности корпораций, множество международных и национальных организаций и ассоциаций, объединяющих компании с целью устойчивого развития и принятия на себя дополнительной социальной ответственности. Международные и межправительственные организации занимаются разработкой рекомендаций и стандартов в области КСО и т.д. Интерес к социальной ответственности проявляют институты гражданского общества, которые требуют большей прозрачности в деятельности корпораций. Все чаще реализацией практик КСО занимаются руководители компаний, действующих в самых разных социокультурных условиях.

Вместе с тем существует множество разнообразных подходов к определению понятий теорий КСО, но до сих пор нет единого понимания самой концепции КСО. Керолл [13] рассмотрел более 25 разных определений КСО, данных в академической литературе, которые все имеют определенное сходство. Часть из них содержат лишь смутные описания или просто являются выражением веры авторов. В других разработаны более или менее сложные теории бизнеса и его целей в обществе. Эти теории, как правило, связаны с определенными социально-философскими концепциями человека и общества, хотя иногда связь с ними выражена неявным образом.

Предлагаем краткое описание четырех общепринятых теорий КСО или, если точнее, четырех теорий ответственности бизнеса перед обществом. К ним относятся:

- 1) теория корпоративной социальной эффективности (КСЭ);
- 2) теория, часто называемая «теорией акционерной стоимости»;
- 3) теория заинтересованных сторон;
- 4) теория корпоративного гражданства.

Теория корпоративной социальной эффективности возникла на основе нескольких понятий и подходов. Наиболее авторитетное определение КСЭ следующее: «Структура организации бизнеса, основанная на принципах социальной ответственности и процессах реагирования на социальные ожидания, программы и политику компаний, которые отражают её отношение к обществу» [14]. В рамках этой теории утверждается, что бизнес, помимо создания материальных благ, также несет ответственность за социальные проблемы, порожденные бизнесом или вызванные другими причинами. Причём эта ответственность находится за пределами экономических или законодательно за-

крепленных обязанностей компании. Ответственность включает в себя этические требования и благотворительность, которой занимается бизнес для блага общества. Иными словами, реализация КСЭ означает изменение корпоративного поведения с целью снижения вреда, приносимого обществу и собственным сотрудникам [14].

В рамках данной теории подчеркивается опасность, которой подвергаются компании, если их деятельность идет в разрез с ожиданиями людей, являющихся частью социальной среды компании [15]. Таким образом, репутация компании оказывается связанной с общественными настроениями в территории присутствия данной компании [16]. Долгосрочные экономические последствия для компании, которые не всегда легко оценить, в рамках данной теории не являются главным вопросом для обсуждения. Многие авторы рассматривают реализацию социальной ответственности как социальный и этический вопрос. Если попытаться выразить основной подход данной теории КСО, то можно сказать следующее: «Быть ответственным — значит делать полезные вещи».

Рассматриваемая модель КСЭ является своеобразным синтезом идей, возникших вокруг корпоративной социальной ответственности до 80-х гг. XX в. Она представляет собой внутренне согласованную структуру и позволяет проводить оценку современных исследований в сфере взаимоотношений бизнеса и общества [17]. Однако эта модель имеет ряд недостатков. Первый недостаток связан с тем, что само понятие КСО является недостаточно определенным. Однако эта проблема может быть частично решена за счет интеграции мнений, заинтересованных сторон и традиционных подходов [13].

Вторым важным недостатком является отсутствие естественной интеграции между этическими нормами и деловой активностью. Институциональный принцип Вуда, который связан с легитимацией, не затрагивает тему моральной мотивации [17]. Эта теория лишь подчеркивает важность ответственного отношения к обществу со стороны бизнеса при принятии решений. Так определил эту проблему Фримен: «КСО необходима капитализму для создания его нового человеческого лица, но с полным отделением экономики от этики».

Поскольку модель КСЭ не обеспечивает интеграцию экономического и этического подходов к бизнес-практике, то по-прежнему предпринимаются попытки решить эту проблему [17]. Однако несмотря на определенные успехи, исследователи, работающие в рамках данной теории, все еще далеки от разработки «комплексной теории корпоративной социальной ответственности».

Авторы теории акционерной стоимости (ТАС) или доверительного капитализма утверждают, что единственным вкладом бизнеса в развитие социальной ответственности является получение прибыли. В качестве высшей цели любой компании выступает стремление к росту акционерной стоимости, т.е. стоимости компании для ее акционеров. Другие сторонники этой теории подчеркивают, что социальная активность может осуществляться только в связи с требованиями законодательства либо в случае, если эта социальная активность приведет к росту акционерной стоимости компании. Данная теория тесно связана с неоклассической экономической теорией и идеей максимизации полезности инвестиций в компанию для акционера. Наиболее известным разработчиком данной теории можно назвать нобелевского лауреата — Милтона Фридмана. В одной из работ,

написанных совместно со своей женой Роуз, Фридман изложил основную идею данной теории так: «Единственной социальной ответственностью бизнеса является использование ресурсов и вовлечение людей в процесс увеличения прибыли до тех пор, пока увеличение прибыли основано на честных правилах конкуренции, без какого-либо мошенничества или обмана» [18]. В своей известной статье, опубликованной в *New York Times Magazine* в 1970 г., Фридман повторил и доработал свою концепцию, написав: «Единственная ответственность, которую несет бизнес перед обществом, — это максимизация прибыли акционеров в рамках правовых и этических отношений данного государства». Этот подход, который сейчас принято называть стоимостно-ориентированным, часто определяется как высшая цель в рамках практик корпоративного управления и бизнес-менеджмента. Как правило, теория акционерной стоимости рассматривается совместно с агентскими теориями. Такой подход в последние десятилетия доминирует во многих бизнес-школах. В рамках агентской теории владельцы рассматриваются как источники власти, а менеджеры выступают в роли агентов. Агенты несут фидуциарную (основанную на доверии) ответственность перед владельцами. Основной обязанностью менеджеров является максимизация стоимости компании для ее владельцев.

Такой подход широко поддерживается законодателями, и многие компании предпочитают действовать в соответствии с ним, особенно в англо-саксонских странах. Тем не менее многие критики указывают на слабые стороны этой теории.

В отличие от ТАС теория заинтересованных сторон (ТЗС) принимает во внимание отношение отдельных лиц или их групп к компании. В самом общем смысле стейкхолдерами

или заинтересованными сторонами принято считать частных лиц и их группы, на которых оказывает влияние компания, осуществляющая свою деятельность. С этих позиций КСО рассматривается как совокупность обязательств, находящихся за пределами закона или коллективного договора, в отношении различных социальных групп помимо акционеров.

Хотя в рамках теории заинтересованных сторон существуют несколько подходов, приведем определение этой теории, разработанное Клаксоном в 1995 г. В ТЗС (теории заинтересованных сторон) дается следующее определение компании: «Компания представляет собой систему взаимодействия стейкхолдеров, существующую в рамках более крупной системы (общества). Общество обеспечивает необходимую для существования компании правовую и рыночную инфраструктуру. А целью компании является создание благ для своих стейкхолдеров, через конвертирование их отношений с ней в товары или услуги».

Отметим несколько важных достоинств ТЗС. Во-первых, данная теория выглядит более этичной, поскольку она принимает во внимание интересы заинтересованных сторон, а не только требования закона в отношениях менеджеров и стейкхолдеров. Таким образом, управленческие обязанности оказываются гораздо шире, чем просто фидуциарные отношения с акционерами. Кроме того, взгляд авторов теории на права собственности в ТЗС в большей мере связан с представлениями о справедливости, чем это сделано в теории акционерной стоимости. И наконец, в своей первоначальной интерпретации теория заинтересованных сторон уделяет значительно больше внимания вопросам прав человека и человеческого достоинства.

На протяжении десятилетий руководители компаний занимались благотворительной дея-

тельностью и оказали поддержку локальным сообществам, в рамках которых бизнес осуществляет свою деятельность. Было принято понимать эту деятельность как проявление добросовестности и корпоративного гражданства. Такое понимание во многом актуально и в настоящее время. Например, для Кэрролла «быть хорошим корпоративным гражданином — означает активно участвовать в действиях или программах по поддержке благополучия людей или осуществлению доброй воли» [13]. Представление о «хорошем корпоративном гражданине глобального человечества» связано с «благотворительной ответственностью», которая отражает ожидания этого глобального человечества. К таким ожиданиям относится, в частности, и представление о том, что бизнес должен участвовать в деятельности по поддержке общества, которая выходит за рамки законодательно закрепленных требований и в целом больше относится к этической сфере. Концепция глобальных ожиданий стала активно развиваться с 90-х гг. XX в. Постепенно она была расширена до теории корпоративного гражданства (КГ). В настоящее время некоторые исследователи используют термины «корпоративное гражданство» и «корпоративная социальная ответственность» как эквивалентные. Однако другие авторы полагают, что понятие корпоративного гражданства на самом деле является новым способом осмысления роли бизнеса в обществе. Так, Берч определяет КГ как инновационное изменение концепции КСО. Отличие здесь состоит в том, что при рассмотрении взаимодействия бизнеса и общества с традиционных позиций КСО социальная ответственность представляется чем-то внешним и дополнительным по отношению к деятельности компании; в то время как в рамках теории КГ подчеркивается тот факт, что бизнес

является частью общества. Логсдон и Вуд считают, что «такое лексическое изменение – переход от корпоративной социальной ответственности к корпоративному гражданству — отражает глубокие изменения в нормативном понимании того, как компании должны действовать в отношении заинтересованных сторон» [14]. Виндзор пишет о том, что корпоративное гражданство является новым управленческим подходом, эффективно увязывающим различные концепции и обогащающим понимание ответственности. Со своей стороны, Мун и коллеги показывают, что корпоративное гражданство является своеобразной метафорой, отражающей участие бизнеса в жизни общества.

Первым достоинством теории КГ и концепции глобального бизнес-гражданства, вероятно, является само её название. Хотя некоторые сторонники ТАС могут объявить такие понятия, как «деловая этика» и «социальная ответственность», как свидетельство антипредпринимательской позиции. В этой теории важно то, что корпорация занимает или отвоевывает свое законное место в обществе наравне с другими гражданами, с которыми корпорация формирует единое глобальное общество.

Второе достоинство данной теории заключается в том, что она успешно преодолевает узкое функциональное видение бизнеса, сводимое лишь к экономической цели. Не забывая об основной экономической ответственности бизнеса, в рамках данной теории подчеркивается также важность социального и этического измерения роли бизнеса в деле соблюдения и защиты прав человека, содействия социальной защите и развития человеческого потенциала.

После рассмотрения всех четырех теорий можно задать вопрос, какая из них является наиболее удачной. Первый ответ на этот вопрос заключается в следующем — всё зависит от то-

го, что мы ищем. Все описанные теории могут быть использованы для объяснения того, чем являются компании на самом деле. Часть концепций может быть интерпретирована как нормативная база, описывающая то, чем компании должны заниматься, чтобы вести себя в обществе наиболее разумным образом. Исходя из этих представлений, изложенные теории дают нам обоснование некоторых действий компаний, которыми они должны заниматься. В теориях также дано описание принципов осуществления действий, которые реализуют ответственное отношение компаний к обществу.

Само собой разумеется, что не все описанные теории одинаково приемлемы. В то время как описательные теории формируются на основе большого числа наблюдений, нормативные теории складываются на основе строгой рациональности внутренних рассуждений автора. На практике многие компании, особенно в США, в большей степени руководствуются моделями, разработанными в теории акционерной стоимости. В других странах, таких как Япония и страны ЕС, социальное поведение многих компаний приближается к моделям, разработанным в теории заинтересованных сторон. Однако можно найти и такие компании, которые в своей деятельности в большей мере исходят из теории корпоративной социальной эффективности. В настоящее время все более популярной становится концепция корпоративного гражданства, в частности, это характерно для транснациональных компаний.

Бизнес-практики корпоративной социальной ответственности

С точки зрения бизнеса любой проект должен обладать инвестиционной привлекательностью. В этом контексте концепция КСО должна обеспечивать компаниям выгоду, которая в данном случае понимается в самом широком смысле.

Это может быть и прямое увеличение прибыли, и расширение рынков сбыта, и повышение лояльности сотрудников и потребителей, и улучшение социальной среды, ведущее к укреплению положения компании в обществе и т.д. В англоязычной литературе обсуждаются четыре основных подхода бизнеса к реализации концепции корпоративной социальной ответственности на практике:

1. КСО как система сокращения затрат и рисков.
2. КСО как конкурентное преимущество.
3. КСО как инструмент улучшения репутации и легитимации деятельности компании.
4. КСО как синергетический механизм создания ценностей.

Ключевым моментом подхода к КСО, как к системе сокращения затрат и рисков, является расчет на то, что принятие решения об использовании практик корпоративной социальной ответственности уменьшит вредное воздействие, которое оказывает компания на общество и природу. В основе данного подхода лежат неолиберальные теории обмена и утилизации излишков. В них содержится концепция добровольного использования компанией избыточных ресурсов для решения отдельных социальных проблем. Корпоративная социальная ответственность в данном случае выступает как дополнительная статья затрат бизнеса на социум помимо налоговых отчислений, предусмотренных законом. Другим аспектом данного подхода является рассмотрение практик КСО как способа долгосрочного инвестирования, приводящего в итоге к росту прибыли компании. В связи с этой идеей возникает проблема менеджерского оппортунизма — ориентации нанятых руководителей на краткосрочную выгоду и собственное обогащение вместо заботы о будущем компании. Заинтересованные

стороны КСО с позиции описываемого подхода выступают как часть окружающей компанию среды, которой необходимо управлять, а не как полноценные участники диалога с компанией инициаторов управленческих решений. Интересы стейкхолдеров рассматриваются как потенциальная угроза устойчивости компании, а действия менеджмента по реализации практик КСО — как механизм сокращения давления на компанию со стороны общества, и следовательно, как система сокращений возможных рисков и дополнительных затрат.

Взгляд на КСО как новое конкурентное преимущество подчеркивает важность учета внешнего контекста с позиций конкуренции. Интеграция корпоративной социальной ответственности в повседневную деятельность компании позволит ей завоевать превосходство и показать лучшие финансовые результаты по сравнению со средним уровнем этих показателей в отрасли. В рамках данного подхода были развиты теории капитализации глобальных угроз (рост народонаселения, усиление бедности и т.д.). Они получили свое развитие в концепции «будущее в основании пирамиды». Ее суть заключается в том, что новыми и наиболее перспективными рынками в современном мире становятся наиболее бедные, но при этом и наиболее многочисленные жители развивающихся стран и континентов. Корпоративная социальная ответственность рассматривается в контексте данного подхода как новая сфера для конкуренции между компаниями. Подход к КСО как конкурентному преимуществу подразумевает стратегическую ориентацию на нужды заинтересованных сторон и рассматривает их интересы не как препятствия, а как возможности, которые могут быть использованы на благо компании.

Подход к корпоративной социальной ответственности с позиций улучшения репутации и легитимации действий компании включает такие теории и концепции, как лицензия на деятельность (одобрение локальными сообществами и обществом в целом деятельности компании в обмен на социальные инвестиции), гипотеза социального воздействия, причинно-ориентированный маркетинг (передача части выручки за товары на социальные нужды и информирование об этом потребителей), социально ответственные инвестиции и др. Концепция лицензии на деятельность связана с исследованиями Девиса [15] и «железным законом ответственности», который утверждает необходимость ответственности через осознание власти и роли, которую имеют компании в жизни общества. Гипотеза социального воздействия обращает внимание на то, что отсутствие программ корпоративной социальной ответственности наносит существенный вред репутации компании в глазах общества, потребителей, партнеров и работников. Идея легитимации деятельности компании включает, помимо прочего, поиск поставщиков, обеспечивающих сертификацию своей продукции по различным экологическим и этическим стандартам.

Основным фокусом подхода к КСО как синергетическому механизму создания ценностей является поиск и координация интересов заинтересованных сторон, а также выработка устраивающих всех стратегий развития компании. Основными темами данного подхода бизнеса к корпоративной социальной ответственности являются: позитивная совместная деятельность, устойчивые связи компании в локальных сообществах, основанные на ценностях сообщества и групп интересов, социальное воспитание и образование. Ключевая идея данного подхода заключается в том, что налаживание связей

между группами и представителями заинтересованных сторон даёт возможность открытия перед компанией невиданных ранее возможностей совместной работы над проектами, участие заинтересованных и мотивированных людей в деятельности компании, что позволит достичь новых экономических результатов.

Четыре описанные выше подхода бизнеса к реализации КСО отличаются главным образом в своих ключевых положениях по поводу ценности отдельных организационных элементов управления (интересы стейкхолдеров, давление конкурентов и т.д.), каждый из которых можно кратко обозначить таким перечнем слов, как торговля, адаптация, встраивание и взаимодействие. Подход к КСО с позиций понижения стоимости и рисков фокусируется на торговле, рассматривая социальную сферу как арену борьбы конкурирующих интересов. Подход с позиций конкурентного преимущества характеризует социальные затраты как расходы бизнеса по приспособлению к текущим условиям ведения бизнеса. При взгляде на КСО, как на инструмент улучшения репутации и легитимации деятельности компании, социальные инициативы предстают в виде способа согласования экономической активности с политическими, социальными нормами и ожиданиями. Наконец, с позиций синергетического подхода социальная ответственность становится механизмом интеграции усилий разрозненных элементов окружения компании, у которых целью является поиск новых форм и видов экономической деятельности, а также создание новых продуктов (см. табл. 2).

Каждый из представленных подходов затрагивает лишь отдельные аспекты взаимоотношений бизнеса и общества. Это является важным стимулом создания более обобщенного подхода, который бы интегрировал в себя все

указанные выше особенности. В настоящее время такой модели не создано, однако при ее

разработке создании так или иначе должны быть учтены несколько важных моментов:

Таблица 2. Основные положения подходов бизнеса к корпоративной социальной ответственности [19].

<i>Подход к КСО</i>	<i>Снижение стоимости и рисков</i>	<i>Конкурентное преимущество</i>	<i>Репутация и легитимация</i>	<i>Синергетический механизм создания ценностей</i>
Ключевое ценностное суждение	Торговля: вовлеченность компании в КСО понижает ее риски и снижает издержки	Адаптация: стратегический подход к КСО заключается в превращении этой деятельности в конкурентное преимущество	Встраивание: использование стратегий КСО для улучшения положения компании через повышение ее репутации и легитимацию ее деятельности	Взаимоотношения: интеграция интересов стейкхолдеров для создания новых благ и извлечения прибыли
Главная роль бизнеса	Экономический актер	Экономический актер	Политический актер	Социальный актер
Уровень теории	Организационный	Индустриальный	Политическая система и культура	Социальный
Предполагаемая природа взаимодействия со стейкхолдерами	Линейная	Запутанная	Комплексная	Самоорганизующаяся
Доминирующая логика	Нормативная экономическая	Нормативная экономическая	Нормативная политологическая	Познавательная и социальная
Онтологические положения	Четкие	Четкие	Неясные	Неясные, но прочные (язык, история, культура)
Эпистемологические положения	Позитивистские	Пост-позитивистские	Структуралистские и интеракционистские	Прагматические

1. Необходимо преодолеть организационно-центристский взгляд на взаимоотношения бизнеса и общества. В долгосрочной перспективе более продуктивным представляется некий организационно- социальный взгляд на такие взаимоотношения. Рассматривать организацию как часть интегрированной комплексной социальной сети. Взаимосвязи внутри такой сети имеют как линейный, так и нелинейный характер. Кроме того, цели социальной сети могут носить многоаспектный и противоречивый характер. Социальная система, в которой действует бизнес, во многом аналогична по сложности биологическим системам, в которых нели-

нейные связи оказывают иногда более сильное влияние, чем линейные. Это заставляет переосмыслить систему реагирования на неотложные нужды и вопросы, которые возникают перед бизнесом и обществом.

2. Кроме того, нужно отказаться от традиционного разделения этики и экономики. Существующий уровень интеграции и взаимопроникновения бизнеса и общества свидетельствует о том, что корпорации, действующие как обособленные бюрократические системы, становятся неэффективны. На смену им приходят ценностно-ориентированные сообщества, члены которых рассматривают себя и свою работу

как часть чего-то большего, ограниченного лишь общими задачами или связанного системой ценностей.

3. Наконец, необходимо осуществить переход от позитивистского, конструктивистского и эпистемологического взгляда на КСО к более прагматической оценке. Каждый этап в развитии корпоративной социальной ответственности характеризовался более глубоким, ценным и полезным для участников анализом взаимодействия бизнеса и общества. Только прагматический подход обеспечит более широкий взгляд на механизмы создания новых ценностей при анализе большого числа видов взаимодействия заинтересованных сторон.

Управление бизнесом является чрезвычайно сложной задачей: существует большое число факторов, оказывающих существенное влияние на успешное функционирование компаний, зачастую они нелинейно связаны друг с другом (что делает прогноз их взаимодействия практически невозможным) Кроме того, эти факторы неразрывно связаны с общим контекстом насущных потребностей человечества и ограничений окружающей среды. Пути развития подходов бизнеса к корпоративной социальной ответственности в этой связи должны отражать и эту сложность, и меняющиеся условия деятельности экономических акторов.

Каждый из существующих подходов необходимо рассматривать как халархию (систему развития, в которой каждый предыдущий этап развития интегрируется в новую концепцию). Такое понимание с учетом высказанных тенденций развития позволит по-новому интегрировать социальное ответственное поведение в практику повседневной деятельности компаний.

Критика концепций социальной ответственности бизнеса

Взаимоотношения бизнеса и общества всегда были предметом ожесточенных политических и идеологических споров и дискуссий. По мере усиления финансовой и политической мощи корпораций все более остро возникают вопросы ответственности экономических субъектов перед работниками, локальными сообществами, обществом в целом и окружающей средой. В западной литературе, посвященной этой проблеме, примерно с 70-х гг. XX в. входит в употребление термин «корпоративная социальная ответственность» (КСО). Под ним подразумевается комплекс подходов к изучению роли бизнеса в обществе. Помимо этого, КСО — это и совокупность практических мероприятий бизнеса в отношении различных групп заинтересованных сторон (органов власти, СМИ, работников, локальных сообществ, некоммерческих общественных организаций, экологических активистов, международных организаций, профсоюзов и т.д.). Значительное внимание к КСО проявляют и корпорации. Уже сейчас компании по всему миру тратят значительные средства на реализацию практик социальной ответственности. Растет интерес к этой области и в академической среде.

КСО, при поверхностном взгляде, может выражать собой как отход от традиционного капиталистического мировоззрения и даже как выражение левых взглядов. Именно такой точки зрения придерживается создатель монетаризма и нобелевский лауреат М. Фридман [18]. Однако часто оказывается, что в содержании явления может быть заключен совершенно противоположный смысл тому, что лежит на поверхности. Тот энтузиазм, с которым многие корпорации занялись интеграцией КСО в свою экономическую деятельность, наводит на

мысль о том, что эта концепция не несет для экономических субъектов серьезной угрозы, а, напротив, представляет большую опасность для общества, закрепляя дальнейшее усиление капиталистических отношений и более глубокое проникновение диктата рынка в социальную сферу.

Как отмечалось выше, существует большое разнообразие подходов к пониманию того, чем является корпоративная социальная ответственность. Однако их можно свести к двум, часто конфликтующим точкам зрения на КСО [1]: этический подход и подход с позиций экономической обоснованности. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Анализ КСО в рамках этического подхода затрагивает проблему применения на практике норм и ценностей, характерных для того или иного этического убеждения. Важным постулатом данного подхода также является то, что компании рассматриваются как люди, имеющие интересы, ценности, моральные и этические принципы, права и обязанности.

В целом можно отметить, что взгляд с позиций этики на КСО недостаточен, так как скрывает социальную и политическую природу компаний, которая, однако, ярко проявляется в их практической деятельности. Разрыв между этической и материальной стороной уводит за пределы бизнес-этики и приводит к рассмотрению проблем власти и интересов в обществе. В этой связи рассмотрение КСО необходимо вести с точки зрения отношений производительных сил общества.

Подход с позиций экономической обоснованности фокусирует внимание на том, что реализация практик КСО не вредит экономической устойчивости компаний и что в основе их деятельности в любом случае лежат интересы акционеров.

Иными словами, как минимум компания должна выполнять закон и желательно вести себя социально-ответственно, если это не вредит экономической составляющей. Подчеркивается, что управление заинтересованными сторонами (в рамках стратегий КСО) приводит к росту прибылей. В целом, как указывают Маттен и Крейн, компании участвуют в КСО из-за корыстных интересов, и в этом смысле их этические мотивы выглядят несколько сомнительно.

Основной проблемой подхода с позиций экономической обоснованности является определение КСО как товара и фактора производства. Следовательно, в соответствии с позицией Маркса, как и любой товар, КСО необходима для обмена, а не для использования по назначению. Всякий товар производится не из-за своих качеств или для себя, а только в случае, если его меновая стоимость выше, чем затраты на производство. В этом качестве может оказаться что угодно, все зависит от нужд рынка.

Не следует думать, что КСО является фикцией или что эта концепция не интересна бизнесу. Напротив, объем средств, выделяемых корпорациями на социально-ответственные или экологические инициативы, неуклонно растет. Следовательно, можно утверждать, что компании заинтересованы в публично одобряемом социально-ответственном поведении. Эта заинтересованность порождается двумя причинами.

Первая из них связана с тем, что само стремление к максимальной прибыли воспринимается многими менеджерами как социально-ответственное поведение. Поиски прибыли становятся в этом контексте источником социального прогресса. Хотя отдельные руководители могут руководствоваться личными интересами, в целом сообщества собственников верят в то, что прибыль приносит добро: компа-

нии работают, труд работников оплачивается, правительство черпает налоги на социальное обеспечение, риски владельцев компенсируются. Прибыль – это догма, которая не может быть подвергнута сомнению. В связи с этим концепция КСО, указывающая на приоритет общественных интересов, никогда не реализовывала своих потенциальных возможностей. Если в этой идее и содержится какой-то левый радикализм, то в управленческом контексте он оказывается совершенно не реализованным.

Во-вторых, КСО интересна бизнесу как ключ, открывающий дорогу в будущее. Когман и Оппенгейм, а также Девис полагают, что товаризация¹ социальной сферы и КСО не противостоят друг другу, а, напротив, поддерживают. Они полагают, что в областях соприкосновения этих явлений могут возникнуть большие рынки будущего. Компании будут все больше нуждаться в реализации практик КСО, так как вложения в эту сферу носят стратегический характер, повышают лояльность государства и общества по отношению к этим компаниям. Эти затраты могут стать источником роста во многом потому, что наиболее «захватывающие» возможности для развития компаний находятся в довольно спорных с этической точки зрения областях: генная инженерия, частное пенсионное обеспечение и производство товаров и услуг для бедных стран и регионов. Эти возможности, которые очень привлекательны для компаний, еще не реализованы, поэтому многие корпорации хотят оказаться первыми.

Новая экономика не так уж и нова. Либеральные коммунисты по-прежнему ограничены в понимании мира, в котором прибыль является причиной всего позитивного. Но новая эконо-

мика не нова и по другой причине. Как отметил Жижек, либералы отрицают противоречия в своих взглядах. В одно и то же время они призывают к сотрудничеству с работниками, борьбе с бюрократией, диалогу и сотрудничеству, при этом оставаясь авангардом нового режима накопления. Центром их деятельности является желание ослабить связь труда с теми достижениями, которые были достигнуты в период послевоенного бума, глобализировать и капитализировать общество. Как конкретные люди, они, вероятно, похожи на Генри Форда или Эндрю Карнеги, которые жертвовали миллионы на благотворительность, но при этом жестоко подавляли организованное рабочее движение. И здесь мы вновь возвращаемся к идеям Маркса и тем ограничениям, в которых находятся капиталисты. Неважно, какие усилия прикладывают они к поиску выхода из собственных противоречий, они всегда ограничены собственным миром погони за прибылью. Именно она имеет для них первостепенное значение.

Новые либералы выработали весьма реалистическую точку зрения на нарождающуюся КСО. Новый режим нуждается в легитимизации. Уже сейчас КСО подвергается критике со стороны профсоюзов, экологов и антиглобалистов. Для того чтобы противостоять этой критике, бизнес должен быть сведущ в социальной проблематике. Девис [15] выражает эту идею следующим образом: «С позиций защиты, компании, игнорирующие общественное мнение, делают себя мишенью для нападок». Он идет дальше и говорит о том, что общественное мнение не нужно рассматривать как угрозу, а оценивать как реальную рыночную возмож-

---

¹ Понимаемый в широком смысле процесс коммерциализации социальных отношений, которые еще не были захвачены рыночными механизмами.

ность. Общественное давление, с его точки зрения, часто свидетельствует о неудовлетворенной социальной потребности или о потребительских предпочтениях. Бизнес может получить существенные преимущества, если распознает эту ситуацию раньше своих конкурентов. Сейчас действия экологических активистов, профсоюзов, антиглобалистов рассматриваются, с одной стороны, как угроза, а с другой — как реальная рыночная возможность, на которой строится современный пост-фордистский режим накопления. Это понимание призвано продвинуть капитализм в качестве единственного достойного механизма развития общества и мира в целом. Однако это еще и путь в коммерциализированное будущее товарного фетишизма, а для корпораций — возможность дальнейшего роста прибыли.

Изучение феномена корпоративной социальной ответственности является необходимым элементом осмысления роли бизнеса в жизни общества и государства. Особую актуальность этой теме придает тот факт, что без выстраивания эффективных взаимоотношений компаний, социальных институтов и групп невозможно устойчивое развитие человечества, отдельных стран и регионов. Включение российского бизнеса в систему международной торговли, процессы глобализации, усиление глобальных угроз делают практики корпоративной социальной ответственности важной частью процессов модернизации нашего государства. Накопленный западными обществами опыт взаимодействия государства, бизнеса и общества может послужить основой развития таких отношений в России.

Сложность изучения корпоративной социальной ответственности состоит в том, что в настоящее время не сложилось научного консенсуса ни в определении самого понятия КСО,

ни в интерпретации основных мотивов данного явления. Кроме того, не прекращается критика концепции социальной ответственности бизнеса как с позиций левого толка (неомарксистская парадигма), так и справа (неолиберальная идеология). Разнообразие теоретических подходов и противоречивые толкования КСО отражают особую важность проблем, затрагиваемых в этой концепции. В настоящее время наблюдается тренд анализа практик и теорий КСО с позиций плюрализма и попыток найти пути интеграции этих разрозненных взглядов в единую систему.

Другой важной особенностью развития корпоративной социальной ответственности является фактический пересмотр организационной структуры бизнеса. Он становится неизолированным, бюрократическим актором, действующим в интересах извлечения прибыли, а своего рода сообществом людей, объединенных общими ценностными подходами и действующих в общих интересах. Границы этого сообщества не могут быть четко определены, состав его участников непостоянен и изменчив. Но именно такая «облачная» структура взаимоотношений позволяет, по мнению исследователей, наиболее эффективно утилизировать природные ресурсы, использовать творческий потенциал и время людей, удовлетворять интересы самого сообщества, государства и человечества в целом.

Анализ англоязычной литературы по корпоративной социальной ответственности показал, что данная тема является сферой междисциплинарных исследований. Теория корпоративной социальной эффективности активно разрабатывается в социологии, концепция корпоративного социального гражданства появилась в политологии, теория акционерной ценности стала результатом работы экономистов.

Именно от интеграции усилий ученых разных специальностей зависит возможность создания обобщающей теории корпоративной социальной ответственности, а также выработки универсального подхода бизнеса к реализации КСО.

Список литературы

1. *Blowfield M., Murry A.* Corporate responsibility: a critical introduction. Oxford University Press, 2009.
2. *Kennedy PM.* The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. New York: NY: Random house, 1987.
3. *Carney WJ.* 'Limited liability', in Bouckaert B. and de Guest G. (eds.), Encyclopedia of law and economics, Cheltenham: Edward Elgar, 1998.
4. *Korten DC.* When corporate rules the world, West Hartford, CT and San Francisco, CA: Kumarian Press, 1995.
5. *Henderson D.* The role of business in the modern world. London: Institute of economic affairs, 2004.
6. *Du Cann R.* The art of the advocate, Harmondsworth: Penguin books, 1993.
7. *Englander E., Kaufman A.* The end of managerial ideology: from corporate social responsibility to corporate social indifference // Enterprise and society. 2004. Vol.5. P.3.
8. *Maxwell S.* The Washington consensus is dead! Long live the meta-narrative. London: Overseas development institute, 2005.
9. *Gilpin R., Gilpin JM.* The political economy of international relations, Princeton, NJ: Princeton university press, 1987.
10. *Fukuyama F.* The end of history? // National interest, Summer. 1989. Vol.16.№1.
11. *Eberstadt, Nicholas N.* 'What History Tells us about Corporate Responsibilities'. Business and Society Review/Innovation, autumn, 1973. P.76-81.
12. *Murphy Patrick E.* 'An Evolution: Corporate Social Responsiveness'. University of Michigan Business Review, Nov. 1978.
13. *Carroll A.B.* 'Corporate Social Responsibility: Evolution of Definitional Construct' // Business & Society. 1999. Vol. 38. №3.
14. *Wood D.J.* 'Toward Improving Corporate Social Performance' // Business Horizons. 1991. Vol.34. №4.
15. *Davis K.* 'Five Positions for Social Responsibility'. Business Horizons. 1975. Vol.18.№3.
16. *Lewis S.* 2003. 'Reputation and Corporate Responsibility'. Journal of Communication Management, 7(4).
17. *Swanson D.L.* 'Addressing Theoretical Problem by Reorienting the Corporate Social Performance Model'. Academy of Management Review. 1995. Vol.20.№1.
18. *Friedman M.* 'Capitalism and Freedom'. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
19. *Crane A., Mc Williams A.* and other. 'The Oxford Handbook of Corporate Social Responsibility'. Oxford University Press, 2008.

PHENOMENON OF CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY IN THE WEST

K.A. Petoukhov

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The origins of corporate social responsibility (CSR) are investigated. The author analyzes the key theories of social responsibility of business and approaches toward integration of CSR into management processes and criticism of the phenomenon of CSR in terms of neo-Marxism.

Key words: social responsibility, corporate citizenship, accumulation mode, legitimation, ethics

УДК 303.4253

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В.П. ВОРОНЦОВА*А.Г. Истомина*

Пермский государственный университет, 614099, Пермь, Букирева, 15
e-mail: istomina111@mail.ru

Анализируется концепция интеллигенции В.П. Воронцова. Выявляются широкий и узкий подходы к определению понятия интеллигенции. Рассматриваются отличия концепции В.П. Воронцова от концепции интеллигенции теоретиков субъективного направления: П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского, Иванова-Разумникова.

Ключевые слова: интеллигенция; общество; народ; класс

Два подхода в понимании интеллигенции

В социологической концепции В.П. Воронцова можно выделить два подхода к определению понятия интеллигенции: широкий и более узкий.

Согласно узкому пониманию интеллигенция — это представители науки. Этот подход в большей степени характерен для работы В.П. Воронцова «Наши направления», вышедшей в свет в 1893 г.

В соответствии со вторым, более широким подходом, под интеллигенцией подразумевается группа лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, осуществляющих врачебную, адвокатскую, преподавательскую и иные виды деятельности. Так, в статье «Капитализм и русская интеллигенция», опубликованной в 1884 г. в журнале «Отечественные записки», Воронцов относит к интеллигенции лиц свободных профессий. Он включает в число «представителей интеллигентного труда» (это еще один синоним интеллигенции) лиц,

занимающихся врачебной, адвокатской, преподавательской, инженерной деятельностью. Интересно, что такой подход находит отражение и в современных исследованиях, причем не только в российских. К примеру, французский ученый Кристоф Шарль в работе «Интеллектуалы во Франции», изучая социальную общность французских интеллектуалов, выделил четыре основные группы: «ученых, литераторов, публицистов», «людей искусства», «юристов», «медиков» [10. С. 38].

В статье «Производительные классы и интеллигенция в России», опубликованной в 1896 г. в «Новом слове», Воронцов уточняет характеристику интеллигенции, полагая, что работниками интеллигентного труда являются лица со средним и высшим образованием.

Таким образом, интеллигенция, по Воронцову, это не размытые, абстрактные критически мыслящие личности (как у П.Л. Лаврова), а понятие, которое можно определить исходя из объективных критериев: уровень образования, профессиональный статус. В отличие от Ива-

нова-Разумника он не наделяет интеллигенцию таким этическим признаком, как антимещанство [4. С. 25]. Между тем представление об интеллигенции как о критически мыслящей личности близко Воронцову и в характеристике интеллигенции он не исключает морально-этической компоненты. Поэтому в «Наших направлениях» Воронцов напишет: «Главная сила интеллигенции... заключается в ее критической мысли, в идеях, вырабатываемых ею, в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция заключается в просветительном влиянии на общество и руководстве последним в случае проявления общественной самостоятельности. Она — учитель, офицер; сила умственная и нравственная, но не физическая» [1. С. 189].

Интеллигенция как представитель науки

Итак, мы выдвинули тезис о том, что Воронцов рассматривает интеллигенцию в широком и узком смысле. На наш взгляд, это разграничение Воронцов вводит намеренно. Попробуем разобраться, для чего в «Наших направлениях» Воронцов акцентирует внимание на интеллигенции как на представителе науки, а не рассматривает ее как совокупность лиц свободных профессий.

Обращаясь к интеллигенции как к представителю науки (под наукой в данном случае имеется в виду не наука вообще, а именно гуманитарные науки или еще точнее — социология), он легитимизирует за ней право говорить на языке и «от лица истины» (ведь цель научного познания есть истина). Именно истина является целью основного научного поиска интеллигенции, но истина не позитивистская, т.е. очищенная от моральных и этических идей, а истина, соотнесенная с результатами справедливости и общего блага. Поиск истины для Воронцова, как и для интеллигенции, о которой

он пишет, не самоцель (точка зрения *наука ради науки* вообще редко присуща российским социологам), весь пафос заключается в том, чтобы при помощи полученных фактов «оценить явление с точки зрения общего блага, истины и справедливости, предугадать грядущие события и, наконец, проектировать целесообразные мероприятия» [1. С. 119]. Данный посыл полностью воспроизводит традиции этико-субъективного направления. В качестве доказательства можно привести цитату Михайловского из «Записок профана», в которой он излагает свое понимание деятельности социолога: «...Социолог ... должен прямо сказать: я желаю познавать отношения, существующие между обществом и его членами, но кроме познания, я желаю еще осуществления таких-то и таких-то моих идеалов» [7. С.624]. А являясь априори нравственной силой, интеллигенция имеет возможность ставить подобные идеалы.

Размышляя над вопросом, как интеллигенция познает окружающую ее социальную реальность, Воронцов приходит мысли о существовании трех элементов познания общественных отношений. Он выделяет:

- 1) чувства человека, выражающие его потребности;
- 2) представления, «окрашенные цветом обстановки, среды»;
- 3) данные наблюдения самих отношений [1. С. 119].

Обобщая выделенные компоненты, Воронцов резюмирует, что на социальные воззрения интеллигенции влияет совокупность субъективных и объективных факторов: индивидуальные чувства конкретного лица, национальные и сословные чувства и различные объективные данные. При этом он отмечает, что из объективных данных мы можем довольствоваться лишь теми, которые доступны наблюдению

нию в данное время (под данным временем он, скорее всего, имеет в виду не только время, но и место, т.е. пространство). Он считает, что мы можем увидеть лишь небольшую толику объективных данных, касающихся жизни общества, т.е. только то, что дано нашему непосредственному наблюдению здесь и сейчас. Недостаток же объективных данных мы будем восполнять за счет субъективных представлений и чувств, которые содержатся в общественной среде. По мнению Воронцова, реальность дана нам в ее настоящем, прошлое же и будущее мы черпаем из собственных представлений и представлений других людей.

Классовая подкорка интеллигенции и любовь к народу

Вопрос о классовой сущности интеллигенции интересен потому, что практически в любой крупной концепции интеллигенции так или иначе затрагивается этот вопрос и решается одним из двух способов: либо интеллигенция принадлежит к классу (сословию), либо является бессословной (внеклассовой). По мнению Воронцова, интеллигенция, как и другие группы общества, принадлежит к определенному классу, в частности к господствующему. Это в корне отличается от точки зрения Иванова-Разумника, который в качестве основного критерия интеллигенции выделял ее внеклассовость и внесословность [4. С.19].

Являясь частью господствующего класса, интеллигенция, по убеждению Воронцова, бессознательно воспроизводит классовые интересы, подчиняя им общие, идеальные задачи. «Интеллигенция стремится охватить социальные явления с точки зрения *общей, идеальной* (курсив мой. — А.И.), а по ограниченности знаний и под влиянием личного интереса и среды она их понимает в духе *господствующего класса* (курсив мой. — А.И.)» [1. С. 120]. Между

тем, добавляет Воронцов, есть случаи, когда представители интеллигенции могут остаться на вершине общего интереса, т.е. выйти за рамки ограничения собственного класса, но при этом они не смогут найти практического материала, нужного им для теоретических схем, поэтому они останутся на границе утопии. В качестве примера он приводит утопию Томаса Мора.

Таким образом, интеллигенция (западноевропейская), по Воронцову, становится заложником своей собственной классовой природы, она постоянно пытается взглянуть на общество широко и полно, но в результате смотрит на него с точки зрения своего класса и своих интересов. Примечательно, что данный тезис полностью укладывается в марксистскую логику. Это то, о чем писал Маркс: «...Не следует впадать в то ограниченное представление, будто мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические интересы. Она верит, напротив, что специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба» [6. С. 658]. Хотя, если задуматься над вопросом, является ли интеллигенция классом, по мнению марксистов, ответ будет отрицательным. Марксизм трактует интеллигенцию как некую социальную прослойку, подкласс, исходя из того, что она не имеет самостоятельного отношения к средствам производства, в отличие от двух основных классов: буржуазии и пролетариата.

Как мы уже отметили, относя интеллигенцию к классу, Воронцов сталкивается с неразрешимой дилеммой. По его мнению, интеллигенция может всесторонне охватить явления социальной жизни и выработать общечеловеческие идеалы только в том случае, если не будет

принадлежать к какому-либо классу и соответственно не будет транслировать образцы и нормы его поведения. Следовательно, перед ним встает проблема перевода интеллигенции в рамки бессловной и бесклассовой группы. Этот вопрос он решает достаточно оригинальным способом. Проследим логику рассуждений Воронцова.

Интеллигенция Европы на протяжении истории принадлежала к господствующим группировкам, таким как церковь, феодалы, буржуазия. Эти господствующие классы постепенно сменяли друг друга, но каждый новый привилегированный класс был силен и «самодостаточен». Из этих классов западная интеллигенция черпала свои социальные идеалы (т.е. фактически из самой себя), не обращая своего взора к народу. Облекая эти идеи в формы общечеловеческой справедливости, на деле она реализовывала свои узконаправленные цели и интересы. Вот схема, которая демонстрирует, как происходит подмена общих ценностей классовыми (сословными) в силу таковой «природы» интеллигенции.

Между тем российская интеллигенция, по мнению Воронцова, не имела в прошлом самостоятельного экономического или политического влияния, т.е. она не входила в господствующие классы. Она существовала лишь как слуга государства, слуга власти (вместе с тем мы должны понимать, что даже если фактически она и не имела особых прав, тем не менее «официально» была именно привилегированным сословием). Будучи в подчиненном положении, интеллигенция не нуждалась и в самостоятельной идее и соответственно заимствовала, черпала эти идеи из других групп, а именно из народа. Здесь следует пояснить еще одно обстоятельство, чрезвычайно важное для понимания в целом логики и квинтэссенции социоло-

гии Воронцова. Прежде всего, Воронцов — народник и народническая идея пронизывает все его труды. Говоря об общечеловеческой идее, общечеловеческой правде, о прогрессе во благо всех, Воронцов имеет в виду благо народа, правду и справедливость, защищающую народ. Под народом же понимается крестьянство, мелкие ремесленники и т.д. Но даже если учесть, что «низшие» классы составляли большинство населения (из 100% населения на рубеже веков 80% было крестьянство), то естественно, что маленькую толику будут составлять классы господствующие. Поэтому даже в случае принятия за основу (как более справедливые) идеи, которые защищают простой народ, мы не можем говорить, что они являются общечеловеческими, ибо при реализации интересов народа возможно будут ущемлены интересы помещиков, буржуазии и т.д.

Итак, Воронцов отмечает в характеристике русской интеллигенции ее внимание к народной жизни, к русскому крестьянству, он указывает на стремление интеллигенции искать источник развития в народной среде. Воронцову и самому весьма близко это стремление и, отличая по этому критерию нашу интеллигенцию от западноевропейской, он целиком и полностью находится на стороне первой.

Размышляя над причинами такого положения (тяги интеллигенции к простому народу), Воронцов выдвигает две объяснительные гипотезы. Согласно первой русская интеллигенция сформировалась в то время, «когда абстрактные положения общечеловеческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смешиваемы с формулами, в отвлеченном выражении имеющими общий характер, а фактически представляющими интересы привилегированного класса» [1. С. 154]. Что имеет в виду под этим Воронцов? Скорее всего,

он пытается сказать, что к тому времени, когда интеллигенция образовывалась, классы еще не оформились как таковые, соответственно ценности могли иметь некий общий характер, но с момента формирования классового общества ценности стали дифференцироваться в зависимости от представляющего их класса (т.е. интеллигенция не сразу осознала свои классовые интересы). Таким образом, продолжает мысль Воронцов, наблюдая за общественной жизнью и видя трудности крестьянского быта и недостатки крепостного права, интеллигенция на основе общих идеалов справедливости начинает выступать с просветительскими идеями за интересы народа. То есть фактически выходит за рамки своей классово-сословной сущности: осуществляет то, что было не под силу сделать Томасу Морю.

Суть второй гипотезы мы уже назвали ранее, она состоит в несостоятельности российских привилегированных классов как культурных агентов, «их бессилии в качестве руководителя общественного развития» [Там же. С. 155], что вынудило интеллигенцию обратить свой взор на народ как на более здоровую и живую основу.

Развитие русской и западноевропейской мысли и ее влияние на характер и взгляды русской интеллигенции

В «Наших направлениях» Воронцов пытается обобщить историю развития западной и русской мысли и связать ее с характером русской и западноевропейской интеллигенции. Ссылаясь на труды историков, он пишет, что на первоначальном этапе развития человечества господствовали принципы экономической свободы и равенства и что «средний индивид тогда нравственно был чище, нежели в настоящее время» (эти взгляды близки французским просветителям, в частности Ж.Ж. Руссо) [1. С.

152]. Постепенно общество разделилось на два класса. Первый, небольшой по численности слой, можно его назвать господствующим классом, взял на себя роль главного агента исторического процесса. Второй слой, более многочисленный и более бесправный, т.е. народ (синонимом народа было крестьянство), выступил в качестве инструмента господствующего класса. Первоначально «вся прогрессивная энергия» накапливалась в среде меньшинства и «тратилась на борьбу и выработку форм жизни и мирозерцания, соответствующих новому общественному укладу», затем на «развитие науки, промышленности и торговли» (но также в рамках господствующего класса) [Там же. С. 163]. Такое положение дел Воронцов объясняет сильной дифференциацией общества и его низкой степенью интеллектуального развития. Следствием неразвитости этико-социальных знаний стала, по мнению Воронцова, невозможность выработки интеллигенцией объективных социально-этических систем, признающих равенство прав всех людей. Западно-европейская интеллигенция «замыкалась» в своих построениях субъективными настроениями и узкоклассовыми интересами. Между тем постепенно шло развитие промышленной техники, что влияло на высвобождение свободного времени у народа, последнее способствовало более сильному развитию науки и оттачиванию человеческой мысли, ее способности критически мыслить. Критическое мышление приводило к выработке более широких общечеловеческих идей, наполненных не только сословным содержанием, но и универсальными ценностями. Изменение общественной мысли шло параллельно (эти процессы неразрывны друг от друга) с изменением состава привилегированного меньшинства. Теперь этот слой начинает пополняться за счет так называемого

третьего сословия (в русском варианте это были бы разночинцы), «выделившегося из низшего класса, стремившегося вверх, но не допускавшего занять это место и принужденного бороться за него не только оружием, но и логикой, что вело к необходимости защищать свои претензии ссылкой на общие начала правды и справедливости» [Там же. С. 165]. Вслед за третьим сословием в Западной Европе возникло четвертое (скорее всего, Воронцов имеет в виду пролетариат), которое уже принадлежало к большинству населения и, следовательно, имело возможность выступать в качестве силы, стремившейся уничтожить дифференциацию, лежащую в основе общества. В данном случае Воронцов говорит о социалистических настроениях, господствующих во Франции (и не только во Франции) того времени.

Между тем историческое развитие России складывалось иным путем. Борьба с Азией затянула процессы эволюции общественных отношений, поэтому, когда у нас появилось время обратиться к Европе, мы с удивлением обнаружили небывалый для нас расцвет научных знаний и богатейшую культуру. Для российского общества самой насущной проблемой стало сокращение имеющегося культурного и технического разрыва с Европой. Чтобы хоть как-то сократить этот разрыв, нам приходилось много копировать, перенимать, заимствовать у европейцев. Российское правительство с целью преодоления отсталости страны было вынуждено силой насаживать науку на русской почве, заимствуя западные идеи и технические новинки. Безусловно, говоря об этом, Воронцов имеет в виду реформы Петра I.

Наука, перенятая на Западе, приживалась на русской почве, начинала давать конкретные результаты и вместе с тем развивать в российской интеллигенции способность критически

мыслить. Каким образом Воронцов объясняет подобное развитие критической мысли? Он считает, что вместе с наукой мы получили и западноевропейские прогрессивные идеи, критикующие общественные формы, которые у нас до сих пор были сохранены. Речь идет об институте крепостного права. Именно крепостное право выглядело, с точки зрения нашей интеллигенции, отжившим анахронизмом, позорящим нашу страну и тянущим ее в средневековье. И именно на фоне идеи борьбы с крепостным правом объединится российская интеллигенция позднее.

Между тем западноевропейские идеи общественного развития, согласно логике Воронцова, нам не подходили. Они не могли быть перенесены на русскую почву именно вследствие того, что главным агентом истории на Западе выступали отдельные классы. Примечательно, по мнению Воронцова, что большая экономическая и культурная отсталость российского государства сыграла даже некоторую положительную роль, т.к. повлияла на широту воззрений российской интеллигенции. Воронцов объясняет это так: если бы в России не было института крепостного права, мы бы обратились к идеям о построении капитализма по западному образцу и, следовательно, перешли бы от одного рабства, народного, к другому, буржуазно-капиталистическому. К счастью, как считает Воронцов, сохранившееся в России крепостное право уберегало интеллигенцию от увлечения идеями построения буржуазного общества. Смотря на Россию и видя рабство миллионов, интеллигенция не могла позволить себе никаких идей, кроме общегуманных и идей чистой свободы.

Интеллигенция, вышедшая из привилегированного класса (дворянства), которая была осуждена историей (за крепостное право) и ко-

торая не могла перейти в другой класс, например в класс буржуазии, т.к. у нас этот класс еще не сложился, искала ту группу, которую бы можно было взять за основу для выработки «светлого социального будущего». И единственный слой, который она видела перед собой, был народ, и интеллигенция отдала приоритет интересам народной массы. В истинности этого приоритета Воронцов ничуть не сомневается; кроме того, ставя интересы народа выше интересов меньшинства, интеллигенция тем самым реализует идею истинности и справедливости в построении общественных форм (это тот случай, когда Правда-Справедливость и Правда-Истина приходят в равновесие). Здесь можно бы процитировать П.Л. Лаврова: «...Лишь тогда прогресс возможен, когда в убеждение развитого меньшинства вошло сознание, что интересы его тождественны с интересами большинства во имя прочности общественного строя..., когда личность может вносить в нее более ясное сознание общности связующих ее интересов и в этом самом процессе перерабатывает их в нравственное убеждение» [5. С. 339]. Под большинством Лавров, как и Воронцов, подразумевал народную массу; он (Лавров) был первым социологом, объявившим об ответственности интеллигенции перед народом за то, что первая пользовалась всеми благами цивилизации, достигнутыми огромными усилиями и страданием простого народа.

Итак, русская интеллигенция сплотилась вокруг общенародной идеи, единственно верной, и до 1861 г. она направляла все свои усилия на борьбу с крепостным правом. Как пишет Воронцов: «В конце 50-х годов мы видим редкий случай единения всех прогрессивных сил, как между собой, так и с властью, результатом чего явилась великая реформа 19 февраля и последующие преобразования в судебной облас-

ти, сфере самоуправления и т.д.» [1. С. 171-172]. Но результат отмены крепостного права стал и причиной нарушения единения интеллигенции, так как с исчезновением этого института в России появилась почва для создания капитализма и, следовательно, возможность присоединения к буржуазным идеям. Следствием изменившихся условий стал раскол в среде интеллигенции. Интеллигенция разбилась на два лагеря. Первый стоял, как и прежде, за народ, а следовательно, за истину + справедливость, второй же стал проповедовать идеи развития капитализма в России. Чем же на практике был страшен капитализм? По мнению Воронцова, капитализм приводит к разрушению мелкого самостоятельного производства и замене его единоличными предприятиями, акционерными, широко использующими машины и механизмы, в общественной жизни – это угроза нового подчинения народа. Капитализм, по Воронцову, это новое рабство. Нельзя не отметить, что в этом он близок марксистам, хотя философские основания их концепций почти противоположны.

В то время как для одной части интеллигенции было характерно «полурабское преклошение перед западной культурой и барское высокомерие перед русским мужиком», другая ее часть «оказалась последовательной и сохранила верность традиции и основным положениям общечеловеческой правды... Указанная часть интеллигенции и после реформ 60-х гг. продолжала преследовать ту же цель гуманных принципов, что требовало выработки конкретного мирозерцания, соответствующего как этим принципам, так и новым условиям и благу народа» [Там же. С. 173-174]. Вторая часть интеллигенции — это народники, представителем которых был сам Воронцов. Вообще, если вернуться к вопросу о классовости и сословности

интеллигенции, можно заметить, что Воронцов двояко, можно сказать, предвзято относится к разрешению данной дилеммы. По Воронцову, получается, что классовая природа интеллигенции не дает последней реализовать истинные идеалы справедливости. Именно на это и обречена западноевропейская интеллигенция. Российская же интеллигенция по природе тоже должна бы относиться к привилегированному слою (дворянству), но в силу определенных причин (уже названных) она как бы преодолевает свою классовую сущность и на практике становится бесклассовой. При этом остается непонятным вопрос, будет ли интеллигенция, защищающая народ, бессословной (т.е. претендующей на истину и справедливость), а защищающая капитализм — сословной, классовой? И еще. Не лишится ли интеллигенция как некая единая социальная группа ее единства, ее статуса некой общности, если подобным неоднозначным образом будет трактоваться один из ее идентифицирующих критериев, одна из ее характерных черт?

Вопрос, которого также следует коснуться, это вопрос о взаимодействии интеллигенции с народом и необходимости возникновения новой народной интеллигенции.

В результате отмены крепостного права народу были предоставлены личные права, у него появилась возможность участия в общественной жизни страны. Народ стал привлекаться к заведованию уездным и губернским хозяйством, ему стали доверять выполнение обязанностей присяжных заседателей. Стало увеличиваться количество лиц податных сословий в средних и высших учебных заведениях. Как выразился в 1874 г. Михайловский: «...разночинец пришел» [8]. Явление разночинцев, по мнению Воронцова, явилось свидетельством появления новой силы.

За привлечение к общественной деятельности простого народа выступала, по утверждению Воронцова, только вторая часть интеллигенции. И здесь Воронцов озвучивает идею о необходимости образования новой группы, группы так называемой народной интеллигенции (эта идея, к сожалению, не находит продолжения в его дальнейших работах), которая должна стать звеном между народом и интеллигенцией. Возможно, Воронцов имеет в виду каких-то отдельных образованных выходцев из народа, которые смогли бы выполнять роли некоего культурного агента.

Интеллигенция как совокупность лиц свободных профессий. Капитализм и интеллигенция

Прежде мы уже высказали мысль о том, что в трудах Воронцова можно встретить узкую и широкую трактовку интеллигенции. Более узкий подход к понятию интеллигенции как представителям науки мы уже обсудили ранее. Обратимся ко второй трактовке. Итак, как нами уже было отмечено, согласно более широкому подходу Воронцов под интеллигенцией рассматривает группу лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, осуществляющих врачебную, адвокатскую, преподавательскую и иные виды деятельности. Каким целям может служить второй подход? Он позволяет рассмотреть, каким образом широкая социальная группа, состоящая из лиц, выполняющих жизненно важные общественные функции, вписывается в существующую социальную реальность. Комфортно ли ей в существующем общественном строе? И в каких отношениях находятся существующий капиталистический строй и работники интеллигентного труда? Эти вопросы ставит перед собой Воронцов и эти вопросы он разрешает на страницах своих статей.

Воронцов предоставляет достаточно угнетающую статистику о невостребованности лиц свободных профессий в России. Он цитирует множество газетных сообщений, подтверждающих данный факт. К примеру, «из 27 человек, окончивших курс в историко-филологическом факультете, лишь 17 назначены на места, для остальных же десяти нет свободных вакансий»; «несмотря на существующие повсеместно в России скотские падежи, ветеринарные врачи не находят себе занятия, а земства категорически отказываются принимать их к себе на службу»; «на одну вакансию земского врача в Княгининском уезде было подано 76, а на другую, в Кашинском уезде, 92 прошения» [2. С. 313-321]. Рассматривая подобные факты, Воронцов ставит вопрос: может быть, предложение интеллигентского труда превышает существующий в обществе спрос? Быть может, для равновесия нужно сократить количество учащихся в вузах? Оказывается, дело не в этом. Спрос на лиц интеллигентского труда в обществе высок. Более того, врачей, юристов, учителей, техников, ведущих агрономов даже не хватает. Для доказательства из «Врачебных ведомостей» Воронцов приводит статистику о соотношении числа врачей в России и других государствах. Так, «в Соединенных Американских Штатах на 10000 человек имеется 16,24 врача, в Швейцарии — 7 врачей, в Италии — 6,1, в Англии — 3,41, в Германии — 3,21, во Франции — 2,91, в России — 1,6» [Там же. С. 325]. Получается, мы сталкиваемся с неким противоречием: недостаток в образованных людях наряду с их же переизбытком. «Там, — крестьянин умирает без медицинской помощи, не имеет вовсе дохода от истощенной земли...; здесь — врач, агроном, технолог бродят без дела и если не умирают с голоду, то только потому, что готовы братья за первое

подвернувшееся задание, дающее кусок хлеба» [Там же. С. 327]. Итак, мнение о том, что в обществе существует переизбыток интеллигенции, всего лишь миф. В общественной жизни наблюдается нехватка высшего труда. Предложение интеллигентской силы превышает лишь рыночный спрос, т.е. тот, который оплачивается деньгами. Воронцов объясняет, что финансовыми ресурсами обладает лишь привилегированный слой (меньшинство), и объективно он не нуждается в большом числе лиц интеллигентных профессий. Народная же масса (большинство), хотя и испытывает острую нехватку в медицинской и юридической помощи, не может себе этого позволить, у нее нет средств для «содержания» интеллигенции. Но такое положение дел есть результат капиталистического устройства общества. По мнению Воронцова, «капиталистическая организация как крупная ведет к экономии разного рода затрат, в том числе и затрат высшего труда, т.е. при прочих разных условиях, капиталистическое течение жизни относительно сокращает спрос на интеллигентный труд» [3. С. 434]. Ко всему прочему капитализм негативно действует на мелкое производство, «разрушая мелкий промысел и не давая занятия освобождаемого таким образом труду, он имеет необходимым следствием застой, если не упадок, благосостояния массы населения, благодаря этому последнее теряет возможность оплатить столь нужный ему интеллигентный труд и вынуждено оставаться при архаических средствах удовлетворения своих разнообразных потребностей» [Там же. С. 435]. Подобным образом Воронцов подводит нас к мысли о том, что капиталистический строй вовсе не выгоден интеллигенции, что даже материальный интерес должен привести ее к народнической идее. Работая и развивая народную самостоятельность, интеллигенция будет

работать по сути сама на себя, на свое собственное благополучие. В итоге Воронцов приходит к совершенно поразительному выводу, что, защищая массу простого народа, интеллигенция «в сущности, борется за свой классовый интерес, который к тому же совпадает с интересом общегосударственным» [Там же. С. 438]. Эта фраза по сути придает признаку уже якобы принятой номинальной бесклассовости «народнической» интеллигенции классовый характер. Только теперь непонятно, что это за класс? Стала ли интеллигенция неким новым образованием или осталась прежней? Может показаться, что Воронцов достаточно вольно обращается с терминами: то забирая, то вновь отдавая признак «классовости» интеллигенции. Полагаем, что это объясняется тем, что первоначально интеллигенция состояла только из представителей дворянского сословия и принадлежала, безусловно, к классу привилегированному. Позднее в ее ряды вливается интеллигенция разночинная, которая вынуждена зарабатывать себе на хлеб исключительно собственным интеллектуальным трудом. С одной стороны, она уже не относится к привилегированному классу, с другой — образует некую особенную социальную общность, которую можно назвать по отношению к первой бесклассовой, но, в условном смысле, имеющей объединительную цель.

Итак, подводя итог, можно резюмировать: несмотря на то что концепция интеллигенции Воронцова в каких-то моментах продолжала идею Лаврова о критически мыслящих личностях, в целом она представляет собой самостоятельную целостную концепцию и не может быть вписана в рамки этико-социологической, представителями которой являлись Лавров, Михайловский и Иванов-Разумник [подробнее о концепции интеллигенции представителей

субъективного направления см. 9. С. 118 — 121]. Один из главных вопросов — о принадлежности интеллигенции к классу (сословию) — решался представителями субъективного направления по-разному. В отличие от их трактовок концепция интеллигенции Воронцова носит более приближенный к реальной жизни характер, что позволяет исследовать ее на основе выделенных образовательных и профессиональных критериев. По сути, концепция Воронцова очень близка современной трактовке интеллигенции. Между тем ввиду идеологической «привязки» интеллигенция делится им на две группы, критерием разграничения является поддержка общечеловеческих идеалов и народничества. Получается, что представители интеллигенции, поддерживающие народническую идеологию, стоят на позициях добра и справедливости, радуют за весь народ. Представители же марксизма (социалисты), либералы, консерваторы, признающие капитализм, защищающие пролетариат и т.д., априори не могут претендовать на всеобщность выдвигаемых ими идеалов, а следовательно, и на истину в науке и истории.

Список литературы

1. *Воронцов В.П.* Наши направления // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
2. *Воронцов В.П.* Капитализм и русская интеллигенция // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
3. *Воронцов В.П.* Производительные классы и интеллигенция // Интеллигенция и культура. М.: Астрель, 2008.
4. *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли: в 3 т. М.: Республика; ТЕРРА, 1997. Т. 1.
5. *Лавров П.Л.* Исторические письма. СПб.: Русское богатство, 1906.
6. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006.
7. *Михайловский Н.К.* Записки профана // Южаков С. Н. Социологические этюды. М.: Астрель,

- 2008.
8. Михайловский Н.К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года // Литературная критика и воспоминания. М.: Искусство, 1995.
URL:
http://az.lib.ru/m/mihajlowskij_n_k/text_0250.shtml
(дата обращения: 5.10.2009)
9. Понимание интеллигенции у представителей субъективной школы (П.Л. Лавров, Н. К. Михайловский, Иванов-Разумник) // Актуальные проблемы философии, социологии и политологии, экономики и психологии. Пермь, 2008. Вып.10.
10. Шарль К. Интеллектуалы во Франции: Вторая половина XIX века. М.: Новое издание, 2005.
-

INTELLIGENTSIA CONCEPTION BY V.P. VORONTSOV
A.G. Istomina

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

Conception of intelligentsia by V.P. Voronsov are discussed in the article. Wide and narrow approaches to definition of the concept intelligentsia are revealed. Differences between the Vorontsov's conception and various conceptions of intelligentsia by sociologists of a subjective school including V.P. Lavrov, N.K. Michailovskiy, Ivanov-Razumnik are considered.

Keywords: intelligentsia; society; people; class.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия «Вестника Пермского университета» (Серия «Философия. Психология. Социология») принимает к публикации научные статьи, содержащие оригинальные авторские идеи и результаты исследований.

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже).

Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Объем статьи до 1 п.л. (40000 знаков с пробелами). Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуются кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле.

Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка».

В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки оформляются в едином формате, установленном системой Российского индекса научного цитирования с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3; 5; 7-10] — на несколько работ. Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются.

Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

В конце статьи допускается указание на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименование фонда поддержки.

Статья должна сопровождаться индексом УДК, а также краткой аннотацией (не более 10 строк) и ключевыми словами (не более 10 слов) на русском и английском языках.

К статье прилагается информация об авторе (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты.

К статье прилагается рецензия научного руководителя (для аспирантов и соискателей).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается.

Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Выпуск 3 (3)

Редактор *Н.И. Стрекаловская*

Корректор *Л.Н. Семицветова*

Компьютерная верстка *Д.Г. Трунова*

Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.12.2010

Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 15,34

Тираж 500 экз. Заказ 460.

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного университета

614990. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного университета

614990. Пермь, ул. Букирева, 15